Мустафа Чокай-оглы

ТУРКЕСТАН под властью советов

(К характеристике диктатуры пролетариата)

N

МУСТАФА ЧОКАЙ-ОГЛЫ

ТУРКЕСТАН

ПОД ВЛАСТЬЮ СОВЕТОВ

(к характеристике диктатуры пролетариата)

Алма-Ата
"Айкап"
1993

ББК 63.3(2 Каз.)
Ч 75

Чокай-оглы Мустафа

Ч 75 Туркестан под властью Советов. Статьи, воспоминания. Алма-Ата: «Айкап», 1993
160 с.

ISBN 5-7667-0357-0

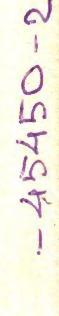
Текст печатается по изданию «Яш Туркестан»
Париж — 1935

Это первое издание в нашей стране трудов легендарного борца-одиночки, рыцаря Свободы и Равенства народов Средней Азии и Казахстана, мечтавшего о возвращении независимой государственности для всех наций Туркестана, о самоопределении его народов. Более семидесяти лет назад преследуемый НКВД, Мустафа Чокай вынужден был покинуть Родину и продолжать борьбу за счастье своего народа в эмиграции, сыскав за двадцатилетнюю журналистскую и политическую деятельность славу непревзойденного полемиста и неистового патриота своего народа.

Здесь же собраны воспоминания о нем его соратников по совместной борьбе в эмиграции. Заслуживает внимания эссе-исследование Ануара Алимжанова о жизни и деятельности Мустафы Чокая.

ISBN 5-7667-0357-0 ББК 63.3(2 Каз.)

Ч $\frac{4701000000-005}{426(05)-93}$ 5-93

ОТ АВТОРА

Первая часть предлагаемой книжки вышла в свет еще в 1928 г. на французском языке под названием «Les Soviets en Asie Centrule» и с предисловием ныне уже покойного Пьера Ренoделя, памяти которого автор считает долгом возобновить свою искреннюю благодарность.

Выпуская ее теперь, по истечении 7 с лишним лет, на русском языке, автор хотел сосредоточить внимание читателей на «фактах Октябрьской Революции», мало известных или не известных вовсе за пределами его родины — Туркестана. Тем более это ему представляется нужным и даже необходимым, что за последнее время большевики усиленно взялись за перекрашивание действительности и стали приписывать туркестанскому «Октябрю» черты, совершенно ему не свойственные. Без риска впасть в ошибку или преувеличение можно сказать, что вся посвященная истории Октябрьской Революции в Туркестане советская литература вплоть до этого (1935) года и носящая следы некоторого правдоподобия объявлена контрреволюционной контрабандой, «троцкистским» или еще того хуже «националистическим извращением» физиономии туркестанского Октября.

Книга большевика Георгия Сафарова — «КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ТУРКЕСТАНА», написанная в 1921 г. на основании материалов, собранных на месте особой комиссией ЦК РКП по делам Туркестана и личных наблюдений самого автора, и имеющая штемпель Государственного Изд-ва, уже давно объявлена контрреволюционной клеветой.

В категорию запрещенных книг попала и полуграмотно составленная книга сталинского фаворита, ныне занимающего высокий пост заместителя председателя Совнаркома РСФСР, туркестанца Турара Рыскулова — «РЕВОЛЮ-

ЦИЯ И КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТУРКЕСТАНА» (Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов).

Едва успев увидеть свет, попали в список запрещенных вредных книг книги двух авторов — Брайнина и Шафиро: «ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТОВ В СЕМИРЕЧЬЕ», вышедшая в 1934 г., и «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АЛАШ-ОРДЫ», вышедшая в 1935 году. Первая из этих книг издана Истпартом Казахского Крайкома ВКП совместно с Казахским Научно-Исследовательским Институтом марксизма-ленинизма. Книга не угодила тем, что авторы ее, пользуясь, как одним из источников, воспоминаниями участника «Первых шагов Советов в Семиречье» — некоего Трофимова, приводят, между прочим, следующее его рассуждение:

— Какое же отношение ко всем этим событиям (советскому перевороту) имели широкие трудящиеся массы туземного населения?

— Никакого! — отвечает автор воспоминаний Трофимов.

Само собой разумеется, сталинцы и «сталинская историография» не могут примириться с таким компрометирующим происхождение туркестанского Октября фактом. Книга изъята из обращения.

Ну вот что неприятно. Газета «Казахстанская правда», откуда взято это сообщение (номер от 23 апр. 1935 г.), в номере от 21 января этого же года приводила чрезвычайно интересные выдержки из воспоминаний первого председателя казахского ревкома Пестковского. Пестковский этот беседовал в 1919 г. с Лениным и жаловался ему на *«трудности партийной и просветительной работы среди кочевого казахского населения в силу слабости и недостаточности в то время национальных большевистских кадров»*. Ленин тогда ответил Пестковскому (привожу дословно по «Казахстанской правде»):

— Я вам дам практический совет. Сорганизуйте ряд докладов о сов. конституции, о принципах компартии, о нашей национальной политике. Выберите хороших и популярных лекторов из нашей среды. Пускай напишут или прочтут эти доклады. Эти доклады надо перевести на казахский язык. Переводы можно контролировать: есть у нас ученые, знающие казахский язык. Потом эти проверенные переводы надо зафиксировать на граммофонных пластинках. Затем приобретите через наши органы снаб-

жения возможно большее количество граммофонов. Я вам окажу в этом содействие. Граммофоны и пластинки рассылайте по степи от аула к аулу и таким образом положите начало вашей агитации и пропаганде среди широких масс кочевников». («Борьба классов», № 1, стр. 136. 1934 г.).

Беседа Пестковского с Лениным, как было отмечено выше, имела место в 1919 году, т.е. через два года после рождения «Октября». И если Ленин тогда только заговорил о начале агитации и пропаганды среди широких масс кочевников и советовал для этой цели прибегать к услугам *граммофонных пластинок*, то достоверность приведенного в книге Брайнина и Шафиро свидетельства Трофимова о том, что «широкие трудящиеся массы казахского населения не имели никакого отношения к октябрьскому перевороту», не должна ни в ком вызывать никакого сомнения...

Другая попавшая в контрреволюционный список книга тех же самых Брайнина и Шафиро — «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АЛАШ-ОРДЫ» вышла в начале 1935 года в издательстве Казахского Крайкома ВКП, Казахского Научно-Исследовательского Института марксизма-ленинизма (КНИИМЛ) и Казахского Института марксизма-ленинизма (КИМЛ). Учреждения все солидные, отвечающие самым последним требованиям сталинизма. Книга получила самый лестный отзыв не только со стороны местных казахстанских авторитетов марксизма-ленинизма-сталинизма, но даже со стороны самого Института Истории Комакадемии при ЦИК СССР. И тем не менее она не угодила Москве. «Московская «Правда» чрезвычайно возмущена заявлением авторов книги о том, что «при оценке роли алашского движения следует исходить не из предвзятой схемы, и тем еще в особенности, что в «приложении» к книге собран ряд высказываний алаш-ордынских лидеров, программа партии Алаш, важнейшие воззвания и решения алаш-ордынских съездов». На этом основании книга Брайнина и Шафиро изъята из обращения, как «алаш-ордынская контрабанда» («Правда» от 13 апр. 1935 г.)...

К контрреволюционной литературе отнесен и юбилейный номер (№ 10) официального правительственного журнала «НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАЗАХСТАНА» (октябрь 1934) за несоответствующее сталинской «историо-

графии» освещение «туркестанского Октября». И этот список можно было бы увеличить ad ljbituni. Боязнь своего происхождения, борьба против «непредвзятой схемы». стремление доказать во что бы то ни стало непорочное начало «туркестанского Октября» — вот характерная особенность большевистской историографии.

Сохранить в собранном виде хотя бы самую незначительную часть правды об «Октябре в Туркестане» — вот одна из главнейших причин, побудивших автора переиздать настоящую брошюру. Автор заранее признает все ее недостатки. Первоначально написанная наспех и в тоне полемическом, брошюра страдает недостатками не только характера стилистического. Автор ставил себе задачей ответить на каждый пункт заявлений делегации французских коммунистов и строго держаться ее «программы». Отсюда нестройность в изложении. Но удостоверенная советским критиком с трибуны ЦИК СССР (см. в «Приложении» речь Шалвы Элиавы) правильность сообщаемых в ней фактов, думается автору, в значительной степени смягчает недостатки брошюры.

В книжке внимание обращено, главным образом, на политические моменты в их национальном аспекте. Ибо, как совершенно правильно пишет один из сталинских авторитетов ленинской национальной политики в Туркестане — И. Варейкис, *«бывают моменты, бывает такая обстановка, когда политические вопросы играют решающую роль, а вопросы экономики — второстепенное или третьестепенное значение»*[1] Туркестан в целом переживает, правильнее было бы, пожалуй, сказать — вступил как раз в «период первоначального накопления национального самосознания». (Пусть простят мне эту перефразировку). Поэтому и к вопросам хозяйственным и культурным туркестанцы относятся с точки зрения их соответствия требованиям национальных интересов страны. Вот, к примеру, Туркестано-Сибирская ж.д. (ТУРКСИБ). Мы ее не приемлем, поскольку ее проведение послужило поводом к новому наплыву русских переселенцев в Туркестан (Казахстан). Лучшие участки земли отведены этим турксибским переселенцам, а само коренное казахское население загоняется в колхозы, устроенные «на каменистой земле, у озера с негодной для питья водой, без выгона для скота

---

[1] См. его статью в сборнике — «Национально-Государственное размежевание Средней Азии». Ташкент. Ср.-Аз. Государственное Издательство», 1924 г., стр. 50.

и с пашней, отстоящей на 40—50 км». Или же, «несмотря на просьбы и протесты казаков, их выгоняют с насиженных мест с богатым сенокосом, хорошей водой и лесом и устраивают их в колхозы без воды, без леса и с негодной для пахоты землей. И т. д. (см. «Казахстанская правда» от 23 окт. 1933 г.[1]).

Или вот «вторая каменноугольная база СССР» — Караганда. Караганда сегодня интересует туркестанцев не

---

[1] Приводится с перевода на казахский язык.

Туркестанцы смотрят это это, не как на изолированное явление, не как на головотяпство местных агентов. Это есть планомерное выполнение директив центральной сов. власти, в доказательство чего можно привести следующее из книги — «СССР ПО РАЙОНАМ. КАЗАХСТАН». (Из серии — «Экономическая география СССР. Госизд. 1929, стр. 55—56):

«Статья 14 утвержденного ВЦИК для Казахстана положения о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах гласит, что «до окончания основных землеустроительных работ в указанных районах не допускаются никакие изъятия земель как под переселение, так и под сдачу в аренду стороннему, за исключением отводов для государственных надобностей». Этим, с формальной стороны, вопрос как будто исчерпывается, тем более, что *основные принципы сов. колонизации, в противоположность дореволюционной, нигде вообще не допускают новых вселений до завершения землеустройства коренного населения. Однако... в специальной литературе авторитетно выдвинута мысль о том, что в Казахстане землеустройство, выявление излишков и их заселение должны производиться одновременно и параллельно. Иначе возникает опасение, что земельные и водные ресурсы здесь будут использованы неправильно и нерасчетливо (закрепление лучших земель за наличным населением и обесценение таким путем оставшихся излишков).* (Курсив мой. М. Ч.), что общая задача вовлечения в хоз. оборот пустующих земель чрезмерно отдалится во времени в ущерб Союзу и самому Казахстану...»

«...18 янв. 1928 г. ЦИК СССР постановил поручить Всесоюзному Переселенческому К-ту выявить переселенческие фонды Казахской респ. и обеспечить, путем заселения, рациональное использование богарных и орошаемых земель в районе строящейся Турк.-Сиб. ж.д. 21 февр. того же года названный Переселенческий К-т уже включил в пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий (1928—1933) внедрение в пределы Северного Казахстана до 400 тыс. переселенцев извне...»

Далее, если вы взглянете на приложенную к названной книге карту Казахстана, то увидите там проекты «первоочередных колонизационных ж. д.», идущих от Кустаная через Акмолинск и от Кокчетава через Акмолинск же на Карагандинские копи. Районы эти самые плодородные во всей казахской части Туркестана. Те казахские колхозы на каменистой земле, без воды, без пашень и без выгонов для скота, о которых было сказано выше, устроены как раз в этих плодородных районах, где, к слову сказать, и количество казахского сельск. населения пало до 35,4 % в Кустанайском и до 36,9 % в Акмолинском районе (см. там же, стр. 29).

Кто может оспаривать, что это есть прямой результат «опасения» сов. центра — как бы «лучшие земли не были закреплены за наличным, т.е. казахским населением».

с точки зрения количества добываемого там каменного угля, а с точки зрения положения, занимаемого на копях казахскими рабочими и техниками. И вот когда известно, что из 600 выпущенных в 1934 г. специалистов, на шахту № 1 было принято 48 чел., из них сумело удержаться на работе только 11; из 52 принятых на шахту № 2 осталось только 4 и что специалисты казахи намеренно не допускаются к работам, над ними издеваются и т.д. («Казахстанская правда» от 21 февр. 1935 г.), Караганда из каменноугольного гиганта в глазах туркестанцев превращается, как и трест «Таджикзолото» и мн. другие, в очаг национального издевательства...

* * *

Многое ли изменилось в Туркестане с 1928 года. С точки зрения национальной изменений мало. Элиава прав, когда с трибуны ЦИК СССР говорит, что «та категория фактов и явлений, которую затронул гр. (так и сказано *гр(ажданин)* Чокаев в своей книге в ответ на письменное заявление рабочей французской делегации, посетившей Среднюю Азию, этот круг явлений, может быть, наиболее тяжелый для преодоления в нашей работе». Что Элиава прав, это может подтвердить и б. чекист Петерс, который в истекшем (1934) году проводил чистку партийных рядов Средней Азии.

— *Я думаю,— говорит Петерс,— мы не найдем такого идиота, который сейчас пошел бы на улицу и стал открыто ругать узбеков, таджиков, киргизов, казахов, как это было в 1920-1921 гг. Искажения в национальном вопросе, пожалуй, ярче всего обнаруживаются при выдвижении национальных кадров и особенно кадров квалифицированных рабочих.*

При чистке парторганизации треста «Таджикзолото» обнаружилось, продолжает Петерс, что рабочие-таджики не получают технической помощи, а европейцам она дается. В результате — снижение заработка у таджиков против русских в 5—6 (пять-шесть) раз.

....

— *В Сталинабаде (Душанбе, столица Таджикстана),— говорит тот же Петерс, русским предоставлялись лучшие бытовые условия, чем таджикам (предоставление лучших помещений, обедов и т.п.)...*

— *Я мог бы,— заканчивает свою мысль Петерс,— при-*

вести массу подобных фактов из материалов чистки, где русские шовинисты грубейшим образом нарушают директивы партии в области воспитания национальных кадров», («Правда Востока», № 210 от 11 сент. 1934 г.[1]*).*

Вполне естественно, что и туркестанцы пытаются, где только возможно, отплатить русским той же монетой. Но туркестанская «национальная контратака» по силе и достигаемым результатам не может идти в сравнение с наступлением красных сталинских шовинистов.

Приведу два факта, которые сообщает Петерс, как наиболее ярко освещающие отношение русских к туркестанцам. Оба примера взяты из жизни «Седьмой Советской», т.е. Таджикистана Петерс говорит:

— Я сегодня утром был свидетелем такой картины: заехал за мной т. Шотемор, предс. ЦИК, первый человек в Таджикистане, представитель советской власти. По советской конституции так это и есть. И вот мы с ним идем сегодня, и его не пропускают через станцию. Я говорю: «Это председатель ЦИК». «А мне какое дело?» (Газетный отчет отмечает «Смех»). Вот вам отношение. Он (Шотемор) идет за справкой к дежурному по станции[2], а тот с ним и разговаривать не хочет... Я мог бы привести еще

---

[1] Позволю себе привести здесь отрывок из речи Петерса на собрании ташкентского городского партийного актива в мае 1934 года. Петерс приводит данные, обрисовывающие подлинное лицо «туркестанского Октября».

— Мне помнится,— говорит Петерс,— на происходившем тогда (в 1922 г. М. Ч.) съезде партии, на котором я участвовал, мы в течение двух дней не могли избрать президиум (Смех); пришлось Туркбюро ЦК партии предложить состав президиума от имени ЦК...

— Я помню,— продолжает далее Петерс,— в то время в составе правительства Туркреспублики были примазавшиеся, чуждые и враждебные нашей партии элементы. Кто только не входил в это правительство! Туда примазался даже бывший конокрад. (Смех). И все об этом знали. Когда мы, с целью устранения этого положения, стали подыскивать честных, преданных делу пролетариата людей из низов, из рабочих и трудящихся, то нам долго приходилось уговаривать этих товарищей, которые были настолько забиты тогдашним колонизаторским размахом, существовавшим среди части русских товарищей, не верили в свои силы, что боялись войти в правительство»... («Правда Востока» от 24 мая 1934 г., № 118)...

Правительство, где восседал конокрад и куда боялись войти честные, преданные делу пролетариата люди из низов, из рабочих и трудящихся туркестанцев! Вот чем была диктатура пролетариата в Туркестане и чем так гордятся ленинцы и сталинцы.

[2] Очевидно, чтобы узнать — разрешается ли председателю ЦИК пройти через станцию.

много таких примеров, и эти примеры исключительно характерны, они говорят о том, что тут еще глубок великодержавный шовинизм» («Правда Востока», № 137. 16 июня 1934 г.).

Через месяц Петерс приводит другой факт, не менее красочный, чем предыдущий:

— Я был свидетелем такого факта,— говорит Петерс, когда технический секретарь газеты «Коммунист Таджикистана» (газета на русском яз.— **М. Ч.***) на звонок председателя СНК Таджикистана тов. Рахимбаева, почему не помещают в печати его выступление, которое было уже согласовано и должно было быть уже напечатано, издевательски отвечает, что оно неинтересно и поэтому печатать его не будут. На второй звонок тов. Рахимбаева редактору газеты последний ответил: «У нас есть более интересный материал*[1] *(«Правда Востока», № 166, от 21 июля 1934 г.).*

Шотемор и Рахимбаев — это, «по советской конституции», первые люди не только в Таджикистане, но и в Советском Союзе вообще. И если над ними издеваются какие-то там дежурный по станции и технический секретарь местной газетки, что ответить на вопрос, кто является в Туркестане носителем диктатуры пролетариата, не представляет никакой трудности...

Сейчас, на 18-м году советской власти и «национального освобождения» Туркестана, положение там не то же самое, что в «1917, 1918, 1919 гг., когда, по словам московской «Правды» (№ 111, от 20 мая 1922 г.), киргизов сжигали живьем, чтобы захватить у них землю». «На них охотились. Они были обречены на вымирание, продолжала «контрреволюционная» «Правда». Многие участки захватывались для того, чтобы помешать прогону киргизского скота. На кочевых дорогах строились пасеки, чтобы облагать контрибуцией всех, прогонявших скот»...

Сейчас, как засвидетельствовал б. чекист Петерс, никто открыто на улице не ругает туркестанцев. Методы управления стали внешне мягче, но суть осталась та же самая. Диктатура пролетариата в смысле национальном, т. е. как власть или как активно-руководящее участие во

---

[1] Рахимбаев этот по сов. конституции является также и одним из председателей ЦИК СССР.

власти национального пролетариата в Туркестане — пустое слово. Шотеморы и Рахимбаевы тому яркое доказательство.

Произошли изменения, конечно, в области хозяйственной и культурной. Это последняя область особенно трудно поддается «расшифровке». Количество школ, учащихся в них детей, «вузы» и «втузы» — все это производит впечатление. Но, с точки зрения национальных достижений, в соответствии с выпячиваемой самими же большевиками программой — результат ниже большевистской же «самокритики».

Недавно в московских «Известиях» (номера от 8 июля и 8 сентября этого года) появились две статьи на тему о школах в Киргизии. Одна из этих статей называлась «ГНЕЗДО КУЛАКОВ-КОЛОНИЗАТОРОВ» (обратите внимание на «колонизаторов»!), а другая озаглавлена — «СУМБУР В ГОЛОВЕ». В них рассказывается о том, как идет подготовка «национальных кадров». В Киргизии всего три педагогических техникума. В техникуме гор. Кара-Кола (б. Пржевальск) слушателей 55 (вместо планового задания в 105), из них киргизов *всего — 9 (девять), русских — 35.* В техникумах Фрунзе (б. Пишпек) и Джалалабада — всего 172 учащихся, из них киргизов — 50. На двух первых курсах преподавание ведется частью на киргизском, частью на русском языках. На третьем курсе (по программе последнем) все предметы обязательно на русском языке. И вполне естественно, что «учащиеся киргизы отсеиваются. Результат: Кара-Колский киргизский национальный техникум выпустил к 1 июля 1935 г. одиннадцать педагогов, и все они оказались русскими»...

Кара-колский пример не может быть, конечно, обобщен, но общее положение во всех советских «национальных» техникумах, «вузах» и «втузах» отличается от караколского весьма мало.

В заключение несколько слов о положении животноводства в Туркестане (в Казахстане, в частности). Вся почти созданная сов. пр-вом промышленность, вся индустрия является привилегией пролетариата господствующей нации. Те «десятки и сотни тысяч», которыми насчитывают пролетариат «основных национальностей» Туркестана, по-прежнему, состоят в значительной степени из черно-

рабочих, рабочих сезонных, пастухов, кучеров, домашних прислуг и т. д. Поэтому состояние животноводческого хозяйства, продолжающего оставаться «привилегией» коренных туркестанцев, представляет большой интерес. Тем более, сам *«Сталин указал, что даже при полном социалистическом строе, даже при коммунизме не исключена возможность кочевого скотоводства, а наоборот, скорее всего будет так, что отдельные группы районов Казахстана и Средней Азии будут районами кочегого скотоводства, разумеется, при другом уровне развиттия производительных сил районов и при другой технике» («Казахстанская Правда», от 28. VI. 1934 г.)*.

Замечу, что эта новая сталинская теория о социалистическом и даже коммунистическом кочевом скотоводстве появилась после отобрания большей части годных для хлебопашества земель в пользу русских переселенцев. До 1930-го, даже до 1932-33 гг. само упоминание о кочевом хозяйстве при советском режиме считалось совершенно недопустимым...

В статье — «Пятнадцать лет Казахстана» («Правда» от 23 окт. 1935 г.) секретарь Казахского Крайкома ВКП Мирзоян с торжествующим видом сообщает, что «Казахстан пришел к своему юбилею, имея 7.120 тыс. голов скота![1] Тому, кто не знает прошлого казахского животноводческого хозяйства, цифра эта, пожалуй, может показаться и внушительной. Не уходя далеко в дореволюционную эпоху, я ограничусь только данными о казахском скотоводстве за 1927 год. После всех катастроф, беспрерывно продолжавшихся с 1916 по 1923 год, на территории, тяготеющей к линии Турксиба, имелось 28.883.480 голов скота. Из этого количества 63 % приходится на долю казахского и 14,4 — на долю киргизского населения». На этой же территории численность населения равнялась (в 1926 г.) 5540.700 душ, из них казахского населения — 49,1 % и киргизского — 9,4 %. Цифры эти сообщены Тураром Рыскуловым в статье «Туркестано-Сибирская ж.д. и ее значение для народного хозяйства СССР» в книге — «ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ» (Москва, 1929). Следовательно, на долю казах-киргизского населения приблизительно в *3 млн.*

[1] Журнал «Революция и Национальности» (№ 10, октябрь 1935 года) в статье «Итоги хозяйственного и культурного строительства Казахстана за 15 лет» дает цифру — до 6.400 тыс. гол.

душ приходилось около 22 млн. голов скота. В нынешнем сов. Казахстане, численность населения приближается к *7 млн. душ, а количество скота 74.120 тыс. или 6.400 тыс.*

Количество же скота в т. н. Советской Средней Азии в 1934 г. определялось в 9.617 млн. гол. против около 40 млн. до «Октября».

Можно ли привести другой более убедительный пример хозяйственных достижений скотоводческого туркестанского населения?..

* * *

Выход в свет книжки совпадает с 18-летним юбилеем советской власти и торжества т. н. «ленинской национальной политики». В системе этой политики Туркестану большевики отводят особое место. И сам Ленин, и за ним все большевистские вожди — большие и малые — подчеркивают двойную роль Туркестана: во-первых, Туркестан должен служить опытным полем применения этой самой «ленинской национальной политики» и, во-вторых, Туркестан должен явиться наглядным примером, образцом разрешения более общей и более важной проблемы — «колониально-освободительной революции». Осуществлению на практике этой политики в Туркестане посвящена настоящая книжка. Автор всемерно старался оставаться в рамках фактов и только фактов и при этом фактов, могущих быть подкрепленными официальными советскими источниками.

Но большевики чрезвычайно любят говорить о ленинско-сталинской теории национальной политики, любят говорить и убеждать себя и других в неизменной верности заложенным Лениным и Сталиным основам национального самоопределения. Но многие ли помнят и знают метаморфозу советской (ленинско-сталинской тож) теории самоопределения наций. Может быть, именно в связи с юбилеем торжества национальной политики советской власти не будет бесполезным привести здесь и сопоставить теоретические суждения Ленина и Сталина по данному вопросу *до и после Октября.*

Буду по возможности краток, тем более, что суждения

Ленина и Сталина до того ясны и категоричны, что не требуют никаких разъяснений.

— Под самоопределением наций, писал Ленин в апреле 1914 года, разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства[1].

Эту основную мысль ленинского «самоопределения наций» вы находите во всех последующих выступлениях большевиков. На фракционной конференции большевиков в апреле 1917 г. (большевики тогда ведь являлись лишь фракцией социал-демократической партии) в Петербурге Сталин решительным и убеждающим тоном заявлял:

— *Угнетенным народам, входящим в состав России, должно быть предоставлено право самим решить вопрос — хотят ли они оставаться в составе Российского государства или выделиться в самостоятельное государство*[2].

И в резолюции, принятой на той же самой конференции, мы читаем:

— *За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и неприятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий*[3].

Не буду останавливаться на выступлениях Ленина в связи с финляндским вопросом, где он особенно подчеркивает однозначность политического самоопределения наций *со свободой отделения их от России.*

Все подобные «установки» делались большевиками — Лениным и Сталиным, разумеется,— до появления их у государственной власти.

Вот они у власти. Как из рога изобилия посыпались декреты и воззвания, подтверждающие право подвластных России народов на свободное отделение и образование самостоятельных национальных государств. Больше то-

---

[1] См. Ленин: «Собрание сочинений», т. XIX, стр. 98. Изд. 1921

[2] См. «Революция и Национальный вопрос». Изд. Комакадемии. Москва, 1930 г., т. 3-й, стр. 8.

[3] Там же, стр. 26.

го, в специальном «Воззвании Совета народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», обращаясь к нашему народу, советское правительство взывало:

— Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию!..».

Устроить жизнь свою по образу своему и подобию — надо полагать, что именно вот эта и ей подобные мысли и суждения были зафиксированы на граммофонных пластинках, которые Ленин, за отсутствием туземных адептов, щедрой рукой отправлял в туркестанские степи для пропаганды большевистской национальной политики...

...Уже четыре года большевики стоят у власти. Нет больше белых фронтов. Там, где хрипели только граммофонные пластинки, уже царствует ЧЕКА... Вот X съезд компартии, знаменующий собою целый этап в определении ленинско-национальной политики. Сталин, тогда народный комиссар по делам национальностей, вступает в полемику с Чичериным и упрекает последнего в том, что тот... *«слишком много говорит о национальном самоопределении, которое, говорит Сталин, действительно, превратилось в пустой лозунг, удобно используемый империалистами».*

Вы уже замечаете разницу в отношениях Сталина к лозунгу о «самоопределении наций»: он считает его «пустым лозунгом». Но предоставим слово самому Сталину:

— Мы с этим лозунгом распростились уже два года. Этого лозунга у нас больше нет в программе. У нас в программе говорится не о национальном самоопределении — лозунг совершенно расплывчатый, а о лозунге, более отчеканенном и ясно определенном — о праве народов на государственное отделение. Это две вещи разные...»[1]*).*

Вы помните, что Ленин в 1914 г., конференция большевиков в апреле 1917 г. и опять Ленин в мае 1917 г. (по финляндскому вопросу) не делал никаких различий между

[1] Цитирую по брошюре — «Национальный вопрос и Сов. Россия», выпущенной народным комиссариатом по делам национальностей. Госиздат. 1921 г.

«самоопределением наций» и «правом народа на государственное отделение». Наоборот, и Ленин, и конференция большевиков считали эти два понятия синонимами. Ну вот стоило большевикам укрепиться во власти, как понятие «самоопределения наций превращается в пустой звук» и решительно противополагается «праву на государственное отделение». Происходит что-то вроде, скажем, «межнационального размежевания» внутри до сих пор считавшегося священным для большевиков национального самоопределения.

Что же касается «права на отделение от России», то Сталин заявляет, что оно *«остается неиспользованным... по воле самих народов, входящих в состав Сов. России».*

Воля народов, входящих в состав Сов. России! — вот что превращено большевиками, действительно, в пустой звук, удобно используемый ими на разного рода юбилейных собраниях и съездах...

В другом месте Сталин был более определенен и говорил:

— Требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно[1].

Вы теперь понимаете, почему право на отделение от Сов. России остается неиспользованным по воле самих народов: требование осуществления этого права заранее объявлено «глубоко контрреволюционным».

Но Сталин не отбрасывает вовсе этого «глубоко контрреволюционного» лозунга и поясняет:

— Поскольку же мы имеем дело с теми колониями, которые находятся в тисках у Англии, Франции, Америки, Японии, поскольку мы имеем дело с такими подчиненными странами, как Аравия, Месопотамия, Турция, Индостан, т. е. теми странами, которые являются колониями Антанты, постольку лозунг права на отделение является революционным и отказаться от него — значит сыграть в руки Антанты[2].

И достаточно было Сталину объявить право на отделение окраин от России контрреволюционным, как другие, что помельче, менее ответственные и потому более откровенные большевики заговорили по-настоящему:

— Совершенно естественно,— говорит на том же самом X съезде партии Затонский,— что если бы мы, в ущерб окраинам, укрепляли центр, то мы поступили бы

---

[1] Цитирую по журналу «Народное хозяйство». № 9. Декабрь 1920 г. Баку.

[2] «Национальный вопрос и Сов. Россия»

правильно. И если бы нам нужно было для укрепления его даже ограбить окраины, то мы пошли бы и на это.

Вот когда уместно сказать — комментарии излишни».

Такова ленинско-сталинская национальная политика. *На граммофонной пластинке она гласит: «национальное самоопределение вплоть до отделения», а в действительности же — самоопределение наций превратилось в пустой звук и право на отделение в глубоко контрреволюционную эсхатологию.*

Разумеется, для народов, входящих в состав Сов. России...

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Мустафа Чокаев, автор этой брошюры, вспомнил, что я имел приятный случай встретить его в 1920 году в Тифлисе во время путешествия в Грузию, которого большевики не могут простить Социалистическому Интернационалу.

Уже в то время г. Чокаев с волнением рассказывал мне о том, что происходит в его стране. Он говорил об этом со знанием дела и полным пониманием обстановки, так как он принадлежит к самым культурным людям своей страны.

Г. Чокаев говорил с нами не как социалист, но как демократ, который, несомненно, приветствовал бы большевистский переворот в Русской революции, если бы этот переворот дал его стране демократию и свободу.

Ныне, восемь лет спустя после этих бесед, Грузия вновь находится под насильственным игом, а Туркестан по-прежнему может быть рассматриваем, как колония, в которой большевистская администрация не уступает царской в грубости и цинизме метода управления и по крайне печальным результатам абсолютизма, который, хотя и носит имя пролетарской диктатуры, возбуждает в подвластном ему населении не менее прежнего чувство возмущения.

Г. Чокаев рисует нам в этой брошюре страшную картину крови, угнетений и невежества.

Поводом для ее написания послужил доклад французской большевистско-коммунистической делегации, путешествовавшей по Средней Азии за счет московского правительства.

Г. Чокаев и его друзья не пожелали оставить этот рассказ без ответа.

Конечно, те, кто делает ныне фантастические заявления по поводу показанных им «потемкинских деревень»,

будут жаловаться, что автор брошюры, разоблачая красоты советской власти в Туркестане, клевещет на их добросовестность.

К несчастью для них, г. Чокаев пользуется самым лучшим, самым надежным методом. Не при помощи собственных наблюдений и размышлений он убеждает читателя. Он делает это при помощи большевистских же документов.

Когда он рассказывает, что население Туркестана ограблено и порабощено во всех отношениях, он ссылается на тексты Турара Рыскулова и Сорокина. Эти господа сыграли важнейшую роль в жизни Туркестана. Первый, бывший председатель ЦИК Туркестана, является теперь товарищем председателя Совнаркома РСФСР, а книга его издана Госиздатом в Ташкенте, столице Узбекистана. Второй, Сорокин, является бывшим председателем Туркестанского совнаркома.

На основании цитат из «Правды Востока», большевистской газеты в Ташкенте, большевистского журнала «За Партию» и др. г. Чокаев показывает, как применяются в Туркестане методы настоящей русской империалистической и националистической колонизации.

Свидетельство о том, что сотни и сотни тысяч туркестанцев пали жертвою режима (вымерли); доказательство, что местная администрация в громадном большинстве заполнена русскими и в очень ничтожном проценте туземцами; свидетельство, что в известном смысле правит страной невежество и так называемый марксистский ленинизм, является только фасадом — фарсом, как большинство большевистских утверждений; что под ширмой аграрной революции производится коллективная и принудительная эксплуатация культуры (хлопок), в которой метрополия нуждается для обмена и вывоза и внутреннего потребления,— все это основано на большевистских текстах.

Рядом с этим политические комедии, описываемые г. Чокаевым, насчет ношения чадры мусульманскими женщинами или еще более характерная история о том, как русско-туркестанский коммунизм пытался установить, является ли Ленин пророком или нет — заставляют социалистов краснеть при виде того, как их идеалу приписываются столь печальные и нелепые результаты.

В иных формах, чем в Грузии, но в результате той же политики и здесь попираются как право народа на национальную свободу, так и право человека на личную свободу.

Брошюра г. Чокаева является документом, среди множества прочих, который лишний раз убеждает нас в том, что, если русская революция в марте 1917 года пробудила великие надежды, то большевистский Октябрьский переворот обратил их в прах.

Русская революция и падение царизма являются, несомненно, одним из величайших событий, сопровождавших войну или возникших в ее результате. Но никто не поверит, что недобросовестные путевые реляции, опрокинутые г. Чокаевым, могли быть достаточными, чтобы убедить мир, в частности рабочих, что серьезно осуществляется социализм на огромном протяжении Средней Азии, куда промышленный капитал почти не проникал и где земледельцы не имеют необходимых орудий для обработки земли, что мы видим из цитируемых здесь документов.

Разумеется, нам известно, какие выводы делает против социализма наша западная буржуазия из этого морального провала большевизма.

Но разве не писал Жарес: «Мужество требует искать правды и ее говорить».

Не лучше ли действительно постараться освободить социализм от совершенных ошибок?

Не лучше ли извлекать уроки из опыта, чем убаюкивать себя ложью, которая в конце концов перестает кого-либо обманывать?

Г. Чокаев оказывает поэтому нам услугу, сообщая совокупность своих сведений и документов, подлинных и неопровержимых.

Во имя истины он заслуживает благодарность.

Пьер РЕНОДЕЛЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Группа членов французской рабочей делегации, ездившей в Москву на X-летие Октябрьской революции, посетила и наш Туркестан. Нужно ли сомневаться в том, что советские гости пришли в неописуемый восторг от всего виденного и даже не виденного ими в «национальных республиках Туркестана». Этими своими восторгами они делились и с сотрудниками ташкентской газеты «Правда Востока», и о них же пишут в особой декларации, выпущенной ими перед отъездом из СССР.

В этой «декларации» французские делегаты пишут, что они «имели возможность посещать все, что им хотелось», что им «была предоставлена полнейшая свобода». Этим они как будто хотят сами выдать свидетельство беспристрастных наблюдателей, заинтересованных лишь в правдивом освещении советской национальной политики в Туркестане.

Одно замечание просится раньше всего.

Как они могли использовать «предоставленную (допустим) им полнейшую свободу» в стране, языка которой они вовсе не знают, о которой они до сих пор не имели никакого понятия, с представителями которой они могли вступать в беседу только при посредстве переводчиков заинтересованной в сокрытии неудобной для власти правды стороны, т. е. переводчиков-москвичей? Ибо я знаю, что ни одного узбека, туркмена, таджика, казаха или киргиза, который мог бы быть переводчиком между своими и французами, на всем протяжении Туркестана не найти. Нет, французские делегаты не могли войти в непосредственные сношения с представителями, пусть это будут даже коммунисты, коренного населения Туркестана. Всегда и на каждом шагу между французами и теми, с политическим устройством которых они приезжали знакомиться, вставала фигура московского агента.

Конечно, отсюда не следует, что узбек или кто другой из коренных коммунистов, умей они сами объясняться непосредственно с французскими делегатами, могли бы дать другие, более соответствующие действительности сведения. Но все же невозможность непосредственного общения с коренными туркестанцами во многом преуменьшает ценность «полнейшей свободы», которою якобы «пользовались» высокие гости московского правительства.

Вопреки утверждениям французских делегатов, они видели только то, что им показывали советские гиды в Ташкенте, Коканде, Самарканде, Бухаре, Ашхабаде... И в том, что показывали им в этих городах, и в справках, выданных им советскими учреждениями и агентами, гости-экскурсанты нашли как раз то, чего на самом деле нет в Туркестане.

Вот в нескольких словах резюме впечатлений французских делегатов:

— Мы убедились,— говорит член делегации г. Шемино,— что в молодом советском Узбекистане местное население управляет собою...

— Из наведенных нами справок,— продолжает он,— мы увидели, что во всех государственных органах руководящий состав в большинстве состоит из представителей местного населения...

А член делегации сириец Али-Мира перед отъездом передал узбеку-рабочему записочку на французском языке. И там было написано:

— Я видел собственными глазами, насколько более счастливы все мои единоплеменники (?!) в Стране Советов чем там, где царствует капитал.

Наконец, вот слова председателя делегации г. Гаше.

— Мы передадим пославшим нас французским рабочим, что в советском государстве действительно проводится в жизнь равноправие всех национальностей. В этом я убедился... (Ташкентская газета «Правда Востока» от 30.XI и 2.XII 1927 года).

А декларация, составленная делегатами перед своим отъездом из СССР и опубликованная в номере от 20 января 1928 г. газеты «Правда Востока», перечисляет все «национальные достижения наших товарищей туземцев»...

* * *

По существу, не было никакой надобности в этой дорогостоящей поездке в далекий Туркестан, чтобы вы-

сказать святые для всех большевизанствующих истины: в Стране Советов все хорошо, особенно же безукоризненна национальная политика советской власти. Ведь все коммунисты всех стран заранее убеждены, что в Советском Союзе все народы воодушевлены чувством братской солидарности, что «Советский Союз основан на братском добровольном сожительстве национально-свободных советских республик...»

Повторяю, что для высказывания мнений, подобных мнениям г. г. Шемино, Гаше и др. о туркестанских республиках, не было решительно никакой надобности в этой поездке. То же самое они могли высказать и написать, сидя во Франции. И нужные им справки могло доставить любое советское представительство в Европе.

Вот пример того, что французам не надо было ездить и «видеть все своими глазами»:

Французские делегаты проехали без остановок через советский Казахстан, если не считать остановки везшего их поезда на несколько минут (около часу ночи) на ст. КЗЫЛ-ОРДА. Там они успели обменяться официальными приветствиями и получить из рук представителя революционного Профсоюза Казахстана товарища Азьмухана Корамыс-оглы альбомы. И этого было достаточно, чтобы гости «убедились» в революционных достижениях Казахстана и пришли в дикий восторг и умиление от условий жизни трудящихся масс и пролетариата этой «счастливейшей в мире» республики.

Французские делегаты настолько поражены достижениями сов. Казахстана, что дали себе зарок «идти его дорогой» и твердо решили добиваться и во Франции тех же условий культурной жизни и труда, в которых живут и работают «счастливые казахи».

Так именно и сказано в «письме французских рабочих к трудящимся Казахстана», опубликованном за подписями всех членов делегации в номере от 28.XII.27 главной партийно-правительственной газеты «ЭНБЕКШИ КАЗАК».

II

Мне бы хотелось поделиться сведениями по поводу тех самых достижений советской национальной политики в Туркестане, которые привели в такой восторг делегатов французской коммунистической партии и особенно сирийца Али-Мира. Последнему я особенно рекомендую получить в надлежащих советских органах опровергающие мои сведения данные.

Этим я исполняю не только долг туркестанца, но и

прямое поручение моих соотечественников, обратившихся ко мне с настойчивой просьбой ответить на «личные впечатления» французских гостей московского правительства. При этом буду пользоваться источниками исключительно советского происхождения, туркестанскими газетами и журналами на русском, узбекском, казахском языках. Буду цитировать протоколы партийных или иных конгрессов и издания советского Государственного Издательства. Я буду говорить о фактах, при том о таких фактах, которые не могут быть опровергнуты, ибо они все зафиксированы самой же советской прессой. Их остается только принять и признать. Признать в данном случае — значит исключить возможность разного толкования их, значит исключить и разногласие в соответствующих выводах. А выводы эти заключаются в той громадной пропасти, которая отделяет теорию и лозунги национальной политики советской власти от их осуществления в Туркестане[1].

Мы, я и мои единомышленники, отнюдь не являемся сторонниками старой европейской системы, так называемой «колониальной политики». Но советская практика в Туркестане убила в нас веру в искренность революционно-освободительных лозунгов, с такой расточительностью выбрасываемых коммунистами всех стран. А было время, когда мы готовы были поверить и даже поверили московским большевикам. Автор этих строк, выгораживая Ленина, Троцкого и Сталина от их туркестанских агентов, без разбора грабивших и убивавших коренных туркестанцев (в феврале 1918 года), на собственном опыте испытал... веревку на шее[2]...

Я от души желаю сирийцам, алжирцам, индо-китайцам и всем прочим, чтобы их страны избегли участи, которой подверглась наша страна под советской властью.

III

Позвольте мне, не углубляясь особенно далеко в историю советской власти в Туркестане, остановиться на

---

[1] Когда писались эти строки, автор не рассчитывал, что его поддержат с трибуны... ЦИК СССР. В приводимой в «Приложении» речи Шалвы Элиавы, посвященной этой брошюре, есть фраза об «известном расстоянии между идеями сов. власти, ее директивами и их исполнением. Все зависит, говорит далее Элиава, от того человеческого материала, который работает в данной стране».

В настоящей брошюре, как увидят читатели, речь идет как раз об этом «расстоянии» («пропасти») и об этом «человеческом материале».

[2] Об этом действительно драматическом эпизоде будет рассказано в подготовляемых автором записках о революционном периоде в Туркестане.

некоторых только фактах, чтобы показать, какая страшная пропасть отделяет соблазнительные лозунги большевиков от кошмара их практики.

Полемизируя со своими ныне поверженными противниками — Зиновьевым и Троцким о характере китайской революции и объясняя свою недостаточно решительную борьбу против умеренного крыла «Гоминдана», Сталин ссылается на авторитет Ленина, который-де рекомендовал в так называемых колониальных и полуколониальных странах Востока не выдвигать сразу на первый план организацию сов. раб. и солд. депутатов, а начать дело революционной борьбы в них с организации «крестьянских советов». При этом, как на пример этой ленинской «революционно-освободительной» программы «Крестьянских советов», Сталин указывает на наш Туркестан.

Чистейший вымысел! Ложь!

Ничего подобного не было!

Советская власть началась в Туркестане с огульного отрицания за местным коренным населением права на участие во власти.

3-й Туркестанский съезд Советов в своей резолюции от 19 ноября 1917 года решительно и твердо заявил:

— Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым...

Какая же это была власть в мусульманской стране без мусульман? За ответом обратимся к маленькой брошюрочке некоего Б. Р. Тагеева — «В долине роз и крови», выпущенной сов. Государственным Издательством в Москве в 1927 г. Там на странице 65 мы читаем:

— Началась новая эра Туркестана под властью самобытных ташкентских «большевиков» — отбросов колониального режима... Колонизаторский характер новой советской власти был закреплен резолюцией 3-го Туркестанского Съезда Советов».

Вот эту «власть отбросов колониального режима» Сталин ныне выдает за власть туркестанских «национальных крестьянских советов»...

Как же чувствовали себя под этой властью туркестанцы-крестьяне?

Позвольте на этот вопрос ответить простыми словами бесхитростного заявления «бедняка-мусульманина», оглашенного 5-го июня 1919 г. на заседании 3-го краевого съезда коммунистической партии Туркестана в Ташкенте.

Там мы читаем:

— Мы, бедные мусульмане, как находились при Ни-

колае Кровавом скотиною, так находимся и теперь при нынешнем пролетарском правительстве. И даже хуже, хотя не сопротивлялись советской власти... Представители власти объявили, что они будут бороться с капиталистами и под этим предлогом начали обирать и наживать в свои карманы. Один бедный пролетарий имел лошадь и арбу, занимался извозом и кормил семью. Приходит красноармеец и отбирает лошадь без всякой оплаты. И бедняк с семьей остается голодный на произвол судьбы. Под предлогом, что будут обирать баев (богатых), обобрали всех, все 84-тысячное население города (Намангана). Конфисковали весь наманганский товар, до замков включительно...

— Представители власти только и делали, что защищали своих русских, хорошо их кормили, хорошо обували, дома свои разукрашивали чужими шелковыми материями и другими драгоценностями. А нам, мусульманам, что сделали? Кормили? Нет! Обували? Нет! Если бы обували, не ходили бы бедные босыми. Если бы кормили, не умирали бы по 1.000—10.000 голодными. Что осталось в наших домах? Остались одни рваные одеяла. Больше ничего!..

Этот позорный для советской власти документ приведен на стр. 101 книги туркестанца Турара Рыскулова, ныне занимающего высокий пост заместителя председателя Совнаркома РСФСР. Называется книга эта **«Революция и коренное население Туркестана»**, выпущена узбекским Государственным Издательством в Ташкенте в 1925 году.

Что этот бедняк-туркестанец не преувеличивал своего национального горя, своего «скотского положения» под советской властью, о том свидетельствует и сам тогдашний председатель Совета народных комиссаров Туркестана, русский большевик Сорокин, ездивший, по поручению своего правительства, в Ферганскую область.

Послушаем Сорокина:

— ...От мусульман отбирают все, и не только отбирают, но и убивают их. Наши солдаты вместо защиты несут грабежи и убийства... В кишлаках (туземных селах) население терроризовано и бежит. Растут шайки разбойников. Но, может быть, возразит кто-нибудь, что это-де не партия, а красная армия чинит насилия. Но партия стоит во главе. Во главе всех партийных органов власти стоят партийные товарищи, но они не принимают никаких мер для улучшения положения. Под их покровительством всюду процветают пьянство и безобразия, и, конечно,

партия несет на себе вину за это. Мусульманский пролетариат просит помощи у русских, но те отвечают, что не доверяют им. Мусульман травят, мусульман даже убивают... Мусульманская беднота терпит от наших отрядов, уничтожавших без разбору (их) имущество, женщин и детей...

— Мусульмане — националисты, продолжает тот же Сорокин, и вполне понятно, каким образом они могут относиться к нам дружески, когда видят только оскорбления? Мы сами делаем их националистами»...

И этот документ, из которого я привел лишь малую часть, также приведен в названной книге заместителя председателя совнаркома РСФСР Турара Рыскулова (стр. 100[1]).

---

[1] Позволю себе привести здесь ту часть речи Сорокина, которая не была включена во французский текст из-за экономии места. Сорокин говорит:

«В Фергане (Речь шла о положении в этой части Туркестана. М. Ч.) советской власти нет, разве только в городах с русским населением. Но в мусульманской деревне сов. власти не существует. Там царят старые порядки николаевского времени, времени приставов и волостных управителей с заменой первых назначенными комиссарами, а волостных управителей — шайками разбойников. Число разбойников растет, и кажется вам, что все население представляет собою разбойничью шайку.

Наши партийные товарищи заподозревают весь мусульманский пролетариат. На таких взглядах строится вся линия поведения в отношении туземного населения. В некоторых местах организовались было партийные дружины, но их разоружили. Но в то же время, не знаю, факт ли это или провокация,— но говорили, что среди убитых разбойников один был наш товарищ с партийной карточкой.

Со стороны русских партийных товарищей ничего не предпринято. Когда устраивали заседания исполкома, то представителей старых городов удаляли с заседания при обсуждении некоторых вопросов, а удаляемые — это те же рабочие, и от них сторонится русский пролетарий. Эти товарищи являются партийными, чиновниками с генеральскими замашками. Партийной работы никакой не ведется, коммунистических ячеек нет (я имею в виду главным образом Андижанский и Наманганский районы), во главе партии и сов. работы стоят партийные генералы. Жалуются они в своих докладах на то, что некому-де у нас работать, а между тем определенным образом препятствуют притоку свежих и новых сил. Сами же занимают по две-три должности...

Когда мы приехали в Фергану, партийные товарищи говорили нам об ужасной жизни. Они прямо говорили: мы ждем вас, как бога. Мусульманская масса встречает всюду отпор и отказ. Правда, есть в Фергане и муссовдепы, но никакого значения или влияния не могут иметь. «Мы ничего не можем сделать, нас удаляют с заседаний», говорили нам мусульмане. Кроме того, им грозят тюрьмой и пр. И при таком положении, каково же может быть отношение мус. масс к партии и сов. власти? К этому надо добавить грабежи.

От мусульман отбирают все, и не только отбирают, но и убивают их... И т. д., см. выше.

Я прошу французских коммунистов, и особенно коммунистов-сирийцев, обратить сугубое внимание на то, что туркестанцев преследовали, убивали, резали их жен и детей, «без различия партии». Чтобы подвергнуться зверствам красноармейцев, чтобы быть убитыми агентами московского правительства, требовался лишь один признак — надо было быть коренным туркестанцем.

Еще одна выдержка из книги того же Рыскулова. На этот раз речь пойдет о неслыханной нигде в мире «голодной политике» советской власти в отношении коренного населения Туркестана.

Говоря о голоде среди туземного населения, в частности, среди казахского, Турар Рыскулов свидетельствует, что один из «заслуженных руководителей Октябрьского переворота в Туркестане **Тоболин на заседании Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета заявил прямо, что киргизы (казахи), как экономически слабые с точки зрения марксистов, все равно должны будут вымереть. Поэтому для революции важнее тратить средства не на борьбу с голодом, а на поддержку лучше фронтов...** (см. предисловие, стр. XII).

«Количество умерших от голода (мусульман), говорит Рыскулов (стр 77), исчисляется в огромных размерах....»

Но цифр он не приводит. Советские источники (1919 г.) называли кошмарную цифру в один миллион сто четырнадцать тысяч (1.114.000).

Таков наш «национальный пассив» от московской «национально-освободительной политики».

А вот «советский актив».

— Можно сказать, пишет Т. Рыскулов на стр. 77, что погибшие люди спасли советскую власть, так как, если бы они, эти миллионы голодающих...пришли и потребовали своей доли, то они не оставили бы камня на камне и перевернули бы все... Поэтому приходится признаться, что, хотя мы их и не накормили, но они спасли общее положение...»

Я бы хотел спросить у французских коммунистов: такой же ли точно политики они будут держаться (если, к несчастью Франции, они оказались бы у власти) в отношении сирийцев, марокканцев, индо-китайцев и др. «с марксистской точки зрения экономически слабых» народов?

А сириец Али-Мира захочет ли, чтобы будущая советская власть в Сирии утвердилась благодаря гибели сирийской бедноты, на трупах сирийских крестьян?

Еще два-три свидетельских показания о колонизаторском, национально-угнетательском характере советской власти в Туркестане.

— В Туркестане еще до сих пор широко распространен тот взгляд, что единственным носителем пролетарской диктатуры здесь может быть только русский. Эта «колонизаторская» точка зрения имела свои тяжкие последствия...

Например:

— В Перовске (ныне **КЗЫЛ-ОРДА**) сидел самодержец Гержот. От него откочевал целый народ — киргизы (казахи). При этом откочевании вымерло около одного миллиона человек.

Знаете, где это написано?

Не думайте, г. Мазони, что так пишет «газета капиталистической Франции». Нет. Это было напечатано на столбцах безукоризненно правдивой в ваших глазах московской «Правды», в номере 133 от 20 июня 1920 г.

Зиновьев еще в то время, когда он был признанным главою 3-го Интернационала, на памятном Съезде Народов Востока в Баку (сентябрь 1920), вынужден был признать, что агенты советского правительства в Туркестане «обижают туземных крестьян, отнимают у них землю, смотрят на них, как на низшую расу» (см. стенографический отчет Съезда, стр.227).

* * *

Такова советская власть в Туркестане у самых своих истоков. Грязь большевистской лжи, замешанная кровью туркестанской бедноты — вот что лежит в основе той власти, которая утвердилась в нашей стране.

Она утвердилась на трупах туркестанской бедноты, на трупах туркестанских женщин и детей. Вспомните приведенные выше свидетельства б. председателя совнаркома Туркестана Сорокина и нынешнего заместителя председателя совнаркома РСФСР Турара Рыскулова. Эти люди выше подозрений в национализме, и их слова записаны не на столбцах буржуазных газет, а на страницах стопроцентной советской партийной прессы.

Советская власть не только не подвергла наказанию прямых и злостных виновников гибели миллионов туркестанской туземной бедноты, а наоборот, даже не все они

---

[1] Полный текст этой статьи приведен в «Приложении».

были «переведены в порядке партийной дисциплины» во внутренние губернии России. Еще до сих пор в «национальных республиках» Туркестана сидят и занимают ответственнейшие посты люди, виновные в организации голода.

О, я мог бы рассказать и привести неопровержимые доказательства того, как пекущаяся о сирийцах, индо-китайцах, индусах и африканских краснокожих всесильная российская коммунистическая партия, как сам всесильный «пророк» и отец-покровитель всех угнетенных Ленин прикрывали своим авторитетом московских колонизаторов в Туркестане даже тогда, когда эти колонизаторы отказывались подчиниться прямому требованию московского центра...

Мне могут сказать, что Ленин и партия в целом не знали о безобразиях советских агентов в Туркестане. Нет, знали. Знали отлично. Вот вам доказательство того, что ЦК партии и Ленин знали обо всем.

Приведу выписку из постановления ЦК РКП от 29 июня 1920 г. Там говорится текстуально следующее:

— **Отношения между пришлым европейским населением и коренными народами (Туркестана) за два с половиной года советской власти, находившейся в руках тонкой прослойки русских рабочих, зараженных колонизаторской психологией[1], не только не изменились к лучшему, но еще более обострились, благодаря своеобразным «коммунистическим» действиям, рассматриваемым порабощенным коренным населением, как продолжение действий агентов старой царской власти и по существу являющихся таковыми.**

Зная о колонизаторской психологии своих членов, как же отнеслась к ним партия?

На этот вопрос мы находим ответ в пункте «д» того же самого постановления ЦК РКП, который гласит:

«В порядке перераспределения партийных сил, откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом»[2]...

Скажите: это — революционная борьба против колонизаторства?

И в этом документе, изданном через два с половиной

---

[1] Запомните эту квалификацию, данную самим ленинским ЦК партии советской власти в Туркестане.

[2] «Колонизаторы и великорусские националисты» в распоряжении ЦК, где распоряжались Ленин и Сталин!!

года после рождения советской власти, имеется пункт «е», предлагающий:

«Уравнять в продовольственном отношении туземное городское население с русским и принять меры к улучшению продовольственного положения туземных крестьян».

Вы представляете себе весь ужас положения, когда об уравнении коренных туркестанцев в правах на хлеб с русскими советский центр вспоминает после двух с половиной лет установленного им колонизаторского режима в Туркестане, после официального констатирования гибели 1.140.000 душ туркестанской бедноты!

Знаете ли вы, французские коммунисты и сирийские национал-революционеры, что на основании пункта «д», приведенного выше мною постановления ЦК РКП, свободно уехали из Туркестана отказавшийся помогать «экономически слабым с точки зрения марксизма» киргиз-казахам «заслуженный руководитель октябрьского переворота в Туркестане» Тоболин (затем вернувшийся) и «самодержец» Гержот, спасаясь от которого погибло «около миллиона киргиз-казахов»?

Приведу из более позднего, близкого к нам времени один случай, ярко характеризующий «национальную политику» московского правительства в Туркестане, случай, относящийся уже ко времени образования «независимой советской республики» Узбекистан, где, как удостоверяют французские коммунисты, «узбеки являются хозяевами своей страны», где «равноправие национальностей проведено в жизнь».

Имею в виду акт советской власти, позорней которого едва ли можно сыскать в истории культурных стран.

21 января 1925 года, в годовщину смерти Ленина, туземное население старого города Ташкента, по распоряжению властей, было поставлено на колени. И в этом положении подлинных колониальных рабов туземцы оставались в продолжение нескольких минут. Об этом позорном акте советской власти газеты молчали в течение долгого времени. И только по истечении двух с половиной месяцев, 9 апреля 1925 года ташкентская газета «КЗЫЛ-УЗБЕКСТАН» решилась дать место статье своего корреспондента из Москвы. Вы думате, что сотрудник «КЗЫЛ-УЗБЕКСТАНА» или сама газета протестовали против этого позорного для революционной власти и оскорбительного для национального достоинства туркестанцев акта? Нисколько! Вот каким языком пишет сотрудник «революционного органа «свободного независимого Узбекстана»:

— Статья эта написана не с целью критиковать кого-нибудь, а лишь в виде исправления собственных ошибок, если бы таковые могли быть усмотрены в моих мыслях».

Сириец Али-Мира должен быть готов к тому, что, когда в годовщину смерти Ленина или Кашена, сирийских крестьян будут ставить на колени (а французы в это время будут кричать стоя: Ленин и Кашен умерли, а дело их живет!), протестовать против этого будет опасной «ошибкой в мыслях».

Никто не обратил внимания на эту робкую заметку.

Вот в беглых набросках обращенная к Туркестану «физиономия» той власти, на X-летний юбилей которой ездили делегаты французской коммунистической партии.

IV

Было бы большой несправедливостью и нарушением элементарных требований объективности, если бы в описании советской национальной политики я остановился только на 1925 годе. Как ни близка от нас эта дата (1925 г.), все же, в интересах объективности, я остановлюсь и на 1927 годе, ибо и в этом году разговоры о советском колонизаторстве в «национальных республиках» Туркестана — далеко не выдумка туркестанских националистов.

Совсем незадолго перед самым празднованием X-летия Октября на страницах советской прессы как московской, так и туркестанской, вновь ставился вопрос о советском колонизаторстве. Уже самая возможность обсуждения и спора об этом не есть ли осуждение советской национальной политики в Туркестане?

Поводом послужила речь Зиновьева, сказанная им еще в 1923 году. Для меня Зиновьев не авторитет даже в своих, выгодных, с нашей точки зрения, обвинениях нынешнего сталинского победившего большинства. Но некоторые свидетельские показания Зиновьева все же пригодятся. Особенно те из них, которые не отрицаются целиком и начисто самими сталинцами. К числу вот этой последней, не отрицаемой целиком и начисто категории обвинений относится как раз обвинение Зиновьевым правящего сталинского большинства в колонизаторстве в Туркестане.

Против зиновьевского обвинения Сталин выпустил коммуниста-узбека Акмаля Икрамова, статьи которого по этому вопросу были помещены в московской «ПРАВДЕ» (6 и 7 сент. 1927 г.) и в двух крупнейших ташкентских газетах «ПРАВДА ВОСТОКА» и «КЗЫЛ УЗБЕКСТАН» (за тот же месяц).

Икрамов не отрицает начисто наличности советского колонизаторства.

Но послушаем этого самого Акмаля Икрамова.

Дело не в том, пишет он, чтобы констатировать эти явления (колонизаторство) и записать их, а дело в том, борется ли наша партия с колонизаторством и великорусским шовинизмом? Дает ли она должный отпор? («ПРАВДА» от 7 сент. 1927 г.[1]).

Итак, там, где французские делегаты увидели «действительное осуществление равноправия всех национальностей», там, где французские гости «лично убедились в том, что узбеки сами управляют собою», еще идет борьба с колонизаторством и великорусским шовинизмом, там еще существует колонизаторство.

Интересно бы знать, счел ли бы сириец Али-Мира совместимым «полное государственное самоуправление» своей страны с наличностью в Сирии «кашеновского колонизаторства»?

Мог ли бы он считать «счастливым» свой народ, как называет он наш народ, если бы в Сирии имел место «великодержавный французский шовинизм»?

Нет, конечно.

Сталин ополчился против Зиновьева за разоблачение им «колонизаторского отношения к коренному населению Туркестана». А послушайте-ка, что пишут верные агенты этого самого Сталина в Ташкенте:

— Основная задача идеологического укрепления коммунистических организаций среди европейских (русских) рабочих заключается в том, что коммунисты должны на деле изжить все остатки великодержавного шовинизма, принимающего порою совершенно скрытые формы. Если издевательства, высокомерие, подчеркивания преимущества во взаимоотношениях явно уже не наблюдаются, то недоверие к силам рабочих основных национальностей, неверие в силы, в организационные способности рабочих основных национальностей достаточно распространено».

Это написано в резолюции XIV пленума Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП от 8—10 октября 1927 года, т.е. приблизительно за месяц до обнаружения французскими делегатами «идеального братского сожительства народов в Средней Азии» и через месяц после «отпора» Зиновьеву с обвинением его в «неверии в силы и организационные способности рабочих-туркестанцев».

---

[1] «Борьбой» с колонизаторством и «должным отпором» ему Акмаль Икрамов считает, конечно, «откомандирование», в порядке перераспределения партийных сил», красных колонизаторов и шовинистов в распоряжении ЦК РКП (см. об этом выше).

Но так же точно, в этих самых выражениях о «необходимости изживания великодержавного шовинизма, о необходимости доверия в организационные способности туземных рабочих» (ныне стали писать «основные национальности» вместо «туземцы») большевики писали и девять лет тому назад, в 1919 году.

Я приведу еще одно место из вышеназванной статьи Акмаля Икрамова, чтобы измерить сталинскую политику сталинским же аршином.

— Одной из форм современного колонизаторства, наиболее утонченной его формой, говорится там, является... «недоверие к работникам окраин, недоверие к партийным силам в национальных окраинах...».

Правда, это обвинение Зиновьева в «недоверии к работникам окраин» относилось автором статьи московской «ПРАВДЫ» к его выступлению на так называемом «национальном совещании» в 1923 году, где тогдашний глава Исполкома 3-го Интернационала совершенно правильно указывал на то, что «на окраинах коммунистические организации в ближайшее время ни крепкими, ни особенно многочисленными быть не могут». Но вот ровно через месяц, после клеймения Зиновьева, эту самую самую «наиболее-утонченную форму современного колонизаторства» Средне-Азиатское Бюро ЦК ВКП обнаруживает, как мы только что видели, в собственной среде сталинских коммунистов в Средней Азии.

И другое.

Совершенно справедливо в цитированном мною выше постановлении XIV пленума Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП говорится, что

«в свою очередь все эти пережитки великодержавного шовинизма вызывают недоверие со стороны рабочих основных национальностей к европейской части пролетариата и мешают укреплению интернационального единства в рабочей среде»[1].

А французские гости советской власти уверяют и клянутся своей коммунистической честью, что в «националь-

---

[1] Известный деятель Крестинтерна Домбаль ездил, в качестве делегата VI Конгресса Коминтерна в Туркестан и посетил, между прочим, одну из кузниц пролетарских кадров — каменно-угольные копи Кзыл-Кия (в Киргизстане). На дверях бараков, где живут русские рабочие, Домбаль прочел плакат с надписью:

— Товарищи, не соблюдающие чистоту, будут направлены в таджикские бараки» (см. «Правда Востока», 31.x.1928). Легко себе представить, каковы эти самые «таджикские бараки», служащие карцером для русских рабочих и какие «интернациональные пролетарские кадры» выйдут оттуда.

ных республиках» Туркестана осуществлено настоящее царство интернационального братства, что в Узбекистане «местное население работает рука в руку, бок о бок с русским пролетариатом», совершенно не зная и не видя того, что руки-то их сжаты в кулаки, готовые всадить ножи (русский «великодержавный», а узбек «местный национальный») один в бок другого.

Где же тут «интернациональное братство»?

Оно только в справках, выданных французским делегатам из советских учреждений. Но в действительности и, как видите, даже в резолюции XIV пленума Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП этого «интернационального братства» нет.

V

В государстве «пролетарской диктатуры», каковым по советской конституции считаются Узбекистан и др. «национальные республики» Туркестана, все, конечно, приходится измерять ролью в этом государстве организованного пролетариата. В данном случае речь может идти, разумеется, главным образом о пролетариате коренных народов Туркестана. И сами французские делегаты говорят: **«рабочие и трудящиесяя б. царских колоний составляют большинство в профсоюзах».**

Данные о составе профессиональных союзов Туркестана, которые мною будут приведены ниже, покажут, как нагло обманули господа из Средне-Азиатского Бюро своих товарищей французов.

Членов профессиональных союзов по советской Средней Азии (т.е. Узбекистану, Туркменистану и Киргизстану) значится всего **238.029.** Большевики, оперируя весьма часто этой довольно внушительной цифрой, не любят говорить о национальных слагаемых, дающих в сумме эти 238.029. Так именно они поступают, между прочим, в резолюции XIV пленума Ср.-Аз. Бюро. Между тем, если расположить это число на составляющие его национальные слагаемые, то мы получим следующую весьма показательную картину:

Из 238.029 членов профессиональных союзов приходится на узбеков 67.120; туркмен — 5.564 и киргизов — 6.222. Итого, следовательно, в профессиональных союзах Средней Азии состоит 78.906 (т.е. около 33 %) рабочих коренных национальностей. Вся остальная масса — 159.123 (т.е. свыше 66%) — это рабочие-европейцы.

Еще более показательно, если разбить рабочих по профессиям. Так, например, наибольшее количество рабочих основных национальностей падает на категорию сельскохозяйственных. Их тут 33.478 (европейцев — 17.304). Но европейцев-печатников — 2,028, а коренных туркестанцев — 389; металлистов-европейцев 3627, а туркестанцев — 819; рабочих-текстильщиков — европейцев — 8,428, а коренных туркестанцев — 5.767. Надо знать, что текстильное сырье производится исключительно коренным населением страны. В профессиональном союзе медико-санитарного труда — европейцев 11.388, а туркестанцев — 939 (в том числе переводчики при больницах, кучера и разносчики). Работников просвещения — европейцев — 10.687, а туркестанцев — 5.619. Служащих в учреждениях советской гос. торговли европейцев — 26.810, а туркестанцев — 9.868. На железных дорогах европейцев — 30.783, а туркестанцев — 2.403. При этом нет ни одного туркестанца машиниста поезда, ни одного начальника или помощника ж.-д. станции, не говоря уже о других более высоких технических постах.

Будете ли, г. г. французские делегаты, утверждать и после этой официальной статистики (см. орган Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП «ЗА ПАРТИЮ», номер 1, сентябрь 1927 года), что «рабочие и трудящиеся б. царских колоний составляют большинство в профсоюзах», как это вы, без зазрения совести, утверждаете в вашей декларации? Ведь «туземное большинство в профсоюзах» — самый главный козырь в московской игре на национально-революционных чувствах так называемых «колониальных и полуколониальных» стран. И как видите, козырная-то карта крапленая.

VI

Уже много лет существует обязательное постановление о так называемой «национализации» аппаратов государственного управления и вообще всех сторон жизни в «национальных республиках» Туркестана. «Национализация» здесь означает передачу органов управления в руки самого местного населения. Еще в 1919 году (12 июля) ЦК РКП указывал совету народных комиссаров Туркестанской республики на «необходимость широкого пропорционального к числу населения привлечения туркестанских

туземцев к государственной деятельности»... В то время туркестанские агенты Москвы отказались подчиниться указаниям своего центра. И ничего им за это не было. (См. об этом книгу Сафарова «Колониальная Революция. Опыт Туркестана», стр. 100. Гос. Изд. 1921).

Теперь большевики внесли существенное изменение в содержание «национализации» аппаратов управления. Стали говорить только о «приближении» государственных аппаратов к коренному населению и начали открывать краткосрочные курсы местных наречий для русских, которыми предпочтительно и заполняют государственные учреждения.

Такой способ «приближения» аппаратов управления к населению ничего революционного не представляет. Один из бывших генерал-губернаторов Туркестана, ген. Субботич (не то в 1905, не то в 1906 г., точно не помню) особым приказом вменил в обязанность каждого служащего по администрации и судебному ведомству в Туркестане изучить в кратчайший срок наречие той местности, где проходит его служба. Даже была назначена премия за быстрое изучение языка. И только глупое царское правительство усмотрело в этой мере «революцию», что и послужило одной из причин быстрого удаления ген. Субботича с поста генерал-губернатора.

«Революцией» называет эту меру теперь и московское сов. правительство!

И что же происходит по этой системе «приближения» государственных аппаратов к коренному населению?

Пользуются всяким случаем, чтобы удалить со службы туркестанца и заменить его русским.

Ташкентские газеты «ПРАВДА ВОСТОКА» (от 12 окт. 1927 г.) и «КЗЫЛ-УЗБЕКСТАН» (от 14 окт. 1927 г.) приводят изумительный документ о том, что «под видом рационализации и удешевления аппарата отмечен ряд случаев увольнения и сокращения работников основных национальностей»...

Или же вот:

— В наркоматах сидят узбеки-практиканты, научившиеся за четыре года только подшиванию бумаг. В почтово-телеграфных отделениях ходят (узбеки-практиканты) с корреспонденцией многие годы, не продвигаясь на более высокие должности».

И об этом говорилось на пленуме Средне-Азиатского Бюро Всесоюзного Совета Профессиональных Союзов в Ташкенте («ПРАВДА ВОСТОКА» 30.9.1927).

Это не отдельные факты, не случайные явления, а система, при которой наверху, напоказ, для официальных справок советским гостям, выставлены иногда полуграмотные, порою и вовсе неграмотные «представители» коренных народов Туркестана.

Позвольте привести точные выписки из постановления особой исполнительной комиссии при Ср.-Аз. Бюро ЦК ВКП, напечатанного в том самом номере журнала «ЗА ПАРТИЮ», откуда взяты мною данные о национальном составе профсоюзов. Исполнительная комиссия констатирует:

Пункт 3) Очень слабое выдвижение рабочих-узбеков на квалифицированную работу (вопросом о поднятии квалификации рабочих основных национальностей из 10 обследованных предприятий фактически занимаются только в одном).

П. 4) Рабочие-узбеки не вовлечены в работу производственных комиссий и совещаний (в большинстве ограничиваются только формальным введением 1—2 узбеков в состав комиссии).

П. 5) Выдвижение на советскую, хозяйственную, профсоюзную и т. п. работы из рабочих-узбеков совершенно отсутствует. Два случая выдвижения за последний год, установленные обследованием, носят случайный, бессистемный характер.

П. 6) Культурно-просветительная работа среди рабочих-узбеков поставлено плохо (в подавляющем большинстве специально среди узбеков работа эта вообще не имеет места).

П. 7) Профессиональные организации уделяют вопросу о работе среди рабочих-узбеков очень мало внимания, в большинстве вообще никакого, в отдельных случаях ограничиваясь в планах работ общими фразами: «усилить работу», «уделить должное внимание» и т. д.

П. 8) ...Решения XII пленума Средне-Азиатского Бюро о национализации не проработаны ни в одной ячейке, а только в единичных случаях, вообще некоторым секретарям ячеек они вовсе не известны (ячейка Таштрама)...

П. 9) ...Рабочие-узбеки в обследованных предприятиях почти не принимают участия в общественно-политической работе (дело ограничивается участием в перевыборах советов и фабзавкомов), не разбираются в самых актуальных и злободневных вопросах не только международного, но и внутрисоюзного характера...

Вот красноречивый ответ на утверждения французских делегатов о том, что «во всех областях общественной работы наши товарищи туземцы принимают активное участие, работая рука об руку с русским пролетариатом».

Замечательно то, что ответ этот дается тем самым учреждением (Средне-Азиатское Бюро ЦК ВКП), которое снабдило французскую делегацию сведениями как раз противоположного характера.

Именно потому, что «рабочие-узбеки почти не принимают участия в общественно-политической работе, не разбираются в самых актуальных и злободневных вопросах не только международного, но и внутрисоюзного характера», московские большевики, будь то в лице партии или ее правительствующего органа — советского правительства, имеют возможность бесшабашно и с безответственной развязностью говорить от их имени по всем вопросам международной политики и проводить любую политику внутрисоюзного характера. Именно поэтому московские большевики имеют смелость нагло обманывать своих гостей — французских делегатов относительно туземного руководящего большинства в профессиональных союзах Средней Азии.

Я бы мог привести бесконечное число доказательств одурачивания советской властью французской делегации справками о «действительном» положении рабочих коренных национальностей. К сказанному выше я прибавлю еще несколько справок, чтобы показать, до каких «геркулесовых столбов» доходит ложь большевиков, когда речь заходит о рабочих-туркестанцах.

Вот декабрьский номер официального журнала «ЗА ПАРТИЮ» (вышел как раз перед отъездом французских делегатов из Ташкента). Там, на стр. 103 мы находим следующее:

«На крупных промышленных предприятиях (мы) имеем крайне низкую прослойку рабочих основных национальностей. Так, в Первомайских мастерских (в Ташкенте) эта прослойка равна 2,1 %, а по отношению к квалифицированным рабочим она равна лишь 0,6 %. По Красновосточному району (тоже в Ташкенте) по 5 наиболее крупным предприятиям, насчитывающим 2.438 рабочих, прослойка местных основных национальностей равна лишь 5 %. Депо Полторацк (АШХАБАД) на 1.204 рабочих имеет туркмен 5,9 %...».

А вот другая справка. Ее мы находим в речи докладчика на 3-ей партийной конференции в Самарканде (но-

ябрь 1927 г.) Акмаля Икрамова. Указывая на общее уменьшение числа рабочих из коренных туркестанцев с 38,4 % в прошлом (1926) году до 37,4 % в настоящем (1927) году, Акмаль Икрамов приводит две причины этого «ненормального явления»: во-первых, несправедливое отношение к рабочим при пополнении профсоюзов новыми членами (вообще); во-вторых, несправедливое отношение к рабочим-узбекам со стороны несознательных элементов в среде рабочих-европейцев (в частности).

Надо припомнить, что это тот самый Акмаль Икрамов, который «наиболее утонченной формой современного колонизаторства» называет именно «недоверчивое отношение к рабочим окраин» (см. выше).

Не без умысла, конечно, Акмаль Икрамов рядом с указанием на уменьшение числа рабочих-туркестанцев приводит справку об увеличении реальной заработной платы (33 р. 68 коп. вместо прежних 27 р. 66 к.).

На пленуме Средне-Азиатского Бюро ВЦСПС в Ташкенте (сентябрь 1927 г.) некий Джантемиров рассказывал о том, как администрация завода имени Ильича, объявляя сокращение рабочих, выписывала то же самое количество рабочих из внутренних губерний России. И это делается в то время, когда, по данным этого самого бюро ВЦСПС, в Средней Азии 1 июля 1927 года числилось 28.625 безработных.

VII

Я не буду больше останавливаться на рабочих-туркестанцах. Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы иметь представление о сов. политике в таком важнейшем вопросе, как вопрос о рабочих коренных национальностей в «национальных республиках» Туркестана.

Перехожу к вопросу о руководящем составе органов государственного управления Узбекистана. Советская власть снабдила своих гостей справками, по которым это «руководящее большинство принадлежит трудящимся и рабочим б. царских колоний».

Позвольте начать с одной чисто цифровой справки.

Опровергая ходячее обвинение об еврейском засилии аппаратов советского управления, Орджоникидзе, председатель ЦКК, представил XV партийному съезду следующие интересные справки по затронутому нами вопросу. Из приводимых Орджоникдзе данных я возьму только те, что имеют отношение к Узбекистану.

Национальный состав органов советского управления в Узбекистане выглядит в следующем виде: русских — 61,9 % и коренных национальностей — 24,7 %. Кажется, достаточно этой короткой справки, чтобы о «национальном большинстве» в руководящих органах Узбекистана не поднимать вообще разговора.

Французские гости этой справки, конечно, не имели. Их кормили разговорами о председателях и членах президиумов исполнительных комитетов, им показывали самого председателя ЦИК Узбекистана Юлдашбая Ахунбабаева, с которым некоторые члены удостоились даже сняться вместе на одной фотографической пластинке. Так вот, разрешите мне дать справку об этих «ответственных руководителях свободного советского социалистического» Узбекистана.

— Председатели и члены президиумов окружных исполкомов не знают первых действий арифметики, не могут грамотно писать на своем родном языке, не знают, где Париж и Лондон, с историей партии не знакомы, программы партии не читали»...

Так аттестует «ответственных государственных деятелей» Узбекистана орган Средне-Аз. Бюро ЦК ВКП «ЗА ПАРТИЮ» в ном. 3 (ноябрь 1927 г.) в статье И. Хансуварова. И через несколько строк после этого Хансуваров приводит слова Ленина о том, «что безграмотный человек стоит вне политики. Его сначала надо научить азбуке, ибо без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика».

Вот этих «людей вне политики» советская власть и поставила «во главе государственных органов» Узбекистана. Говорить о том, что эти люди «слухов, сказок и предрассудков» играют хоть какую-нибудь роль в руководстве государственной жизнью страны, могут только люди, в свою очередь начиненные «партийными сказками и предрассудками».

Хансуваров точно знал, что французские экскурсанты разразятся похвалою по адресу государственного строительства Узбекистана. Ведь номер журнала «ЗА ПАРТИЮ» с его статьей вышел в дни пребывания в Ташкенте французских гостей, и Хансуваров, конечно, видел и знал, какими справками снабжают их советские чиновники. Поэтому он очень кстати предпослал своей статье эпиграфом изречение Ленина: «поменьше бы нас хвалили, побольше бы изучали».

И как жаль, что этот завет Ленина меньше всего воспринят его учениками и последователями!

Те, которые хотят вывести для себя уроки из советской политики по национальному вопросу, должны добросовестно изучить практику применения ленинской программы в Туркестане и уже потом делать выводы.

Во власти «слухов, сказок и предрассудков и вне политики» находятся не только председатели и члены президиумов окружных советов, но и сам глава советского Узбекистана, председатель ЦИК, Юлдашбай Ахунбабаев.

Когда в 1925 году последний был избран впервые председателем ЦИК Узбекистана, выяснилось, что он неграмотный. Об этом писалось, спустя некоторое время, в передовой статье ташкентского «КЗЫЛ УЗБЕКСТАНА» (от 23 августа 1925 года). И главный орган советского Узбекистана даже гордился неграмотностью главы государства, призванного служить «образцом будущих советских республик на всем мусульманском Востоке».

Верите ли вы, французские коммунисты, что человек, не знавший ни программы вашей партии и не могший ее знать по своей неграмотности, человек, по определению Ленина, находящийся «вне политики», т. е. вне понимания законов социальной жизни, что этот человек может быть ответственным не только руководителем социалистического государства, но и просто сознающим свои поступки проводником чужой воли? А между тем, под советскими декретами ставилась то по новой, то по старой узбекской орфографии (заметье это!) подпись этого самого Ахунбабаева!

Теперь Ахунбабаев научился бойко и быстро подписывать свое имя и читать по-своему. Но все же, можно ли всерьез говорить, что этот полуграмотный крестьянин-земледелец действительно возглавляет «состоящий в большинстве (!?) из представителей местного населения руководящий состав государственных органов Узбекистана»?

Г. г. французские коммунисты, вы находитесь во власти «туркестанских сказок» ваших гостеприимных товарищей — московских большевиков.

* * *

Тот самый «заслуженный руководитель октябрьского переворота» в Туркестане Иван Тоболин, который отказывался помогать гибнувшим от голода туркестанцам, как,

«с точки зрения марксизма экономически слабым элементам», этот самый Тоболин после лишения туркестанцев всех классов участия в организации власти в своей стране докладывал советскому центру:

— В Туркестане осуществлено полностью национальное самоуправление, путем создания государственной автономии...».

А приехавшие из Москвы, по поручению ЦИК РСФСР и ЦК РКП, Шалва Элиава, Георгий Сафаров и др. большевики обнаружили, что в Туркестане осуществлен худший вид колонизаторской эксплуатации местного населения. Что же касается привлеченных к сотрудничеству в государственной работе представителей местного населения, то позвольте, процитировать из книги Г. Сафарова — «КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.-ОПЫТ ТУРКЕСТАНА» (Госиздат, Москва, 1921 г.) следующие строки (стр. 108):

— **Колонизаторам не нужны были подлинные руководители туземной бедноты, равноправные с ними товарищи. Им нужны были переводчики и полицейские исполнители».**

Да, г. г. французские коммунисты, в Туркестане под видом руководителей местного населения вам показывали «полицейских исполнителей», большею частью неграмотных, чтобы легче было по-своему распоряжаться их подписями.

И что же происходит в Туркестане при такой «национальной политике» ваших московских друзей?

* * *

Вы «увидели» и «лично убедились» в осуществлении там интернационального братства! Вам дали соответствующую справку!

Ложь! Неправда!

Я приведу вам справки из докладов, речей на конференциях, которые покажут вам, что никакого интернационального братства в Туркестане нет.

Начну со ссылки на свидетельство председателя совнаркома Узбекистана, он же один из председателей ЦИК СССР, Файзуллы-Ходжи.

На втором съезде компартии Узбекистана Файзулла-Ходжа докладывал («КЗЫЛ УЗБЕКСТАН», ном. от 29. 3. 27):

— **Как узбеки не доверяют русским, так и среди**

киргизов и таджиков в Узбекистане возможно существование недоверия к узбекам, ибо в глазах этих последних и узбеки являются угнетающей нацией»[1]**...**

Легко отсюда понять, что, по свидетельству главы правительства Узбекистана, русские в Узбекистане являются, в глазах узбеков, нацией угнетающей.

Вот другое, не менее авторитетное свидетельство одного из верных сталинцев, узбека-коммуниста Камильджана Алимова. Последний выступил с докладом на съезде узбекских культурников в Ташкенте (май-июнь 1927 г.), т.е. незадолго перед празднованием десятилетия Октября.

Вот выдержки из его речи, которая в этой части озаглавлена:

— Говорят, что Узбекистан — колония Москвы.

— Некоторые говорят, что как были мы колонией империалистов, так остаемся колонией и теперь. Никакой разницы в нашем положении тогда и теперь нет: над нами колонизаторствует Москва...

Я продолжу цитату из речи Алимова:

— Некоторые лица распространяют слухи, что вот дела в Китае пошли плохо, что английское правительство порвало с нами сношения и что, если, с Божьей помощью, возгорится война, то, быть может, узбекский народ получит национальную свободу... И очень много других подобных этому дурных слухов. Ничего бы, если бы это распространяли уличные люди. Нет. Распространители этих слухов находятся и в школах, и в нашей собственной (т. е. партийной) среде...

Вот вам доказательство лживости преподнесенной вам справки об интернациональном братстве народов Туркестана.

VIII

Я хочу вскользь остановиться на двух важнейших реформах советской власти в Туркестане — на зе-

[1] Между узбеками и киргизами в Узбекистане никакого «межнационального недоверия» нет и не было. О «возможности» его Файзулла-Ходжа говорит здесь лишь с целью смягчить существующее и, благодаря сов. политике углубившееся «недоверие, как мягко выражается он, узбеков к русским».

мельной реформе и на борьбе против закрытия женского лица.

Прошло три года, как проведена была земельная реформа, «передавшая земли помещиков в руки малоземельной и безземельной бедноты».

Г. г. французские коммунисты, Ленин, по словам Сталина, проведший в Туркестане в жизнь власть «крестьянских советов», до середины 1920 года, т.е. в течение двух с половиной лет после начала Октябрьской революции, не имел понятия об этом самом туркестанском крестьянине. Упомянутый уже не раз мною Турар Рыскулов рассказывал на страницах московской «Правды» (см. номер от 1 февраля 1924 года), что «летом 1920 года Ленин допытывался узнать от него, кого, в туркестанских условиях, надо называть крестьянином-бедняком, кого кулаком, и на чем зиждется разрешение земельного вопроса» (в Туркестане)...

И Турар Рыскулов, по его собственному признанию, **«не мог по-марксистски точно дать ответ на вопросы Владимира Ильича»**, т.е. человек (в данном случае — Турар Рыскулов), через которого не имевший понятия о Туркестане и туркестанском крестьянстве Ленин проводил свою марксистскую теорию в жизнь, этот человек сам не знал, что такое «по-марксистски» туркестанский крестьянин.

Этот союз одержимого «революционными предрассудками» Ленина с живущим «революционными сказками» и слухами» Рыскуловым стоил нашей стране миллионы жизней ее беднейшего населения!

С тех пор прошло много времени. Советская власть, если судить по ее реляциям, научилась «по-марксистски точно определять туркестанского крестьянина», установила его родовые и видовые признаки и нашла соответствующее ему место в системе марксистской классификации. Следовательно, найдено, «на чем зиждется разрешение земельного вопроса» в Туркестане.

И провела эту самую земельную реформу «по Марксу», предварительно получив **«фетву», т. е. духовную санкцию, мусульманского духовенства.**

«Фетва» ташкентского (центрального) духовного управления, «фетва» ферганских, бухарских, самаркандских «улема» (ученые-богословы) обращались к имущим мусульманам с разъяснением, что безвозмездная передача земли в руки беднейших — есть дело богоугодное, что

земельная реформа советской власти не противоречит Шариату, и призывали их добровольно, во имя мусульманского братства, отказаться от излишков своих участков в пользу неимущих братьев. И это возымело огромное действие. Десятками и сотнями стали поступать заявления о добровольном отказе от земельных участков. Были, конечно, и скрытые сопротивления. Но в общем земельная реформа, прохождение которой советское правительство представляло себе, как акт беспрерывной междуклассовой гражданской войны, прошла спокойно. Имевшие место эксцессы столь незначительны, что в счет идти не могут[1].

И поразительная вещь. Если советская власть удержалась в Европейской России только благодаря удовлетворению земельного запроса русского крестьянства, то в Туркестане... с передачей земли в руки крестьянства внутреннее беспокойство советской власти нисколько не уменьшилось, и советская власть вынуждена зорко следить за тем, чтобы получившая землю туркестанская беднота не передала ее обратно прежним владельцам!

Накануне празднования десятилетия Октября, в сентябре 1927 г., официальный орган Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП «ЗА ПАРТИЮ» приводил ряд случаев добровольного отказа крестьян-туркестанцев от полученных ими участков в пользу прежних хозяев. Отмечались также случаи отобрания земли как насильственно, так и при помощи представителей местных советских же властей. Иногда получивший землю крестьянин приходил к быв. хозяину участка с извинениями:

— Я не виноват, что наделен землею (см. «ЗА ПАРТИЮ», № 1).

Затем 11 января 1928 г. в ташкентской газете «ПРАВДА ВОСТОКА» появился весьма интересный официальный документ, из которого я позволю себе привести несколько строк:

— Факты говорят о случаях самовольного захвата и присвоения баями (помещиками) бывших своих земель. В большинстве эти случаи имеют место в пределах Самаркандского (т. е. столичного) и Бухарского округов...

И, далее:

---

[1] Как проводилась земельная реформа агентами сов. власти, некоторые сведения об этом читатели найдут в «Приложении», в статье «Господа Ташкентцы».

— Случаи добровольного отказа от земли также учащаются...

И еще:

— Мы не можем пройти также мимо тех отдельных работников некоторых сельских и районных исполнительных комитетов, которые в той или иной форме допустили и допускают захват баями (помещиками) земли.

Этот документ есть ни что иное, как официальный циркулярный приказ народного комиссара земледелия Узбекистана.

Можно ли представить себе нечто подобное в самой России?

Вероятно, могут подумать, что узбекские крестьяне возвращают землю обратно потому, что узбекские помещики представляют собой огромную силу.

Нисколько. Сам циркуляр народного комиссара земледелия определяет число этих «помещиков и крупных торговцев», пострадавших от советской земельной реформы, «более полутора тысяч».

Чем объяснить, что кучка людей, не имеющих и никогда не имевших организационной связи между собою, осмеливается идти против самой основной революционной реформы советской власти в Узбекистане? Чем объяснить, что поддерживаемое всею мощью советской власти многомиллионное узбекское крестьянство идет с извинениями («я не виноват, что наделен землею») к побежденному классовому врагу» своему б. помещику?

Причина этого на посторонний взгляд несколько странного явления заключается не в силе «более полутора тысяч б. помещиков», у которых, кроме кухонного ножа, никакого оружия принуждения не имеется, а в том, что советская власть превратила эту земельную реформу в страшное орудие своей экономической политики в Туркестане. Начать с того, что новый туркестанский мелкий землевладелец в большинстве случаев или вовсе не снабжен в крайне малой степени необходимым землевладельческим инвентарем. Поэтому его легче подвергнуть гнету советской хлопковой политики. Путем выдачи авансов в счет будущего урожая советское правительство вынуждает мелкого маломощного землевладельца засевать свой участок исключительно хлопком. Уже в истекшем 1927 году площадь хлопкосеяния в Туркестане превзошла довоенную норму, между тем как скотоводство, составляющее наряду с хлопком важнейшую отрасль среднеазиатского хозяйства, еще далеко не достигло прежнего своего уровня.

Отсюда происходит небывалая до сих пор зависимость Туркестана, именно ее коренного населения (ибо хлопководством занимается исключительно только оно) от ввозного русского хлеба. Невыполнение советским правительством плана завоза хлеба, ставшее постоянным, нормальным явлением, вызывает сильное повышение хлебных цен, и крестьянин-хлопкороб не получает законного эквивалента за свой хлопок. С другой стороны, не вся отобранная от имущих земля переходит в руки туземной бедноты. Часть, и весьма значительная, остается в «государственном фонде», откуда преимущественное право на получение земельного надела остается за красноармейцами, как за «защитниками революций». Не стану повторять, какую революцию и как защищали красноармейцы в Туркестане. Процент красноармейцев из состава коренного населения крайне ничтожен, поэтому приоритет при получении земли из «государственного фонда» почти исключительно остается за русскими. Такими образом, советская земельная реформа продолжает подлую переселенческую политику павшего режима.

Несомненно, эта ставшая очевидной двойная опасность — почти полная зависимость от русского ввозного хлеба, с одной стороны, и ежегодно увеличивающееся число русских переселенцев — с другой — заставляет туркестанского крестьянина глубоко задуматься над действительными планами советской власти. И он, этот туркестанский крестьянин, еще психологически чуждый принципу и методам классовой вражды, начинает местами отказываться от плодов искуственно ему прививаемой политики классовой диктатуры.

В роли «полицейского исполнителя» воли и приказов московского правительства узбекские ахунбабаевы произносят заученные речи о классовой войне, о международной солидарности пролетариата, о марксизме и ленинизме. А там, у себя в кишлаке (селении), эти самые ахунбабаевы приходят к бывшему владельцу земли и говорят:

— Мы не виноваты, что наделены землею...

Ахунбабаевы в кишлаке чувствуют себя «виноватыми» потому, что «наделены землею» **не национальной властью, не властью, пользующейся национальным авторитетом, а властью чужою и чуждою их мироощущению и национальному сознанию.** А будь туркестанский крестьянин сам полновластным хозяином в своей стране, разве эти «полторы тысячи бывших помещиков» осмелились поднять не то что руку, а просто голос против них?

Конечно, нет.

Мы же знаем пример Турции, где власть с национальным авторитетом уничтожила самый священный для мусульман, а для турок в особенности, институт Халифата. Сопоставьте с этим упомянутое мною выше обращение советской власти к мусульманскому духовенству в Туркестане за поддержкой при проведении земельной реформы, и вам станет ясна пропасть, отделяющая советское правительство Туркестана от туркестанских народных масс.

* * *

Другая реформа, по заданию своему одна из наиболее необходимых для Туркестана, в частности, для Узбекистана — открытие женского лица, тоже обратила внимание французских делегатов. Но и здесь они получили ложную информацию о характере принятых правительством мер. Французских делегатов уверили в «чрезвычайно умелом подходе» к этому вопросу. Но как раз в дни пребывания там французских делегатов местная пресса строго осуждала неумелый подход к этой деликатной реформе, требующей чрезвычайно тщательной подготовки, а не грубого административного нажима. Например, отдавался приказ: кто снимет и сожжет столько-то женских «чадр» («чадра» — то, что покрывает женское лицо), тот получит такую-то награду. И хулиганье взялось за дело. Сдирали на улицах с лица женщин «чадру», собирали в кучи и сжигали. Ночью и этот «герой в борьбе за освобождение женщины Востока», и сама эта «освобожденная женщина» или ее ближайшие родственники оказывались убитыми...

А ответственные «руководители революционного социалистического» Узбекистана приходили на митинги со своими «открытыми» женами, которые сейчас же по возвращении домой закрывались снова. Иногда «революционные вожди» обзаводились двумя категориями жен: «открытыми советскими», с которыми «революционно шагали» по улицам, и закрытыми «мусульманскими», которых прятали дома строже прежнего, чтобы как-нибудь не скомпрометировать своей «революционности».

— Члены партии и комсомола, долженствующие явить пример, на словах много и громко кричали об открытии женщин, на деле же были против открытия. Жены ответ-

ственных работников, снова надели «паранджу» (покрывало)...

— Сейчас наступил период общего отхода, пишет «КЗЫЛ УЗБЕКСТАН» (6. I. 28). Мы стоим перед исчезновением достигнутых результатов... В Ташкенте 70% (семьдесят процентов!) открывших лица женщин снова закрылись чадрой!

Среди ответственных работников, поддерживавших противников открытия женщин, значится московский фаворит и бессменный председатель совнаркома Узбекистана и он же один из фигурантов-председателей ВЦИК СССР Файзулла-Ходжа. («КЗЫЛ УЗБЕКСТАН», 24. XI. 1927).

IX

По этим двум ответственным «руководителям» советского Узбекистана — полуграмотному председателю ЦИК Юлдашбаю Ахунбабаеву и противнику открытия женского лица председателю совнаркома из богатых торговцев Файзулле-Ходже, французские коммунисты могли бы набросать себе приблизительный «революционный портрет» тех, в ком они увидели «строителей советского государства». По ним они могли бы иметь представление о революционных кадрах, на ком держатся «национальные республики Туркестана».

Французские коммунисты поверили выданной им в Ташкенте справке, по которой выходило, что в Узбекистане и остальных «национальных республиках» Туркестана созданы подлинные и искренние кадры революционеров-интернационалистов.

Но позвольте познакомить вас с этими «революционными кадрами».

Немного справки из начального «героического периода Октября» в Туркестане.

В не раз уже цитированной мною здесь книге Георгия Сафарова «КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (ОПЫТ ТУРКЕСТАНА) на стр. 109, мы читаем:

— За лозунгом партии (большевистской), при отсутствии других партий, идут младо-сарты (узбеки), не имеющие по существу представления о нашей партии. Торговцы и переводчики были вольными и невольными протеже колонизаторов, которые, «не признавая нации», особенно свирепо обрушились на национальную интеллиген-

цию угнетенных народов. Именно они (колонизаторы) создали то положение, когда «при отсутствии других партий», вследствие невозможности иным образом выявить волю угнетенных масс к национальному самоопределению и даже просто отстоять свои интересы, все должны были стремиться в ряды коммунистической партии, которая при колонизаторском режиме превратилась... в своего рода Ноев Ковчег, где было гораздо больше «нечистых пар», чем чистых...

Не забудьте, что на этой книге стоит штемпель советского «Государственного Издательства».

От этого генеалогического корня пошли нынешние комммунистические побеги, которые образуют партийные и правительственные верхи в «национальных республиках» Туркестана.

Численный состав коммунистической партии следующий:

В Узбекистане — **15.349 членов партии и 11.293 кандидата.** Итого, значит, в партийных рядах числится 26.642 чел. Цифра эта сообщена во время 3-го партийного съезда в Узбекистане в ноябре истекшего (1927) года. Какой процент принадлежит узбекской национальности, сказать точно не могу, но едва ли этот процент выше 30-35. По другому сообщению, сделанному двумя месяцами раньше («ПРАВДА ВОСТОКА», НОМЕР ОТ 9.9.1927), состав партийной организации (для всей сов. Средней Азии?) исчислялся в 40.225, из коих 11.545 приходилось на туземный аул и кишлак. И говорилось еще, что неграмотных среди этих 11.545 партийных числится 10.464. А через день, т. е. 11. сент., та же газета прибавляла: «какова грамотность остальных, неизвестно: многие из них плохо читают, еле-еле подписывают свою фамилию»...

Привожу один весьма характерный документ, свидетельствующий о том, каким образом пополнялись «революционные кадры» Узбекской коммунистической партии.

Ряд лиц с партийными билетами с 1918 года оказались вписанными в партию начальником милиции Якубджаном Юсуповым.

— У Якубджана, говорится в этом документе, всегда в портфеле было не менее 200 партийных билетов, и он выдавал их всем, кто при перевыборах советов или партийного комитета голосовал за него... Билеты раздавались больше всего во временное пользование до окончания

перевыборной кампании, а затем он отбирал их и раздавал другой группе населения...

Партийные билеты подобного происхождения были в ходу и в 1927 году.

Такова «правящая» партия в самой развитой из «национальных республик Туркестана» — Узбекистане.

О партийных кадрах Туркменистана (7.908 чел.), Таджикистана (614 членов и 533 кандидата) и Киргизстана говорить не приходится. Их роль в государственном строительстве неизмеримо ниже роли узбекских коммунистов. Говоря о роли в государственном строительстве, я имею в виду, конечно, роль ответственных «строителей и созидателей» национального советского государства, имею в виду роль сознательного и ответственного руководства государственной жизнью.

Но представляют ли собою туркестанские коммунисты, в общей своей массе, настоящих революционеров, осознавших и внутренне принявших революционные идеи московского коммунизма?

За исключением отдельных лиц, конечно, нет. Яснее всего это сказалось во время кампании за открытие женского лица. Я приводил выше свидетельство ташкентского «КЗЫЛ УЗБЕКСТАНА» о том, что члены партии и комсомола и ответственные работники отнеслись к этому вопросу именно как к приказу начальства, отнеслись как «полицейские исполнители».

Другой пример я возьму из области чистой «идеологии».

В минувшем году названный «КЗЫЛ УЗБЕКСТАН», главный партийный орган, имеющий общетуркестанское значение, самым серьезным образом ставил вопрос о том, «ПРОРОК ЛЕНИН ИЛИ НЕТ?». Приводились «самые серьезные доказательства» со ссылками на... коранические толкования о пророках в пользу признания Ленина пророком. Были, конечно, и противники этого течения. Но то были противники не от революционного сознания или разума, а противники от революционной тактики. И они признавали за Лениным необыкновенный дар пророческого предвидения. «Ленин, действительно, пророк, писал один узбекский коммунист, но так как слово «пророк» ассоциируется с Иисусом, Магомедом и др., то по тактическим соображениям, лучше воздержаться от этой «испорченной» клички. («КЗЫЛ УЗБЕКСТАН», 1-V 11-VII-1927 г.).

Дискуссия эта длилась в продолжение нескольких месяцев, переходя в жаркие схватки между сторонами. Средне-Аз. Бюро ЦК ВКП молча следило за ходом прений. И только тогда, когда дискуссия была закрыта, не убедив в обратном сторонников провозглашения Ленина пророком, Ср-Аз. Бюро сочло нужным отметить, в ряду «неправильных постановок отдельных вопросов» о задачах советской критики (литературной) и этот вопрос: «ПРОРОК ЛЕНИН ИЛИ НЕТ?».

А ведь «КЗЫЛ УЗБЕКСТАНОМ» руководят лучшие революционные силы, ответственные вожди туркестанских коммунистов из местного населения. А Ср.-Аз. Бюро возглавляется отборными партийными силами по назначению самого ЦК ВПБ. У меня нет уверенности в том, что, если бы дискуссия эта окончилась всеобщим признанием Ленина пророком в «кораническом» смысле этого понятия, Ср.-Аз. Бюро сочло бы это «политически вредным», как не сочло оно, впрочем, «политически вредным», в свое время (в 1925 году) и признание Магомеда на страницах этого самого «КЗЫЛ УЗБЕКСТАНА» «СОЦИАЛЬНЫМ ПРОРОКОМ», **АВТОРИТЕТ КОТОРОГО ТАК ПРИГОДИЛСЯ БОЛЬШЕВИКАМ-ЛЕНИНИСТАМ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В ТУРКЕСТАНЕ** (см. выше).

Есть, конечно, разница между молчаливым признанием со стороны Ср.-Аз. Бюро Магомеда «социальным пророком» и открытым признанием со стороны узбекских коммунистов пророком Ленина. Средне-Аз. Бюро вынуждено бывает иногда, прикрыв свое антирелигиозное хулиганство, апеллировать к Магомеду потому, что у этого Бюро нет подлинной революционной и национальной опоры в стране, последователей мекканского пророка. Коммунисты же из местного населения Средней Азии кричат о пророчестве Ленина по простому невежеству своему.

Сообщая о распоряжении советских властей «поставить туземное население Ташкента на колени в годовщину смерти Ленина, автор заметки робко высказывал мнение, что следующим этапом, логическим завершением подобных мероприятий будет... «признание Ленина пророком». И он оказался прав.

И эту темноту «полицейских исполнителей» своих приказов московские большевики выдают за «свет» мировой социальной революции и за зарю «освобождения угнетенных народов».

X

Теперь **о советском Казахстане.**

Ташкентская железная дорога, по которой проезжали французские делегаты, проходит по наиболее малонаселенным местам сов. Казахстана. Столица этой автономной советской республики — КЗЫЛ-ОРДА (б. Перовск) является одним из самых печальных городов Туркестана. Настолько печальных, что даже малотребовательное правительство Казахстана решило бросить его и с осени этого года перенести свою резиденцию в Алма-Ату (б. Верный). И вот достаточно было 7-минутной остановки поезда около часа ночи на печальнейшей станции КЗЫЛ-ОРДА, выслушать приветственную речь представителя «казахского пролетариата» и получить на память альбом с видами, чтобы французские гости «убедились» в необычайных достижениях граждан советского Казахстана. Тут и счастливые условия жизни и труда, тут и все другие блага национальной политики сов. власти! И за всем тем — клятвенное обещание следовать пути сов. Казахстана и добиваться для французского пролетариата всего того, чем гордится казахский пролетариат в лице «героической коммунистической партии!»

С этой «героической коммунистической партии счастливого казахского пролетариата» я и начну свой рассказ.

На 6.491.138 душ населения, из коих сами казахи составляют приблизительно около 60 %[1], мы имеем такой численный состав партии: 19.420 членов и 11.644 кандидата. Следовательно, в рядах партии значится всего 31.064 чел. По национальному составу казахов среди них всего 34,8 % (см. статью «Казахстан к X-летию Октября» в журнале «За партию» № 3).

По сообщению отв. секретаря К-та партии Голощекина на ноябрьской конференции партии в КЗЫЛ-ОРДЕ, 58,9 % всех партийцев-казахов (6.465 чел.) приходится на аул. И отзывается об этих 58,9 % Голощекин следующим образом.

— Аульные коммунисты еще не усвоили твердо

[1] До Октябрьской революции собственно казахского населения было свыше 6 (шести) мнл. душ.

партийной линии. Они еще не в состоянии выполнять партийные поручения («ЭНБЕКШИ КАЗАК» 23. XI. 27).

А о партийцах же казахских тот же Голощекин говорит:

— Большинство наших коммунистов безграмотно. Если бы они были элементарно грамотны и хоть немного грамотны политически, директивы партии выполнялись бы, сами они были бы свободны от влияния родовых пережитков. Но такого положения у нас нет...» («ЭНБ. КАЗАК», 21. XI. 27).

Вот такова «героическая партия казахских коммунистов, революционная и государственная деятельность которых приводит в дикий восторг французских делегатов!

* * *

Теперь о казахском пролетариате вообще.

На 148 тыс. членов профсоюзов Казахстана собственно казахов приходится всего 34 тыс. (т. е. 23 %, см. «ЗА ПАРТИЮ», № 3). Процент промышленного пролетариата среди этих 34 тыс. крайне ничтожен[1]. Главная масса промышленного пролетариата сосредоточена на следующих крупных пунктах Казахстана: ЭМБА-НЕФТЬ, КАРСАКПАЙ, РИДДЕР и вновь строящейся ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКОЙ железной дороге. Условия жизни казахского пролетариата на этих предприятиях представляют огромный интерес для ближайшего знакомства с рабочей политикой советской власти в отношении казахского населения.

Начну с завода РИДДЕРА. Завод этот раньше, до 1918 года, принадлежавший английской компании Уркварта, ныне перестроен заново «по последнему слову заграничной техники». Находится он в центре казахского заселения, но ввиду его особой промышленной ценности он отнесен в ведение центральных органов Советского Союза.

---

[1] О численности рабочих-казахов, занятых в промышленности. «Энбекши Казак» (7 февр. 1928 г.) дает следующую цифровую справку: в золотопромышленности — 140 чел.; в текстильной — 121; в кожевенной — 124; в спиртовой — 33; соляной — 129; пищевиков — 1 (один); древообделочников — 1 (один). И т. д.: По отношению к общей массе (промышленных) рабочих Казахстана, рабочие-казахи составляют 2,2 проц. Таким образом, надо считать, что главнейшая масса указанных здесь 34 тыс. рабочих-казахов состоит из пастухов (по новой терминологии — «гуртоправ») и сезонных сельскохозяйственных рабочих, не играющих и не могущих играть никакой роли в профессиональном движении.

Это последнее замечание необходимо помнить для установления ответственности за условия труда на этом. самом образцовом на территории Казахстана крупнейшем промышленном предприятии. Добываются на заводе РИДДЕРА медь, свинец, олово. Последнее время в районе завода найдено золото. **Всех рабочих и служащих на заводе 2.800 человек и среди них 370 казахов. Только один рабочий-казах числится в рядах квалифицированных;** все остальные, значит, простые рабочие или еще точнее сказать — чернорабочие. При заводе имеется фабрично-заводская школа для подготовки квалифицированных рабочих, но доступ туда казахам затруднен или даже невозможен из-за отсутствия там преподавателя, владеющего казахским языком. Присланные на завод (со стороны) **молодые казахи, по окончании фабрично-заводской школы, зачисляются в чернорабочие. При сокращении работ, что происходит периодически, увольняются в первую очередь рабочие-казахи. Рабочие-русские и рабочие-казахи одной квалификации получают неодинаковую заработную плату: русские больше, казахи меньше.**

Сведения эти напечатаны в номере от 16 XII. 27 газеты «ЭНБЕКШИ КАЗАК».

О положении дел на заводе РИДДЕРА докладывал на VI партийной конференции Казахстана (ноябрь, 1927 года) русский большевик Морозов от имени Контрольной Комиссии. Из его сообщения я приведу только одно место, относящееся к межнациональным отношениям.

— На заводе РИДДЕРА,— говорит Морозов,— среди рабочих межнациональное недоверие. Русские рабочие проявляют великодержавие... Они не пускают рабочих-казахов жить с собою в одно помещение... («ЭНБ. КАЗАК», 29. XI. 27).

А вот сведения о положении казахских рабочих на РИДДЕРЕ еще более позднейшего времени:

«Рабочие, работающие в шахтах, постоянно обижают рабочих-казахов. В заводском комитете нет ни одного представителя казахов. Русские, сидящие в завкоме, казахского языка не знают, и рабочие-казахи не в состоянии поэтому изложить перед ними свои нужды. То же самое и в области охраны здоровья. Доктор не знает казахского языка. Заболевший рабочий-казах не в состоянии толком объяснить свою болезнь. Поэтому рабочие-казахи и не обращаются к доктору за медицинской помощью. («ЭНБЕКШИ КАЗАК», № 1, от I. 28).

Квартирные условия для рабочих-казахов ужасные...

Приблизительно то же самое происходит и на Карсакпае, где работает всего 3 000 рабочих. Та же межнациональная рознь между рабочими-русскими и рабочими-казахами, причем, конечно, обиженной стороной являются рабочие-казахи. Те же условия оплаты труда. Та же «гигиена». Фельдшер не советует рабочим ходить в бани, ибо «там можно заразиться». Рабочие ютятся в неотапливаемых холодных бараках. Часть рабочих живет зимой и летом в войлочных юртах...

Скверно поставлено дело снабжения рабочих провиантом. Частая нехватка муки. Из-за этого некоторые квалифицированные рабочие уходят с завода. В течение двух с половиною месяцев рабочим не выдавали специального рабочего костюма... На заводе процветает хулиганство, как то: пьянство, поножовщина, битье стекол и т. п...».

Эти сведения, лишь повторяющие, что было известно давно, напечатаны в «ЭНБ, КАЗАКЕ», номер от 5 января 1928 года.

Риддер и Карсакпай — образцовые на масштаб Казахстана заводы. Условия жизни и труда на них считаются лучшими, чем в остальных местах. И на этих образцовых заводах мы видим, как относится советская власть к рабочим-казахам, как живется последним при господстве пролетарской диктатуры.

А вот положение рабочих-казахов на вновь строящейся ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКОЙ ж. д.

— **Положение рабочих весьма скверно. Начинают работу с первыми проблесками утренней зари и кончают только с наступлением сумерек. На вопрос — почему работают более восьми часов? получается ответ: «заработной платы не хватает на еду». Хуже того. И эта заработная плата не выдается вовремя. Некоторые рабочие-казахи в течение двух месяцев не могут получить рабочих книжек. Десятники, обязанные защищать права рабочих, не выслушивают заявлений рабочих казахской национальности...**

Нет ни доктора, ни фельдшера...

Эти сведения помещены в том самом номере «ЭНБЕКШИ КАЗАКА» (от 11 декабря 1927 года), где приведены взаимоприветствия представителей «счастливого пролетариата» Казахстана и делегации «угнетенных» рабочих Франции[1].

Разве не кажутся после этого чистейшей ложью и

---

[1] О положении рабочих-казахов см. также «Приложение» — «Сергиопольский погром».

цинизмом следующие слова французского делегата Мазони:

— **Мы окончательно убедились в том, что все, что писалось о Советском Союзе в прессе нашей капиталистической Франции(?!), было чистейшей ложью. Мы здесь видели сами, как живут бывшие колониальные народы. И об этом мы расскажем подробно 520-тысячному революционному рабочему классу Франции...** (см. тот же номер «ЭНБ. КАЗАКА»).

Г. Мазони не знал, конечно, когда произносил свою речь, о таком положении рабочих-казахов. Эти сведения от него были скрыты. Но нет у меня уверенности, что и узнав, наконец, частицу правды, он хоть в чем-нибудь изменит свое мнение о «счастливых условиях жизни и труда пролетариата» Казахстана.

* * *

Уже по этим беглым заметкам о положении пролетариата Казахстана, в особенности туземного пролетариата, «в Октябре обретшего свою национальную независимость и национальную свободу», можно легко себе представить и государственную структуру Автономной Казахской сов. соц. республики.

О казахстане, как о самоуправляющейся национально-государственной единице (в советском смысле), вообще ведь можно говорить при действительном руководстве важнейшими частями государственного механизма коммунистами казахской национальности, при руководящем участии или хотя бы воздействии на управление страной пролетариата казахской национальности.

И казахских коммунистов, и казахский пролетариат мы видели в описании главного руководителя партии Голощекина и официального органа партии и правительства Казахстана — «Энбекши Казак». Сказать, что вот эти в большинстве и элементарно технически и политически неграмотные коммунисты играют хоть какую-нибудь роль в государственном строительстве, сказать, что вот тот казахский пролетариат, которого обижают и оскорбляют, который лишен права на одинаковую с русскими рабочими плату и который умирает, не получая медицинской помощи со стороны советского врача, сказать, что этот казахский пролетариат участвует или может участвовать в управлении судьбами страны,— значит сознательно говорить бессовестную ложь.

И эту ложь говорят московские большевики, за ними ее повторяют французские делегаты!

Я знаю, что и как ответят московские большевики, если бы им прочли вот эти мои официальные справки. Они ответят... цифрами, статистикой. И я знаю эти цифры и эту статистику и представлю их французским коммунистам.

Вот статья какого-то Швера в номере 3 журнала «ЗА ПАРТИЮ» (ноябрь 27 года). Озаглавлена статья «КАЗАХСТАН К Х-му ОКТЯБРЯ». В ней собраны статистические данные по наиболее важным отраслям жизни Казахстана. На некоторых из этих цифр я остановлюсь, чтобы показать всю внутреннюю пустоту «советских тысяч и миллионов». Тогда роль казахского национального пролетариата в государственном строительстве Казахстана встанет перед нами во всей своей «наготе».

Начну с кооперации, которая в условиях Казахстана составляет главнейший элемент «социалистической организации» хозяйства. Потребительская кооперация Казахстана располагает сетью в 1.078 единиц. Из них обслуживающих интересы казахского населения всего 29,6 %. По подсчету «ЭНБЕКШИ КАЗАКА» (номер от 3 января 1928 года), точное число обслуживающих казахское население кооперативов равно 320... Число сельскохозяйственных кооперативов равно 738 со 135 тыс. пайщиков, из которых пайщиков-казахов всего 44 тыс.

Журнал «ЗА ПАРТИЮ» не объясняет нам, кого, какую именно группу казахов обслуживают эти советские кооперативы. Эти объяснения мы находим в «ЭНБЕКШИ КАЗАКЕ» в номере от 20.XII.1927 г. Там мы читаем:

— Так называемые (так и написано: «так называемые») кооперативы не особенно далеко ушли от городов. Казахские хозяйства еще не объединены вокруг кооперации... Больше того, даже «государственная торговля не дошла до полукочевых и кочевых казахских районов»...

Кто же живет «далеко от городов», куда не дошла ни советская кооперация, ни советская государственная торговля? 5.901.832 души из общего количества 6.491.138 населения Казахстана! Процент казахов среди этих 5.901.832 вне городского населения составляет не менее 70 %. Таким образом, вы видите, что благодеяния советской кооперации почти не распространяются на основные кадры казахского населения. Что же касается «кочевых и полукочевых» казахских хозяйств, вовсе не обслуживаемых ни советской торговлей, ни кооперацией, то число

этих хозяйств определяется в 90 % всего казахского населения. («ЭНБЕКШИ КАЗАК» от 6 января 28 года).

XI

Журнал «ЗА ПАРТИЮ» в самых счастливых выражениях описывает земельную политику советского правительства в Казахстане и то, сколько земли получила казахская беднота из рук советской власти. Я оставляю в стороне его «миллионы десятин», а обращусь к свидетельству Голощекина, докладывавшего VI партийной конференции Казахстана (ноябрь 1927 г.) следующее о результатах этой самой советской земельной реформы:

— Хотя у нас и не было недостатка в проектах о сплошном землеустройстве (казахского населения), все же беднота никакой выгоды от этого не получила (речь Голощекина. 7. XI. 1927, см. «ЭНБЕКШИ КАЗАК» от 21. XI. 1927 г.).

Ниже я скажу несколько слов о земельной политике советской власти вообще, и там видно настоящее лицо советской политики в отношении казахского населения. Теперь обращусь к цифрам г. Швера в журнале «ЗА ПАРТИЮ», долженствующим показать и доказать «великое достижение казахского народа в школьном деле».

— Число казахских школ,— пишет Швер,— теперь стало 1.600 против прежних (до революции) 560...

Затем прибавляет: **«Процесс развития народного образования можно проследить и по росту денежных ассигнований на эту цель. Так, например, в прошлом бюджетном году на дело народного образования было отпущено 9 с половиной миллионов рублей; в только истекшем году — уже около 13 миллионов рублей»...**

Я последую за этими цифрами.

Обращусь к «Энбекши казаку». В номере от 14. 6. 27 этой газеты писалось: **Казахских школ имеется около 1.600, но из них число школ, имеющих помещение, еле-еле достигает 40...**

Комментарии излишни: 1600 на бумаге, а на деле «еле-еле достигает 40».

Говоря о школьном бюджете, комиссар народного просвещения Казахстана Токтабай-оглы Карим приводил следующую, не лишенную интереса справку: **«в 1911 году в русско-киргизских школах на одного учащегося тратилось 17 рублей, а ныне в школах первой ступени (соответствует прежним русско-туземным школам) мы тратим**

7 руб. 70 коп., т. е. менее почти в два с половиной раза. В русских школах первой ступени на одного учащегося тратится 16 рублей... На одного учащегося в средних уч. заведениях в 1913 году тратилось 180 руб., а теперь — 22 р. 70 коп...» и дальше:

— В казахских аулах только полтора процента школ имеет помещение, а в русских поселках помещением обеспечено 28 % школ».

Наконец, последнюю справку о состоянии советских школ дает Голощекин в своем докладе VI партийной конференции (ноябрь 27 г.). Вот что читаем мы в его речи, напечатанной в номере от 22. XI. 27 «ЭНБЕКШИ КАЗАКА»:

— На бумаге мы имеем большое количество школ в аулах, но в действительности никакой школы в аулах нет. Если аульные школы имеют помещения, то в этих помещениях нет скамеек, если есть скамейки, то нет учебников...

Пусть читатели вынесут сами свое суждение о «великих достижениях казахского народа при советской власти».

Последние цифры, на которых я хочу остановиться, это цифры, которыми автор статьи в № 3 «ЗА ПАРТИЮ» хочет доказать, что «судьба казахских трудящихся находится у них в своих руках». В доказательство он приводит «немного статистики»: в президиуме Казахского ЦИК из 21 члена казахов — 12; из 151 члена пленума ЦИКа казахов — 81; в совнаркоме из 16 членов казахов — 11; из 32 председателей уездных исполкомов 19 казахов... И т. д.

Но вот технический аппарат, который, при большинстве малограмотных «руководителей» органов власти, играет решающую роль, имеет физиономию иную: в техническом аппарате уездов и губерний казахи составляют 20 % и в краевых учреждениях 13 %.

В числе этих 20 % и 13 % находятся такие «техники», как, например, кучера, сторожа, разносчики пакетов и т. п.

Обращусь к этим самым, по советской терминологии, «держащим в руках своих судьбу казахских трудящихся» руководителям советского Казахстана. В действительности эти цифры, это цифровое, арифметическое большинство, имеют то же значение, что 1600 школ без помещений, без учебных принадлежностей и без учебников.

Позвольте мне привести одно только заявление Голощекина, поставленного Москвою руководить всем партийно-государственным механизмом Казахстана.

В 1926 году ЦИК Казахстана, с «руководящим казахским большинством, вынес решение, согласно которому при землеустройстве в Казахстане русские, самовольно переселившиеся сюда после 31 августа 1925 года, лишались права на получение земли. Они должны были или выехать обратно или же довольствоваться правом арендовать землю. При этом арендовать они должны были у самого правительства Казахстана, и т. о. возможность «частно-капиталистической эксплуатации» как будто исключалась. Решение ЦИКа было основано на директивах V партийной конференции Казахстана, т. е. высшего законодательного органа республики.

Голощекину это решение не понравилось. Но, признается Голощекин, «если бы я вздумал выступить против, то ни одного казахского голоса я бы не получил».

Дальше слово предоставим самому Голощекину:

— Я немного схитрил и сказал, что надо создавать комиссию. Согласились. Но перед тем, как идти на заседание комиссии, я вызвал товарища Алибекова и др. и просил их объяснить мне, в чем дело. Выяснилось, что при выполнении решения ЦИК (о самовольных переселениях) около 40-50 тыс. семействам русских придется или выселиться обратно или же арендовать землю... Затем, прибыв на заседание комиссии, я заявил:

— Товарищи, это не пройдет. Имеется ли у вас вооруженная сила, чтобы выселить обратно 200 тыс. душ русских? Имеются ли у вас денежные средства, чтобы покрыть расходы по переброске их обратно на свои места?

Как же ответили Голощекину «руководители судеб казахских трудящихся»?

Голощекин цинично рассказывает:

— **Постыдились... Согласились... Отменили... (см. «ЭНБЕКШИ КАЗАК», 28 XI. 1927)**

«Постыдились»?.. Нет, конечно, не «стыд» руководил «представителями казахских трудящихся», а страх, ибо у них не было и нет главного аргумента, о котором говорит Голощекин: не было своей национальной вооруженной силы...

Г. г. французские коммунисты, известно ли вам, что земельный вопрос в Казахстане разрешается не согласно желанию верховных органов «пролетарского государства» — партийной конференции или ЦИК Казахстана, а под угрозой «вооруженной силы»? Вчитайтесь вы в слова Голощекина и скажите: в чьих руках судьба казахских трудящихся? В руках ли арифметического большинства

или в руках одного Голощекина, аргументирующего «вооруженными силами» московского правительства?

Скажите по совести, такую же ли политику «от вооруженной силы» будете вести вы в Сирии в отношении сирийских трудящихся, если бы вам удалось «освободить» их от «французского империализма»?

Сириец Али-Мира, скажите, считали бы вы «счастьем для своего народа, если бы французские коммунисты поступали с вашими братьями, трудящейся беднотой сирийцев так же, как московские коммунисты поступают с трудящимися-туркестанцами?

Чтобы понять трагизм казахской бедноты и весь цинизм советского правительства, надо знать, что при царском режиме у казахского народа было отобрано около 40 млн. десятин лучшей земли в пользу русских переселенцев, что советское правительство обещало именем национально-освободительной революции, именем «мирового революционного пролетариата», что земельная несправедливость павшего режима будет исправлена, что казахам будет возвращена отобранная земля, что на казахские земли переселенцы допущены не будут... Теперь вы видите, г. г. французские коммунисты и сирийцы-революционеры, что у казахов земли отбираются в пользу самовольно переселившихся русских крестьян под угрозой вооруженной силы.

Ведь вот эти справки, которые я привожу здесь из официальных источников, вам, французские делегаты, неизвестны, и вы, не зная ничего, не имея понятия о сов. Казахстане, о котором вы, быть может, услышали-то впервые перед отъездом из Москвы в советский Туркестан, решились громогласно заявить, что «в счастливых условиях казахских трудящихся вы убедились лично!»

XII

Уже сказанного выше было бы достаточно для того, чтобы понять, что никакого советского строя, основанного на революционном сознании казахских масс, в Казахстане нет, что никакого марксизма, ни в вашем, ни в моем даже понимании этого слова, нет. Но я приведу к тому еще лишние доказательства.

Как раз на другой день после проезда французской делегации через Кзыл-Орду, т. е. 8 декабря 1927 г., в «ЭНБЕКШИ КАЗАКЕ» была опубликована резолюция, принятая на VI партийной конференции по докладу Кон-

трольной Комиссии. Из этой резолюции я приведу один только пункт (3-й), который гласит текстуально следующее:

— **Влияния марксизма (в партии Казахстана) еще нет. Не изжиты еще колонизаторская психология у великороссов и национализм у казахов...**

И все остальные шесть пунктов этой неизвестной французским делегатам резолюции лишь подтверждают и подчеркивают «немарксистскую сущность коммунистической партии Казахстана.

Этого мало. Я приведу выдержку из речи Голощекина на этой же VI партийной конференции, из которой вы увидите нутро «советского социалистического» Казахстана.

— **Революционная волна не коснулась казахского аула. Старый быт, старые обычаи, как они были до революции, так и остались без изменения...** (речь Голощекина 17. XI. см. «ЭНБЕКШИ КАЗАК», от 21. XI. 27 г.)

Ленинисты и марксисты, верите ли вы в народную, пролетарскую революцию без влияния этой революции на этот самый народ, на этот самый пролетариат?

Марксисты-ленинисты, верите ли вы, что партия «без влияния марксизма», где «великодержавное колонизаторство» вызывает (и не может не вызвать) «местный национализм», что вот подобная партия может создать пролетарский строй? Допускаете ли вы ленинизм без марксизма? Верите ли вы в революцию без революционной массы при колонизаторской психологии одной (большей) и националистической психологии другой (меньшей) части диктаторствующей партии? Считаете ли вы и можно ли вообще считать такую партию революционной с какой бы то ни было точки зрения?

Я приводил выше доказательство «революционного» издевательства московского агента Голощекина над «революционным» казахским народом и его высшими «революционными» органами управления. Я говорю об отмене одним **Голощекиным, со ссылкой на отсутствие у казахов** «вооруженной силы», постановление казахского ЦИК о недопустимости отчуждения земли у необеспеченной землею казахской бедноты для 200 тыс. душ русских самовольных переселенцев.

Чтобы быть в меру возможности объективным, я скажу несколько слов о «национализме» среди коммунистов-казаков.

Все тот же Голощекин, имя которого мною упомина-

ется здесь весьма часто, на VI партийной конференции рассказывал следующее:

— **В одном беллетристическом рассказе на казахском языке я прочитал (Голощекин казахского языка не знает) следующее: «бытие определяет сознание». Раз это так, то при нашем, казахском, отсталом быте не может быть места разговорам о социалистическом строе и пролетарской идеологии...** («ЭНБЕКШИ КАЗАК», 21. XI. 27).

Там же мы находим, в передаче Голощекина, такое рассуждение видного казахского коммуниста Исмаила Садвакасова о социализме среди казахов:

— **О социализме в применении к русской деревне еще, пожалуй, можно спорить. Но что касается социализма в условиях Казахстана, то об этом и не стоит говорить...**

Чтобы доказать, что Исмаил Садвакасов не исключение, я приведу свидетельство о нем Голощекина же:

— Корни «садвакасовщины» прочны. Садвакасов — это не отдельные лица, от которых можно было бы избавиться путем их изгнания (из партии). Садвакасовы имеются среди нас самих. Советские органы полным полны садвакасовых. Садвакасов — это выражение темной националистической идеологии широких народных масс. И с этим надо считаться...

Приведу еще одно свидетельство более общего характера. Оно касается «восприятия» казахами Октябрьской революции. Вот книжка на казахском языке — **«Психология выбора профессии»**. Отпечатана она в Москве в типографии Совета Национальностей. Автор книги Юсуфбек Аймаутов[1] о достижениях казахского народа говорит следующее:

— **Война, революция, грабежи, голод, национальная свобода, автономия... все это вещи, не снившиеся казах-киргизскому народу даже во сне, бросили (казах-киргизский народ) в объятия нищеты и бесконечных нужд...**

И об этом толковании и о таком восприятии социалистической революции говорилось с трибуны съезда работников политического просвещения в КЗЫЛ-ОРДЕ (см. «ЭНБЕКШИ КАЗАК» от 10. I. 28).

О чем говорят эти три последних примера? Они говорят обо всем, что угодно, но только не о торжестве революционных начал, но только не о «социализме в Казахстане». Я нарочно привел примеры из разных источников: из

---

[1] Насколько мне известно, он перевел на казахский язык гимн «Интернационала».

беллетристики, из заявления ответственного коммуниста-казаха и из книги, претендующей на научное обоснование какой ни на есть идеологии.

Сопоставьте все это с приведенным выше заявлением Голощекина о том, что «революционная волна не коснулась казахского аула», и перед вами подлинный облик советского Казахстана, приведшего в такой восторг делегатов французской коммунистической партии.

Где источники такого «восприятия» казахами социалистической революции?

Его не трудно найти в великодержавном колонизаторстве т. т. красных москвичей, в националистическом издевательстве над рабочими казахской национальности, в неслыханном глумлении представителя московского центра Голощекина над высшими «революционными» органами советского Казахстана...

Ведь выталкивая казахов-рабочих из помещения, где живут рабочие-русские; заставляя работать казахов от утренней зари до сумерек за ничтожную заработную плату; лишая казахов-рабочих права на одинаковую с русскими-рабочими заработную плату; издеваясь над постановлениями казахского ЦИК; насильственно отбирая землю у неустроенной еще казахской бедноты в пользу самовольных переселенцев-русских,— ведь все это московские большевики выдают за настоящий социализм, за революционный марксизм, за пролетарский строй, за советскую государственность. Меня мало беспокоит репутация советской государственности. Но не могу не задать вопроса г. г. французским ленинистам:

— И, по вашему мнению, все эти неслыханные безобразия есть атрибуты вашей советской государственности?

XIII

Мне остается сказать еще несколько слов о межнациональных отношениях в советском Казахстане.

Все сказанное выше не оставляет сомнения, о каком таком «братском» сожительстве народов может здесь идти речь.

Если бы я взялся нарисовать картину межнациональных отношений по казахским газетам и отчетам съездов за весь истекший 1927 год, то получилось бы нечто невероятное, чему, пожалуй, и трудно было бы поверить: настолько мрачна эта картина!

Я ограничусь поэтому самыми последними данными

о межнациональных отношениях в Казахстане. И этого будет вполне достаточно.

Предо мною новогодние номера «ЭНБЕКШИ КАЗАКА» от 1 и 3 января 1928 г. В них огромнейшие фельетоны, под заглавием «Межнациональная рознь». И одна из этих статей начинается так:

— Удивляться не к чему. Существование межнациональной вражды у нас известно всякому. Это не новый вопрос, а вопрос старый, о котором говорится на всех наших съездах и конференциях...

И немногим дальше мы читаем:

— Вот уже десять лет прошло, как произошла революция. И несмотря на эти десять лет революции, нельзя сказать, что остатки колонизаторской политики царизма исчезли. Они еще живут. Русские кулаки-колонизаторы, прямые и законные дети старой русской великодержавной политики, еще до сих пор обнаруживают свое верховенство в отношении казахов, узбеков и др. угнетенных народов...

— Среди казахов живы еще старые стихи и песни, сложенные в эпоху царской переселенческой политики.

В народе еще живут поговорки, вроде как:

— Блондин ли, брюнет ли, все русские суть русские...

— Если есть у тебя товарищ русский, то не забудь держать при себе топорик...

— Эти песни, эти поговорки казах применяет ко всякому русскому человеку, не различая ни богатых, ни бедных...».

А несколько впереди написано:

— Межнациональная рознь имеется не только среди беспартийных, но и среди самих членов партии. Имевшие до сих пор место группировки, взаимные недоразумения и драки — все это порождено межнациональной рознью...

— Работающие в земельных и водных комитетах товарищи тянут одни в сторону колонизаторства, другие в сторону национализма... Товарищи, работающие в местных (низших) органах власти, мало думают об интересах трудящихся: казах заботится об интересах казаха и, в частности, об интересах своих родственников; узбек думает о пользе узбека; русский заботится о выгоде русских...

Автор этой весьма интересной и позорящей всю советскую национальную политику статьи приводит ряд цифровых данных, которые, по его мнению, должны служить объяснением всеобщей межнациональной вражды. Он указывает, между прочим, на «бюджетные несправедливости», как на одну из наиболее ядких причин этой вражды. Для

примера, он берет Сыр-Дарьинскую губернию, типичную для всего Казахстана. Вот один ряд цифровых данных, показывающих «бюджетную несправедливость» советской власти. Казахи в Сыр-Дарьинской губ. составляют 79 % всего населения, а все европейцы вместе взятые (русские, украинцы, белорусы, немцы и др.) — всего-навсего 9,5 %. Между тем в школах Сыр-Дарьинской губ. обучается всего-навсего 6 % казахских детей, детей же русских — 53,2 %... Другими словами, на казахские деньги сов. правительство обучает детей русских переселенцев!

Ну, а разве приведенных выше справок о школьных помещениях, о кооперации, о земле, о рабочих, о заработной плате недостаточно, чтобы видеть ясно, что ни о каком межнациональном мире, ни о каком «братстве народов» в Казахстане и речи быть не может?

Когда представители казахского профсоюза Корамыс-оглы Азьмухан и Бродский говорили французским делегатам «о великих достижениях казахского народа и, казахского пролетариата в частности, они, Азьмухан и Бродский, отлично знали о действительном положении и казахского народа вообще, и казахского пролетариата в частности, и о межнациональных отношениях в советском Казахстане. Но они, как представители советских организаций, от французской делегации правду скрыли...

XIV

Я здесь коснулся не всех пунктов, отмеченных в декларации французской рабочей делегации, как «великие достижения трудящихся бывших царских колоний». Не коснулся, между прочим, заявления делегатов о «глубоких изменениях в нравах и обычаях», происшедших «при пролетарской власти», и о том, что будто «варварские обычаи предков быстро исчезают».

Людям, никогда не знавшим, что такое представляет собою Средняя Азия и какие там были нравы и обычаи, весьма трудно, конечно, говорить об «изменениях» в них. Но французские делегаты все же решились сказать свое окончательное мнение и по этому вопросу. Да, есть «глубокие изменения в нравах и обычаях». Начать с того, что «при пролетарской власти туркестанцы обогатили «варварские обычаи предков»... пьянством — пороком, с которым мы раньше не были почти знакомы. Казахи, в частности,

совершенно не знали пьянства... «При пролетарской власти» туркестанское население узнало, что существуют грани взяточничества и кражи народного достояния, до которых не достигли, оказывается, ни администрация старого режима, ни даже чиновники бухарского эмира[1]. «При пролетарской власти» в Казахстане и Киргизстане возобновился забытый было «варварский обычай» предков — «баранта» (угон скота) и участились до неслыханных размеров кражи скота. Разверните казахские и киргизские газеты, и вы ужаснетесь количествам «баранты» и кражи.

Да, при пролетарской власти ввели борьбу против выкупа жены, но «при пролетарской власти» наша страна обогатилась известным ей больше по наслышке пороком насилия над женщиной. В большинстве случаев насилия совершаются над «освободившейся» женщиной ее «освободителями» — членами партии или ответственными работниками.

Что пьянство, взяточничество, кража народного достояния, насилия над женщинами и др. становятся как бы «профессиональной» привилегией партийцев и ответственных работников «пролетарской власти», увы, это понятно. Ибо там, где страна и народ социально не доросли, где нет точно очерченных классовых дифференциаций, там в «единую и единственную партию классовой диктатуры» в большинстве идут (так будет везде и всюду в каждой такой социально недоразвитой стране и среде) худшие элементы, элементы карьеристские, люди с мрачной психологией. Совершенно прав большевик Георгий Сафаров, когда говорит, что «в условиях Туркестана большевистская партия превратилась в своего рода Ноев Ковчег, где нечистых пар гораздо больше, чем чистых». При искусственном же насаждении сверху марксистской идеологии в ее ленинской интерпретации, в условиях Туркестана и ему подобных стран «нечистых пар» будет всегда больше, чем «чистых». Тот же Сафаров на стр. 109 своей книги, не раз мною здесь цитированной, говорит, что «колонизаторы (т. е. советское правительство в Туркестане. **М. Ч.**), не признавая нации, особенно свирепо обрушивались на национальную интеллигенцию угнетенных народов», ибо «колонизаторам не нужны были подлинные руководители туземной бедноты, равноправные с ним товарищи. Им нужны были переводчики и полицейские исполнители» (стр. 108).

---

[1] См. в «Приложении» — «Господа Ташкентцы».

Много ли изменилось с тех пор?

Немного. Вчитайтесь в резолюцию XIV пленума Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП о «скрытых формах остатков великодержавного шовинизма», издевательства, высокомерия, подчеркивания преимущества у коммунистов русских в их взаимоотношениях «с рабочими основных национальностей» и скажите: вот таким господам разве нужны «равноправные с ними товарищи и подлинные руководители туземной бедноты»?

Конечно, нет!

Разве Средне-Азиатское Бюро ЦК ВКП потерпело бы, если бы кто-либо из нынешних «руководителей туземной бедноты» вздумал протестовать против такого неслыханного национального унижения, как приказ населению старого Ташкента стать на колени в годовщину смерти Ленина?

Скажите, г. г. французские коммунисты, какое вы дадите объяснение этому акту советской власти в Туркестане? Почему туркестанцы должны становиться на колени, а русские стоя кричать: «Ленин умер, а дело его живет»?

Я знаю, что приведенные мною справки при всей их официальной достоверности, не переубедят французских коммунистов по одной той причине, что исходят от меня — не коммуниста. Но ни я, ни мои соотечественники-туркестанцы — мы и не добиваемся, чтобы французские коммунисты осудили советское правительство за его туркестанскую политику. Но мы хотим лишь одного, хотим, чтобы французские коммунисты оставались при своих убеждениях и мнении о сов. власти в Туркестане, зная, что:

> советская власть утвердилась там на трупах туркестанской бедноты, на трупах женщин и детей (см. выше свидетельство Рыскулова, Сорокина, Сафарова); что московские коммунисты, являющиеся настоящими господами положения в Туркестане, еще не изжили великодержавного шовинизма; что Средне-Азиатское Бюро ставило туркестанцев на колени; что в отношении рабочих-туркестанцев продолжается политика недоверия, что, по выражению московской «ПРАВДЫ» (7. 9. 27), является выражением «утонченной формы современного колонизаторства»; что в Казахстане рабочий-казах получает меньшую заработную плату, чем рабочий-русский одинаковой с ним квалификации; что рабочего-казаха национально притесняют и в вопросе жилищном; что в Казахстане

(в партии даже) нет влияния марксизма и что коммунисты-русские «не изжили колонизаторской психологии» (см. резолюцию VI партийной конференции); что, наконец, поставленный Москвою руководить советским Казахстаном Голощекин вынудил «представителей казахских трудящихся, напоминанием о вооруженной силе (а у вас вооруженная сила есть?) согласиться на «отмену» постановления высшего законодательного учреждения Казахстана и заставил согласиться предоставить земли 200 тыс. самовольно переселившимся русским крестьянам.

Мы хотим только, чтобы французские коммунисты оставались в своем убеждении о «туземном большинстве в профсоюзах Средней Азии», зная, что на самом деле «туземцы» составляют 33 % в профсоюзах собственно сов. Средней Азии и 23 % в профсоюзах Казахстана.

Разумеется, французские коммунисты должны проверить приведенные мною справки. Тем легче это сделать, что я всюду указываю источники моих информаций.

Если хоть одна из моих справок окажется неверной, я готов печатно признать свою вину. Ну, а если они окажутся верными? Что тогда?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Рукопись этой брошюры была изготовлена мною еще в первых числах февраля этого года. Понадобилось пять долгих месяцев, чтобы, наконец, выпустить ее в свет.

Таковы трудности эмигрантского существования!

Перед выпуском я вновь внимательно просмотрел текст брошюры и с особой строгостью останавливался на приводимых в ней фактах. Я бы мог новыми данными туркестанской советской прессы лишний раз подкрепить свои утверждения о межнациональных взаимоотношениях, о положении туземных рабочих, о составе партии и партийном руководстве, об аграрной политике советского правительства, о школьном вопросе, о сов. кооперации...

Я бы мог привести убийственные и для советской власти и для французских гостей данные о советском строительстве и о приведшем в умиление французских коммунистов советском «умении хозяйничать».

Что сказать о межнациональных взаимоотношениях

в советской стране, если казах-киргизы готовы бы «соединиться с китайцами, чтобы только избавиться от московского правительства[1] если учащиеся казах-киргизы расклеивают плакаты на улицах гор. Чимкента с призывом к освобождению от угнетателей[2]; если для состоящих членами партии слушателей узбекского Высшего Педагогического Института в Самарканде идеалом национально-государственной жизни кажется Афганистан или даже полувассальный Египет[2]? О положении туземных рабочих красноречиво говорят забастовки на строящейся ж.-д. ветке Уч — Аджи, Джар — Курган — Душанбе; избиения рабочих на Каунчи (под Ташкентом[3]). Пусть прочтут французские коммунисты постановление Ср.-Аз. Бюро ЦК ВКП «о настроениях рабочих в Средней Азии» «ПРАВДА ВОСТОКА» от 3 июня 1928 г.[4]), и тогда они поймут, как жестоко их обманывали в Туркестане относительно положения рабочего класса вообще.

Тяжелое положение рабочих на строящейся Туркестано-Сибирской ж. д. нашло новое подтверждение в докладе специальной комиссии Народного Комиссара Труда РСФСР («ЭНБ. КАЗАК», от 4 июня 1928 г.[5]).

Аграрная политика советского правительства в Казахстане вновь напомнила нам старую политику павшего царизма. Газ. «Энбекши Казак» (ном. от 23 мая 1928 г.) с грустью сообщает о постановлении президиума ЦИК РСФСР о принятом им решении вновь направлять русских переселенцев в Казахстан, где только что начаты работы по землеустройству кочевых и полукочевых казахов. Тщетно напоминал представитель Казахстана о постановлениях ЦИК РСФСР от 17 апреля 1924 г. и президиума ЦИК РСФСР от 14 сентября 1925 г. о прекращении переселения в Казахстан, пока там не закончены работы по землеустройству самих казахов. Г. г. московские большевики, в нарушение своих собственных постановлений, решили-таки продолжать переселение из России в Казахстан...

Как можно после этого удивляться тому, что несчастные казах-киргизы мечтают о союзе с китайцами для

---

[1] 1 и 2) Доклад Голощекина. См. «Энбекши Казак» 30 мая 1928 г.
[2] «Правда Востока» 11 мая 1928 г.
[3] См. «Приложение» — «Каунчинское дело».
[4] См. «Приложение».
[5] См. также «Сергиопольский погром» («Приложение»).

борьбы против Москвы? Как можно удивляться тому, что молодые казах-киргизы, воспитанники советских школ, призывают народ к свержению «колонизаторской власти красной Москвы?..».

Советское строительство в Средней Азии!

Французские делегаты самым серьезным образом говорили о том, что советский Узбекистан хозяйничает лучше, чем капиталистическая Европа. В момент, когда я писал свою брошюру, у меня под руками были лишь отрывочные сведения, которые мне казались не вполне достаточными, чтобы я мог на них опираться в печатном выступлении. Теперь о сов. строительстве в Средней Азии я имею материалы, по своей чудовищности далеко оставляющие за собою материалы по ныне разбирающемуся Шахтинскому делу. Я имею в виду дело о ВОДНЫХ УПРАВЛЕНИЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ. Составлялись фантастические миллиардные (3 миллиарда 600 млн. рублей!) проекты опереточного строительства, как орошение знаменитых Кара-Кумских песков; мечтали опреснить Гасан-Кулийский залив Каспийского моря. А рядом посеянная пшеница и хлопок погибали от безводья! Проекты эти нужны были только для личного обогащения советских правителей... Как они работали по орошению Туркестана, достаточно назвать только одну цифру: затратив 8 миллионов рублей, г. г. большевистские инженеры оросили всего-навсего 20 (двадцать) гектаров земли!.. А сколько миллионов пущено на ветер!

И надо сказать, что во главе Водных Управлений Средней Азии стояли старые партийные деятели (Рыкунов, Прохоров, Мор). В Водном Хозяйстве не было ни одного частного собственника и ни одного иностранца, чем пытаются объяснить Шахтинский скандал. Однако все признаки «экономического вредительства», все признаки «экономической контрреволюции» были налицо...[1]

Возьмите строительство Ферганской текстильной фабрики, кожевенного и консервного заводов в Ташкенте, городское строительство в Кзыл-Орде (столица Казахстана), строительство в Киргизстане,— всюду на сотни тысяч и миллионы обкрадываний!..

Я не останавливаюсь в своей брошюре на достижениях в области промышленности, ибо не имел в то время относящихся к моменту данных. Теперь мне их доставили в изобилии.

[1] Подробности см. в «Приложении» — «Господа Ташкентцы».

Назову несколько убийственных цифр по Казахстану, так поразившему французских делегатов своими достижениями.

Я беру цифры из последнего доклада правительства Казахстана Совету Народных Комиссаров РСФСР. Вот эти цифры:

В отношении довоенного уровня:

Добыча золота	48.79 %
Медь	12.82 %
Каменный уголь	16,52 %
Сульфат	43.90 %
Рыба	24,85 %
Выделка кожи	45,80 %
Соль	97,56 %
Нефть	96.06 %

Эти ли цифры приводят в восторг вас, г. г. французские коммунисты, или вам сообщили другие данные?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — ПРИЛОЖЕНИЯ.

Из отзывов французской прессы.

1. РУССКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ТУРКЕСТАНЕ

I

(«Попюлэр» 2 и 3. IX. 1928).

Каждый конгресс Социалистического Интернационала, путем общения с делегатами национальных секций, все более многочисленных и обнимающих Вселенную, представляет собою неисчерпаемый источник устных и письменных свидетельств для познания больших международных проблем. Делегаты могут многому поучиться на этих обширных собраниях мирового пролетариата.

Поль Лафарг любил говорить, что такое общение, что такие завязывающиеся и продолжающиеся связи гораздо важнее решений и резолюций, голосуемых делегатами. У автора блестящего памфлета «Право Лености» — труд, слишком мало известный нашим молодым соратникам, это звучит, как случается часто, парадоксом. Но в парадоксе есть и доля правды.

Я лично убедился в этом, прочтя среди книг и брошюр, привезенных в Брюссель, яркое исследование, розданное делегатам и написанное одним из наших товарищей-мусульман из русского Туркестана. Это — брошюра Мустафы Чокаева «В Советской Средней Азии», с красноречивым предисловием нашего товарища Пьера Реноделя.

Известно, с какой добросовестностью и с каким вниманием рабочий Интернационал изучал колониальную проблему. Но впервые перед нами встала вся глубина проблемы. Принятая по этому поводу резолюция сильна, мужественна, смела и проникнута в то же время чувством реальности и разнообразия проблемы. За это, само собой разумеется, пришлось выслушать обычные оскорбления со стороны святош московской церкви. Так как мы не

заявляли, что необходимо немедленно дать полную независимость людоедам и провозгласить за ними право поедать друг друга и съедать других, то, мы, по-видимому, впали в самый скандальный империализм.

Наш друг Фонтанье ответил уже на этих страницах на эту глупую болтовню. Но отлично документированная работа товарища Мустафы Чокаева клеймит сильнее всякого рассуждения подобные упреки, адресуемые социалистическому Интернационалу теми, вожди и хозяева (а также генеральные казначеи) которых цинично применяют принципы империалистического колонизаторства там, где они являются полными хозяевами, как, например, в Туркестане!

Одна из многочисленных групп дурачков и сообщников, которых Коминтерн развозит по всему миру, составленная из нескольких правоверных французских ячеек, в том числе некий гражданин Гаше (?), была доставлена недавно в центр Азии. Эти господа не знали, конечно, ни слова по-русски, а тем более ни слова на языках, на которых говорит население Туркестана: узбеки, киргизы, казахи и др. Поэтому ничего не стоило морочить им голову и заставить затем расписывать «потемкинские деревни», которые они посетили.

Если верить этим странным «обследователям», все прекрасно от Ташкента до Самарканда и от Ашхабада до Бухары! Туземные рабочие ведут чудеснейшее существование. Они пользуются всеми правами, и в этих бывших колониях царской Империи нет больше ни малейшего следа того отвратительного духа угнетения, которым славились прежние хозяева.

Этим лживым выдумкам, этим фантастическим сказкам Мустафа Чокаев противопоставляет действительность, пользуясь исключительно советскими же данными, обильно цитируя советские газеты Ташкента, Самарканда и, в частности, местный официальный орган «За Партию», приводя речи на коммунистических партийных съездах и выдержки из брошюр, изданных в Москве самим советским правительством.

Действительность бесконечно грустна. Ее ярко охарактеризовал бедный мусульманский крестьянин, заявивший на 3-м местном съезде коммунистической партии Туркестана:«мы, бедные мусульмане, как находились скотиной при Николае Кровавом, так пребываем теперь и при пролетарском правительстве. И даже хуже, хотя мы не сопротивлялись советской власти».

Эти слова были сказаны в 1919 году. Изменилось ли с тех пор положение? Чокаев устанавливает, что 1927-1928 г. оно такое же, если не хуже.

В жалобах туркестанских мусульман — они составляют огромное большинство населения — непрестанно слышится один мотив. Мы слышим эти жалобы повсюду в старом капиталистическом мире. Они направлены против зверств колонизаторских приемов, в чем наши «ячейники» напрасно обвиняют социалистов, которые всюду борются всеми силами с этим злом.

Мысль, что русский переселенец принадлежит к высшей расе, что он должен господствовать, владеть, наживаться, эту мысль «ленинская» идеология позволяет скрывать при помощи чудовищных лжемарксистских софизмов.

Фактически применяются те же старые методы, какие европейские хозяева применяют к своим рабам в Африке и Азии. Один из местных большевистских вождей, Турар Рыскулов, во время страшного голода, от которого погибло больше миллиона несчастных мусульманских крестьян, киргизов и казахов, заявил, что «киргизы, экономически слабые с марксистской точки зрения(!), должны все равно погибнуть»[1].

II

Ясно, что так называемая диктатура пролетариата, столь странным образом осуществленная в самой России (но, по крайней мере, русскими над русскими же), осуществляется в отдаленных областях Средней Азии кучкой русских рабочих и крестьян, твердо проникнутых империалистическими настроениями и мнением, что туземный рабочий и туземный мусульманский крестьянин должны всегда оставаться «материалом и подстилкой» для своих европейских господ.

Вот печальный пример, который, конечно, в глазах товарища Чокаева принимает символическое значение и повторяется им несколько раз: 21 января 1925 года, в годовщину смерти Ленина, все мусульманское население Ташкента, по распоряжению советских властей, должно было стать на колени и **«оставаться несколько минут в этом унизительном положении настоящих колониальных**

[1] Это не собственные слова Турара Рыскулова, а слова главы русских большевиков в Туркестане Ивана Тоболина. Рыскулов приводит их в своей книге — «Революция и коренное население Туркестана» — **М. Ч.**

рабов, тогда как немусульмане стояли и кричали: «Ленин умер, но дело его вечно!».

Говоря о внутреннем положении и угнетениях, каким подвергаются его соотечественники, киргизский писатель приводит многочисленные доказательства, факты и цифры, входить в подробности которых я не могу за недостатком места.

Та же система, которая действовала в Туркестане во времена царей, стремится утвердить господство русских колонизаторов над туземцами. Делается это под маской советских учреждений, что может обмануть только невежд или добровольных слепцов.

На фабриках вся квалифицированная работа производится европейскими рабочими (русскими). Русские и мусульманские рабочие одного и того же разряда получают разную заработную плату. Во всех больших предприятиях рабочие-киргизы употребляются для черного труда и под постоянным враждебным взором русских рабочих, «проникнутых колонизаторским настроением».

Узбекистанский Совет имеет в своем руководящем аппарате 61 % русских и 24 % туземцев. Однако туземцы составляют подавляющее большинство населения. Но кто эти киргизы и прочие туземные элементы, допущенные в руководящие органы? Исключительно или почти безграмотные, т. е. простые статисты. Чокаев вспоминает по этому поводу мудрое изречение Ленина: «Безграмотный стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке; ибо без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика».

Фактически управляют только русские.

Вся аграрная политика в Туркестане подчинена русским империалистическим задачам. Мусульманского крестьянина заставляют разводить хлопок, в котором нуждается Москва. Поэтому в снабжении хлебом он зависит полностью от Москвы. И за свой хлопок он не получает хлебного эквивалента. Значительная часть конфискованных земель не отдана мусульманским крестьянам. Они предназначены солдатам Красной Армии. Конечно, солдаты эти почти все русские или вообще европейцы, и наш автор приходит к выводу, что «советская аграрная реформа продолжает ненавистную переселенческую политику свергнутого режима».

Правда, в известной степени в центре, в Москве, были, кажется, сделаны некоторые усилия сдержать колонизаторский пыл местных русских вождей. Но как слабы и

нерешительны эти усилия. Часто даже спрашиваешь себя: не просто ли это лицемерный жест вежливости по адресу «марксистской» доктрины?

Бедный Маркс! Недаром у него было столь сильное антирусское предубеждение. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть его переписку — и, конечно, не нынешнее обращение с его доктриной в Кремле могло бы примирить его с Россией и панславизмом, даже большевистским!

К счастью, есть другие русские, в которых он признал бы своих подлинных духовных сынов, наши доблестные товарищи меньшевики, которые с каждым днем убеждают нас в своей удивительной социалистической проницательности.

Как бы то ни было, замечательные разоблачения нашего товарища туркестанца Мустафы Чокаева — после всего того, что мы уже знаем о советских завоеваниях в Грузии и Армении — показывают, насколько наши местные коммунисты имеют право делать нам нравоучения в колониальном вопросе!

ЖАН ЛОНГЭ.

2. СОВЕТЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(«Журнал де Деба», 8.Х. 1928).

Под этим заглавием Мустафа Чокаев опубликовал красноречивую брошюру (Склад у Ашетта, Париж), являющуюся блестящим ответом французским коммунистам.

В предисловии, полном откровенности, депутат Пьер Ренодель, знакомит нас с автором брошюры и целью, им преследуемой. Г. Чокаев, свободолюбивый демократ, обличает большевиков в том, что они не сдержали своего обещания освобождения народов, а делегацию французских коммунистов, ездивших в Россию по случаю 10-й годовщины Октябрьской революции,— в распространении ложных сведений. Он ограничил свою задачу Средней Азией и адресует справедливые упреки нашим коммунистам, которые, в результате кратковременного путешествия, смеют говорить о своем восхищении тем, что они будто бы видели и слышали в условиях полной свободы. Каким образом, спрашивает г. Чокаев вместе со всеми добросовестными людьми, могли наши коммунисты, не зная ни страны, ни языка, вынужденные постоянно пользоваться услугами московских переводчиков,— как могли они хоть на минуту подумать, что будто вошли в связь с населением Туркестана?

С чисто научной точностью г. Чокаев старается вскрыть перед нами замаскированную правду. Его доказательства тем более убедительны, что опираются они на советские же источники. Он ссылается на цитаты из московской «Правды», на большевистские ташкентские газеты «Правда Востока» и «Кзыл Узбекстан», на красный журнал «За Партию», на официальные свидетельства самого Зиновьева или других важных особ, вроде Рыскулова и Сорокина, бывших председателей ЦИК и Туркестанского совнаркома.

Из всего этого вытекает, что чиновники СССР действуют в Туркестане, где установлен ими варварский ко-

лониальный режим, с необыкновенным цинизмом, угнетательским и безжалостным самоуправством.

Систематическое преследование мусульман, полная эксплуатация туземного пролетариата, лживая аграрная реформа, сведшаяся к облегчению русского переселения за счет туземцев, погибающих от нужды, поощрение невежества и пороков — вот результаты советского господства, которое с трех точек зрения — политической, социальной и экономической — должно быть осуждено всеми цивилизованными народами.

Нам остается только поблагодарить г. Чокаева за его мужественный и полный драматизма рассказ.

А. С.

ИЗ СОВЕТСКИХ ОТЗЫВОВ.

РЕЧЬ Элиавы на заседании 11 декабря 1928 г. 4 сессии Центрального Исполнительного Комитета СОЮЗА ССР 4-го созыва (Бюллетень № 21, стр. 43-49[1].

ЭЛИАВА. Товарищи, доклад т. Ходжаева изобиловал очень красноречивыми цифрами, характеризующими достижения, которые имеются в этой республике за те немногие годы, на протяжении которых правительство Узбекской республики работало в мирных условиях по воссозданию разрушенного хозяйства. Я анализировать эти цифры, характеризующие рост народного хозяйства и подъем материальной и духовной культуры республики Узбекистана, не буду. Я хочу остановить ваше внимание на одном чрезвычайно важном моменте, которого недостаточно подробно коснулся т. Ходжаев в своем докладе.

Есть люди, которые именуют себя сторонниками или вернее защитниками порабощенных народов Средней Азии, которые издалека, вынужденные благодаря революционному перевороту сидеть за тридевять земель, изо дня

---

[1] Речь Шалвы Элиавы приводится здесь полностью, без всяких сокращений. Я бы хотел остановить внимание читателей на том месте этой речи, где Элиава говорит, что «Узбекская республика работает при отсутствии пролетариата», что «пролетариат в Узбекистане — это очень неясная категория», что «квалифицированных рабочих из узбеков в Узбекистане нет», что, «если там имеются рабочие, то это пришлый элемент»...

Итак, в 1928 г., т.е. через 11 лет, после образования диктатуры пролетариата, самая передовая из «национальных» республик Туркестана — Узбекистан «работает при отсутствии национального пролетариата». Больше того, самое понятие пролетариата там «очень неясная категория». Такое авторитетное свидетельство с трибуны сессии ЦИК СССР, подтверждающее основную мысль этой брошюры, не может, разумеется, не дать удовлетворения автору ее.

Хочется поставить вопрос: «Каким образом» «очень неясная категория» для самого ЦИК СССР — «узбекский пролетариат» оказывается «подлинным хозяином и носителем диктатуры пролетариата» в своей стране?

в день пишут и информируют западноевропейскую печать и так называемое общественное мнение Западной Европы о положении народов Средней Азии в составе великого Советского Союза. Эти лица, не взирая ни на какие факты, которые, конечно, отрицать или опровергнуть никто не в состоянии, почитают своим священным долгом искажать действительное положение вещей в средне-азиатских республиках. Люди враждебного нам лагеря, к сожалению, имеют очень хорошую поддержку в Западной Европе не только со стороны буржуазных правительств, но и со стороны социалистических партий, которые не приемлют нашего советского строя. Я имею в виду того самого Мустафу Чокаева, о котором здесь говорил т. Ходжаев. Мустафа Чокаев, по происхождению казах, националист, выметен революцией из нашей страны. Этот человек теперь, через 11 лет после советизации Средней Азии, пишет о положении в Узбекистане. В одной части своей книги он изображает положение вещей в Узбекистане на основании материалов и событий, имевших место в первые два года после советского переворота в Туркестане. Он ухитряется, путем ловкого подбора цитат, ловкого подбора материалов тогдашнего времени, убедить общественное мнение Европы и социалистические круги в безвыходном, ужасающем положении народов Узбекистана в настоящее время. Эта брошюра, которую он выпустил, имеет предисловие одного из вождей французской социалистической партии, социалиста Ренworkers, который, на основании материалов, опубликованных Чокаевым в написанной им брошюре, высказывает в предисловии такие мысли: «Сегодня,— говорит он,— 8 лет спустя после упоминаемого мною разговора (Ренодель имел свидание с Чокаевым в меньшевистской Грузии в 1920 г., он говорит о годах, прошедших со времени этого разговора), Туркестан мы можем рассматривать, как колонию, в которой большевистское правление по своей жестокости и циничности своих методов, а также по плачевным результатам абсолютизма, носящего громкое название «диктатуры пролетариата», ничем не уступает старому царскому режиму».

И дальше: «История, которую на своих страницах восстанавливает Чокаев, это есть страшная история крови, угнетения и невежества».

Товарищи, социалист Ренодель обосновывает эти мысли на материалах, собранных Чокаевым и относящихся к первым годам советского переворота в Туркестане. Нужно сказать, что этот самый Чокаев в своей довольно

пространной брошюре ни одним словом не касается тех работ узбекского правительства и союзного советского правительства, которые направлены в сторону хозяйственного и промышленного восстановления Средней Азии и Узбекистана. Ни одним словом не касается тех реформ, социальных и иных, которые проведены в Средней Азии, и рассуждает о положении дел в Узбекистане на основании материалов, относящихся к работе некоторых коммунистов Средней Азии в области национальных взаимоотношений лишь в непосредственно следовавшее за переворотом время[1]. Мне хотелось бы именно на этом вопросе остановить на несколько минут ваше внимание.

Вы знаете, что теперешний Узбекистан сформирован на территории Средней Азии несколько лет тому назад, а в прошлом был типичнейшей колонией русского царя, входя составною частью в русский Туркестан. Колониальное положение этой страны легло в основу всего того строя и тех отношений, которые создались в Средней Азии, в частности, в Узбекистане. Колониальное положение, как вам известно, рождает необходимость управлять колониальным районом через доверенных лиц господствующей в данном государстве национальности, и совершенно естественно, что после советского переворота в Туркестане мы получили в наследство на територии теперешнего Узбекистана всю ту засоренность отношений, которая была свойственна колониальному режиму в этой стране.

В первые годы после советского переворота в Туркестане мы действительно имели ряд таких явлений, которые не могли прояснить сознательность дехкан Узбекистана, Туркменистана или крестьянина-казаха, не могли прояснить их сознание насчет правильных отношений к тем группам населения, которые принадлежали к господствующей в России национальности. И советская власть в первые два-три года работала на том наиболее культурном, наиболее приспособленном для государственного управления человеческом материале, который там остался по наследству. Совершенно естественно, что в первые годы эти элементы привносили в свою работу все те черты отношения к туземному населению, которые были свойственны колонизаторским элементам — представителям

[1] Читатель мог убедиться, что Элиава неправ: рассмотрение «области национальных взаимоотношений» — центральное место этой книжки, мною доведено до 1928 г. включительно.

господствующей национальности[1]. И вот эту полосу, этот отрезок времени Мустафа Чокаев использует сейчас в своей брошюре, таким материалом иллюстрирует теперешнее положение Узбекистана, и социалист Ренодель на этом основании упрекает нас в том, что в Узбекистане мы и сейчас имеем колонию, которую эксплуатируем так же, как эксплуатируются все колонии и полуколонии в Африке и других местах. Характерная черта этих социалистов заключается в том, что они видят колониальное порабощение у нас, но ни одним словом не говорят о колониальном порабощении у себя дома.

Товарищи, тот материал, который вам предложил т. Ходжаев в своем докладе, не может не вызвать чрезвычайной радости и среди всех вас, не знающих Средней Азии, и среди нас, которые Среднюю Азию знают. Ваш покорнейший слуга имеет некоторое отношение к Средней Азии по своей работе там, примерно 7-8 лет назад. Мустафа Чокаев, как на свидетеля колониального угнетения Узбекистана, ссылается, между прочим, в этой брошюре и на меня, он ссылается и на те факты, которые я вместе с другими товарищами, посланными ЦК партии и центральным советским правительством, констатировал; он проводил эти факты и пишет, что т. Элиава и т. Сафаров констатировали, будто и сейчас Узбекистан представляет собою колонию[2].

Товарищи, людям типа Мустафы Чокаева, людям типа Реноделя не свойственно разбираться в том, что происходит в действительной жизни, они находятся во власти старых формул демократии и требуют восстановления прежних порядков в той стране, где теперь советская власть совершенно изменяет все социальные, все политические, все экономические отношения.

---

[1] Как видите, Элиава тоже не может отрицать «колонизаторского» происхождения советской власти в Туркестане, но он пытается объяснить, оправдать его.

[2] Я, как мог убедиться читатель, не писал, что «Элиава и Сафаров констатировали, что Узбекстан и сейчас (т.е. в 1928 г.) представляет собою колонию». Их свидетельствами я пользовался для подтверждения того совершенно неоспоримого факта, что т. н. диктатура пролетариата в Туркестане установилась без всякого участия туркестанцев, как диктатура русского пролетариата и в форме самого отвратительного колониального угнетения и грабежа. Как видите, Элиава не только не отрицает моих утверждений, но своими заявлениями, что «диктатура пролетариата в Узбекстане работает без узбекского пролетариата», что «самое понятие пролетариата там — это «очень неясная категория», сам напрашивается в свидетели того, что и в 1928 г. в Узбекстане была диктатура русского пролетариата».

Вот этот самый Чокаев не приводит ни одной цифры из работы Узбекского правительства по восстановлению народного хозяйства, по поднятию материального уровня узбекского населения потому, что он не способен их переварить, да, вероятно, и не желает эти цифры преподносить европейским читателям и социалистам за границей, потому что знает, что цифры, действительно характеризующие работу Узбекского правительства, на 100 % опровергают сплетни и выдумки, которые он распространяет на наш счет.

Товарищи, та категория фактов и явлений, которую затронул гр. Чокаев в своей книге и которую рекомендует читателям Ренодель в ответ на письменное заявление рабочей французской делегации, посетившей Среднюю Азию, этот круг явлений, может быть, наиболее тяжелый для преодоления в нашей работе. Еще т. Ленин говорил о том, что легче изменить экономические отношения, легче произвести экономический, хозяйственный, технический переворот, чем очистить сознание людей от старых идей, от старых навыков, от старого мышления. Он говорил, что нам понадобится не одно десятилетие, чтобы совершенно перестроить, совершенно освободить от старых традиций сознание нашего народа, потому что элементы этого старого сознания переходят из века в век. И вот те люди — Чокаев и Ренодель — ухватились именно за этот момент, когда мы в советской стране строим социализм на совершенно новой основе, отвергая принципы частной собственности, строим новые хозяйственно-общественные отношения. Мы еще до сих пор не можем очистить сознание даже у того народа, который не был в колониальном порабощении, который выдвинул огромные кадры своих техников и специалистов, мы не можем еще ликвидировать у него старых предрассудков. Как можно в такой короткий срок очистить сознание старых русских работников в Средней Азии от колонизаторских предрассудков, унаследованных от старого мира? Как же можно было так легко ликвидировать на протяжении 8 лет старые предрассудки у туркменского и узбекского дехканина? Ведь только теперь мы получаем действительную возможность выкорчевать из Средней Азии все корни старого колониального режима. Подготовка новых советских кадров людей — дело трудное и серьезное. Они требуют невозможного. Но те процессы, те факты, которые подготовляют изменение всех этих умонастроений, изменение сознания как в головах европейской части населения Средней Азии, так и в

головах местного населения — мы имеем: рост хозяйства, развертывание промышленности, мобилизацию пролетариата[1] и на этой основе рост культуры — все эти процессы у таких господ проходят незамеченными.

Я считаю, что нам в нашей работе в Средней Азии, как и здесь, придется еще применить героические усилия к тому, чтобы практическая работа советских органов по осуществлению нашей программы хозяйственной и политической проводилась бы[2] в полном соответствии с нашей идеей. Но есть **известное расстояние между идеями коммунистической партии, идеями советской власти, ее директивами и исполнением этих директив.** Все зависит от того человеческого материала, который работает в данной стране. Этого не нужно забывать ни одному рабочему и крестьянину. И вот я хочу констатировать еще раз, что тот людской материал, которым обладает советское государство сейчас, в значительной степени еще не достаточно точно усваивает жизненные интересы советского государства и господствующего класса — пролетариата, в смысле правильного применения их директив в жизни. Отсюда происходят всякие перегибы, всякие ошибки и т. д. Мы могли бы собрать много материалов, свидетельствующих о том, как иногда на местах искривляется политика советского государства. Верно это или нет? Верно. Если бы мы собрали все такие случаи по всему лицу советской земли, то мы могли бы нарисовать очень неприглядную картину. Но никто из нас не говорит, что эти частичные ошибки наши заслоняют то строительство, которое мы проводим. Я утверждаю, что цифры, которые Фейзула Ходжаев опубликовал, ярко свидетельствуют о том, что сейчас процесс переворота в сознании масс Средней Азии и Узбекистана происходит усиленным темпом.

Феодальные отношения там упразднены. То основное, на чем зиждется жизнь народа, является там предметом забот не только узбекского, но и союзного правительства. Пусть враги говорят, что союзному правительству Узбекистан нужен как хлопковая база. На самом деле восстановление и развитие хлопководства на основе ирригационных работ[3], на основе использования воды, является основой культурного подъема народных масс Узбекистана.

---

[1] Несколькими строками ниже Элиава скажет, что «пролетариат в Узбекстане еще не мобилизован».

[2] Два «бы» в одном предложении — стиль речи Элиавы.

[3] «Об ирригационных работах» этих см. в «Приложении» — Господа Ташкентцы».

Само собою разумеется, ирригационные работы и работы по развитию хлопководства вызывают необходимость развития и постройки целого ряда таких предприятий, которые, в конце концов, поднимут матеральный и культурный уровень Узбекистана.

Не надо забывать, что Узбекская республика работает при отсутствии пролетариата. Пролетариат в Узбекистане это очень неясная категория, ибо в Туркестане никогда не было никакой промышленности, царь этой промышленности там не оставил. Квалифицированных рабочих из узбеков в Узбекистане нет, квалифицированный пролетариат из узбеков там еще не мобилизован, и преобладающим населением является крестьянство, работающее на земле. Если там имеются рабочие, то это пришлый элемент — русские и украинцы. При таком соотношении сил, какое мы имеем налицо в Узбекистане, где подавляющее большинство населения — крестьянство, а пролетариат не узбекского происхождения, при различии в культурных навыках, какое мы имеем там и при которых приходилось советской власти работать, при отсутствии культурной интеллигенции, при всех этих условиях в Узбекистане мы все же преодолели чрезвычайные трудности и, можно сказать, совершили чудеса. Ни в России, ни на Украине, ни на Кавказе (в особенности в Грузии и Армении), ни в Белоруссии не было таких трудностей, как в Средней Азии. Это забывают наши враги. Они не только забывают, но совершенно сознательно игнорируют эти трудности, чтобы, пользуясь ими, написать легкую брошюру с ругательствами по нашему адресу.

Я считаю, что на такие выступления, на такие заявления, которые делают наши враги за границей, вроде Реноделя в предисловии к книге Чокаева, можно и нужно дать очень категорический и ясный цифровой ответ. Товарищи, язык цифр — это лучший язык для поражения противника, особенно такого противника, который боится прикоснуться к цифрам, который витает в области отвлеченных понятий, в области отвлеченных идей: демократии, свободы личности и т. п. Я считаю, что было бы небезынтересно, было бы даже необходимо, на мой взгляд, чтобы Узбекское правительство подготовило материалы, дающие возможность сравнить теперешнее хозяйственное и культурное положение Узбекистана с тем, какое было до Октябрьской революции. Это тем более необходимо, что много тюркских и иных племен стонет под колониальным игом империалистических государств. Особенно полезно

будет это и сирийцам, и марокканцам, над которыми измывается французский капитал, поддержанный французскими социалистами во главе с Реноделем; все эти народы должны знать действительное положение вещей в Узбекистане. Один из членов французской делегации Али-Мира — сириец, который участвовал в поездке в Узбекистан, говорил, что он видит настоящее, правильное разрешение национального вопроса в Узбекистане. Чокаев это отрицает и на основании искусственно подобранного, совершенно устаревшего материала говорит, что Узбекистан теперь находится в таком же колониальном положении, как и раньше. Я считаю, что надо разоблачить такого рода заявление. Надо товарищам, которые борются за освобождение колониальных народов, в частности, в странах господства французской буржуазии, которую добросовестно обслуживает господин Ренодель, эти заявления разоблачать, чтобы колониальные народы знали о действительном положении вещей в бывших колониях царской России. Это совершенно необходимо, чтобы навсегда положить предел той брехне и той лжи, которую с таким упорством изливают наши враги, сидящие за границей.

Из материалов.

В ТУРКЕСТАНЕ

(«Правда» № 133, 20 июня 1920 г. Москва).

Несмотря на то, что Туркестан является составной частью РСФСР, несмотря на то, что контрреволюционная «пробка» между ним и центральной Россией уже довольно давно уничтожена, он по-прежнему остается неведомой страной для рабоче-крестьянской России. Между тем значение его для революции на Востоке должно быть ясно каждому сознательному пролетарию. Здесь мы встречаемся с компактной массой коренных народов Востока: с киргизами, туркменами, узбеками. Опыт строительства советской власти здесь, естественно, должен служить революционным образцом для всего Востока.

Что было здесь до сих пор, до открытия «пробки»? Весьма и весьма своеобразное положение.

С первых дней революции советская власть утвердилась в Туркестане как власть тонкого слоя русских рабочих по линии железной дороги.

Еще до сих пор здесь широко распространен тот взгляд, что единственным носителем пролетарской диктатуры в Туркестане может быть только русский. Эта «колонизаторская» точка зрения имела свои тяжелые практические последствия. Нигде нет такого количества «примазавшихся» на ответственных постах, как в Туркестане. Нигде они не действуют с таким цинизмом, доходящим до границ, как здесь.

В Перовске[1] сидел самодержец Гержот. От него «откочевал» целый народ — киргизы. При этом «откочевании» вымерло около одного миллиона человек.

В Семиречье председатели комитетов РКП пользуются рабски-наемным трудом пролетариев — киргизов, «Коммунистическая партия» и «советская власть» выселяют, по указке кулаков, киргизов с занимаемых теми земель, а

[1] Нынешняя Кзыл-Орда. М. Ч.

«истинно-русское» кулачье подкрепляет эти мероприятия убийствами среди бела дня и из-за угла.

На словах здесь принимались «социалистические декреты» (это право было присвоено каждому исполкому), на деле значительнейшая часть всех этих «национализаций», «реквизиций» и «конфискаций» сводилась на «местах» к простому грабежу.

Здесь «боролись со специалистами», и для всех было одно время единая ставка 800 рублей. Зато если копнете какой-нибудь профессиональный союз в Самарканде или в другом месте — найдете генералов, акцизных и т. д.

Пролетариев меньшинство.

Все это кажется анекдотом. Все это невероятно. Но, увы, о Туркестане, о «деятелях» и «сеятелях» ныне отходящей в прошлое эпохи нужно писать не статьи, а уголовные документы. Их много уже в производстве различных ревтрибуналов.

Русские рабочие Туркестана, главным образом, железнодорожники, честно выполнили свой революционный долг перед социалистическим отечеством. Поскольку сразу не была взята правильная коммунистическая линия по отношению к коренной массе населения, они оказались не в состоянии наладить здесь настоящей государственно-классовой массовой организации трудящихся. Они сражались на ашхабадском и ферганском фронтах, бились под Аральским морем, боролись с кокандскими «автономистами», а в это время в тылу хозяйничали в глухих уездах, а иногда и в самом центре, примазавшиеся.

Само собою разумеется, что о централизованном аппарате власти здесь на партийных и советских съездах говорили с улыбкой авгура. В Чарджуе был установлен налог на каждый... паровоз, проходящий через Аму-Дарьинский мост. В Кизил-кийских копях печатались «свои» деньги. И т. д., и т. д.

Национальное неравноправие в Туркестане, неравенство между европейцами и мусульманами сказывается во всем и на каждом шагу.

В новом городе электричество, больницы, хорошо обставленные учреждения. В старом городе «мерзость запустения»: ни одной амбулатории (Катта-Курган); евангельские светильники кустарного производства; жалкие конуры.

Продовольствие выдается по карточкам профсоюзов.

В профсоюзах жалкая горсточка мусульман. Остальная масса коренного населения никаких благ не получает. И т. д., и т. д.

Преодолеть недоверие трудящихся угнетенных национальностей при таких условиях страшно трудно. Их прежде всего нужно раскрепостить от террора примазавшихся «охранников» (продкомиссар в Катта-Кургане), дьячков, попов, чиновников и т. д.

Только с приездом комиссии ВЦИКа и ЦК РКП по делам Туркестана мусульманская беднота начала заявлять о себе. Правда, еще до открытия «пробки» на VIII советском и IV партийном съездах обнаружилось веяние нового. Но только соединение с центром дало живую опору новым элементам. До этого травили, садили, притесняли и всячески угнетали.

В «центр», в крепость, в силу и правду центральной советской власти и коммунистической партии мусульманская беднота верит очень твердо, и именно благодаря тому, что «центр» ставит вопрос о борьбе с национальным гнетом, о национальном самоопределении с полной ясностью и революционной последовательностью.

В Туркестане щедринские «г. г. ташкентцы» оправдывали свою «линию» в национальном вопросе ссылкой на то, что... они «левые коммунисты». Именно они так толковали «самоопределение трудящихся»: русские — пролетарии, все прочие не созрели в классовом отношении.

Все здесь отдает скверным анекдотом, издевательствами над принципами коммунизма. Но что поделать? — Здесь были такие коммунисты, и они еще не все ушли из Туркестана.

Туземные карьеристские элементы, связанные с богачами — баями, так же, как и русские «примазавшиеся» колонизаторы, являются средостением между советской властью и мусульманской беднотой, трудовым дехканством. По отношению к бедноте они практикуют те же методы воздействия, что и русские колонизаторы. Они также выступают под знаменем откровенно-буржуазного национализма.

Мусульманская беднота рвется к советской власти, к коммунизму. Ей нужно помочь.

В Туркестане мало сил. Нет работников при общей страде в советской России. Но нужно их найти. Нужно их найти во что бы то ни стало.

Питерские и московские пролетарии нужны в Турке-

стане для строительства советского рабочего государства, которое здесь еще только начинается.

Г. Сафаров.

г. Самарканд. Поезд «Красный Восток». 15 апр. 1920 г.

КАУНЧИНСКОЕ ДЕЛО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТАШКЕНТСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА КП(б)УЗ ПО ВОПРОСУ ИЗБИЕНИЯ РАБОЧИХ В СЕМХОЗЕ НА СТ. КАУНЧИ[1]

Констатировать:

1. Что в семхозе и станции удобрений имели место неоднократные случаи избиения рабочих лицами администрации.

2. Что райкомом партии своевременно не были предприняты меры к выявлению этих случаев, что способствовало созданию среди рабочих семхоза убеждений в безнаказанности администрации.

3. Что общая слабость работы партячейки и недостаточное руководство со стороны окружных органов работой профсоюзных организаций на месте, а также ненормальное отношение между рабочими и администрацией на почве слабого руководства со стороны окружных органов по союзной линии работой среди специалистов создавали возможность избиения рабочих ввести как метод управления предприятиями.

4. Отметить, что фракция окротдела рабземлеса, а также союзная комиссия, выезжавшая на место для расследования случаев избиения, не поняли значения этих фактов, вследствие чего решения как комиссии, так и фракции рабземлеса от 31 мая с. г. «замазывают» значение совершенного администрацией преступления.

Решение фракции всеработземлеса о снятии с работы лиц, выступавших против избиения рабочих, как и постановление об отмене решения общего собрания рабочих об исключении администраторов, избивавших рабочих, из со-

---

[1] Каунчи — местное название станции Кауфманская, Средне-Аз. ж.д. (первая от Ташкента в сторону Самарканда).

юза является грубым нарушением общей линии партии и союзной политики.

5. Считать необходимым за систематическое избиение рабочих немедленно снять с работы — Ульянова (зав. семхозом), Виноградова (помощник управляющего семхозом) и Яковенко (зав. станцией удобрений).

6. Постановление фракции всеработземлеса, отменяющее решение общего собрания рабочих об исключении из состава членов союза Виноградова и Яковенко, отменить.

Предложить фракции провести в жизнь решение об исключении таковых из союза.

7. Виновных в избиении рабочих предать суду, обязав слушание этого дела перенести в Каунчи. Слушание дела назначить не позже, чем через месяц.

8. Райкому партии в срочном порядке информировать ячейку о решениях окружкома и обеспечить правильное усвоение ячейкой этих решений.

9. Поручить фракции ОСПС дать указания по союзной линии о немедленном роспуске рабочкома и его переизбрании, а также проверить работу секции специалистов на месте.

10. Поручить парткомиссии в срочном порядке опубликовать в печати собранный материал по этому делу.

11. Ввиду заявления тов. Куценко в комиссии, обследовавшей семхоз, о необходимости дополнительной проверки состояния хозяйства семхоза, просить ОКК о проведении обследования этой работы.

Отв. секретарь Ташокружкома КП(б)Уз Жуковский.

* * *

Постановление это, напечатанное в ташк. газете «Правда Востока» (№ 134 от 15 июня 1928 г.), сопровождается статьей, в которой, между прочим, сказано:

— Обследование семхоза Каунчи комиссией союза рабземлеса установило «бездушное отношение лиц административного персонала к элементарным бытовым требованиям рабочих, игнорирование законных правовых требований рабочих, установленных законодательством (жилища, санитария, снабжения койками, расчетные книжки).

Эти явления имели место в течение очень долгого времени, и наряду с этим, в течение последнего года, начинают применяться как метод управления, рукоприкладства. Бьют рабочих при всяком столкновении по

вопросам выполнения того или иного хозяйственного поручения. Нагайка является как бы непременным спутником всякого рода распоряжений административной верхушки.

Грубое «палочное» отношение административной верхушки к рабочим при отсутствии должного отпора и своевременно принятых мер со стороны профсоюзных организаций и партийных по сути дела приводило и привело к тому, что кое-кто из рабочих не решались даже публично пожаловаться, открыто поставить вопрос о фактах избиения.

* * *

НБ. Считаю нужным отметить здесь, что рабочий персонал в Каунчинском семхозе целиком, если не считать отдельных «спецов», состоял из коренных туркестанцев. Администрация же состояла сплошь из русских (партийных). Дело об избиении на Каунчи было «замазано», и единственным пострадавшим лицом оказался единственный техник весьма высокой квалификации, коренной туркестанец с высшим европейским образованием, сын настоящего пролетария. Он сослан в Соловки. Тот факт, что избиение рабочих-туркестанцев администрацией Каунчинского семхоза получило огласку после назначения его в Каунчи, послужил поводом к обвинению его в том, что он «доставил в Туркестан инструкцию» от автора этой брошюры.

М. Ч.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО БЮРО ЦК ВКП (б) ПО ДОКЛАДУ О НАСТРОЕНИИ РАБОЧИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Отметить, что основными факторами, определяющими настроение рабочих в данное время, являются: неудовлетворенность материально-бытовых нужд (зарплата, снабжение, жилище) отдельных групп рабочих; неправильные действия администрации; случаи недовольства действиями организаций (страхкасс, профорганизаций); поведение отдельных коммунистов, а также волокита в прохождении различных дел в судебных и др. органах. Неустойчивость в настроении рабочих ныне сменяется более удовлетворительным настроением, хотя в обслуживании

рабочих масс со стороны всех наших организаций заметного перелома еще не наблюдается.

2. Имевшая место за последний период забастовка на строительстве Уч-Аджинской ветки, на строительстве кизыларватского клуба, конфликт на строительстве текстильной фабрики в Ашхабаде, на строительстве Джар — Курган — Душанбе; недовольства на Дальверзине; в железнодорожных мастерских в Ташкенте; на шелкомотальной фабрике в Самарканде; в мастерских ГХК (Главный Хлопковый Комитет. — **М. Ч.**); на ряде хлопкоочистительных заводов Средней Азии и Таштраме показывают, что партийные, профессиональные и хозяйственные организации не принимают своевременно мер к предупреждению и устранению причин, ухудшающих настроение рабочих, и не уделяют внимания учету их настроений.

3. Ввиду того, что ЦП союза строителей Туркменистана не было принято мер к защите интересов рабочих на строительстве Уч-Аджинской ветки и что с его стороны не было попытки воздействовать на улучшение условий труда через центральные республиканские органы, признать правильным решение Средазбюро ВЦСПС о необходимости роспуска ЦП союза строителей Туркменистана. Поручить ЦК КП(б)Т выяснить персональную ответственность коммунистов, руководителей правления ЦП союза строителей, с тем, чтобы виновных лишить права ответственной работы в профсоюзе на определенный срок. Решение по вопросу об Уч-Аджинском строительстве опубликовать в печати.

4. Объявить строгий выговор с опубликованием в печати фракции правления Ср.-Аз. ж. д. за невнимательное отношение к нуждам рабочих на строительстве Уч-Аджинской ветки и предложить уполЦКК ВКП(б) рассмотреть вопрос о виновности отдельных лиц и привлечении их к судебной ответственности.

5. Пожар на Ассакинском хлопкоочистительном заводе показывает недобросовестное и небрежное, а порою и преступное отношение ряда хозяйственников-коммунистов к своим обязанностям. УполЦКК ВКП(б) дать заключение по решению местных организаций по этому вопросу. Считать необходимым решение по этому вопросу опубликовать в печати.

6. Ввиду того, что ряд фактов показывает на небрежное отношение со стороны профессиональных и партийных организаций к массовой работе и проведению рабочей демократии, обязать ЦК нацкомпартий, Киробком

ВКП(б) и фракцию Средазбюро ВЦСПС иметь наблюдение за усилением качества массовой работы в предприятиях Средней Азии. В частности, ЦК КП(б)Т проверить состояние массовой работы среди рабочих Мервского округа, особенно в части проверки хода выборов на всесоюзный съезд ж. д. в Мервском узле. Результат сообщить Средазбюро ЦК ВКП(б).

7. Ввиду того, что невнимательное отношение к выдвиженцам и так называемое «задвижение» особенно ухудшают настроение рабочих масс, обязать все партийные, профессиональные и хозяйственные организации решительно проводить решение последнего пленума Средазбюро ЦК по этому вопросу и особое внимание уделить выдвиженцам по определенной номенклатуре и строго следить за работой среди них, способствовать их росту и продвижению.

8. Отметить, что работа среди рабочих местных национальностей на предприятиях Средней Азии со стороны партийных, профессиональных организаций неудовлетворительна.

Политика партии по национальному вопросу недостаточно усвоена, что ухудшает настроение рабочих.

Обратить внимание фракции Средазбюро ВЦСПС, ЦК нацкомпартий и Киробкома ВКП (б) на необходимость особенно следить за правильным проведением решений партии по нацвопросу и вести энергичную работу по интернациональному воспитанию и созданию подготовленных кадров из местных национальностей.

9. Отметить, что перебои в снабжении, имевшие место в последний период, особенно очереди за хлебом, не являются следствием недостатка продуктов, а в основном объясняются плохой организацией дела снабжения. Профессиональным и партийным организациям усилить внимание к снабжению рабочих. Административным органам и НКТоргам усилить карательные мероприятия к нарушителям постановления о регулировании снабжения.

10. Отдельные проявления крестьянских настроений среди рабочих масс в Средней Азии показывают на неудовлетворительность постановки агитации. Предложить АПО Средазбюро ЦК ВКП(б) дать указания местным парторганизациям по усилению качества и улучшению методов агитации в рабочих массах, особенно по разъяснению вопросов, связанных с работой партии в деревне.

11. Обратить внимание профорганизаций на необходимость большей связи с предприятиями и частого посеще-

ния их профработниками центральных профорганизаций, в целях большего учета настроения рабочих и разъяснений очередных мероприятий партии.

12. Предложить ЦК нацкомпартий и Киробкому ВКП(б) систематически заслушивать доклады профессиональных и др. организаций о состоянии настроения рабочих.

За секретаря Средазбюро ЦК ВКП(б)

Гикало.

(«Правда Востока», № 123; 3 июня 1928 г.).

* * *

О ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ КАЗАХ-КИРГИЗОВ НА ТУРКСИБЕ

СЕРГИОПОЛЬСКИЙ ПОГРОМ

Казахская газета «Советская Степь», посвятив передовую статью в номере от 27 января 1929 г. вопросу о «заранее открыто организованном **погроме** (подлинное выражение «Сов. Степи». М. Ч.) казах-киргизов», приводит следующее сообщение своего семипалатинского корреспондента:

— В конце декабря (1928 г.) в Сергиополе стали ходить слухи, что в городе готовится избиение казах-киргизов. Утром 31 декабря на базар приехала группа пьяных рабочих укладочного городка Турксиба. Среди них слышались нетерпеливые возгласы:

— Хоть бы скорее началось!

Погромщики били всех, кто попадет на глаза, лишь бы он был казах-киргиз. Разбивали ларьки торгующих казахов-киргизов, разбрасывали муку...

Вот выдержка из постановления Семипалатинского окружного комитета партии (см. «Советская Степь» от 30 янв. 1929 г.):

— Отдельные коммунисты и комсомольцы не только не принимали мер борьбы с погромщиками, а, наоборот, потворствовали им. После погрома отдельные партийцы пытались созвать собрание рабочих для вынесения резолюции в пользу погромщиков...».

По дальнейшему свидетельству той же «Советской Степи» (номер от 6 февраля 1929 г.), судебное следствие установило, что «события начались с разгрома ларьков на базаре и перешли в массовое побоище казах-киргизов.

Громилы обезоружили милиционеров, ворвались в здание милиции, избили охрану и освободили содержавшихся под стражей преступников...».

Главарями погромщиков были коммунисты Илья Галков, Василий Соловьев и Николай Рыбин.

ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ[1]

(Процесс среднеазиатских водников)

(«Последние Новости», 25 и 26 сент. 1928 г.).

I

Процесс ср.-аз. водников, слушавшийся весною этого года в Ташкенте, явление исключительное. Он «выявил» такие стороны сов. строительства в Средней Азии, что сами большевики пришли в большое смущение, и до сих пор еще ведутся споры, насколько разумно и политически целесообразно было ставить дело водников на публичный судебный разбор. Моральный ущерб для сов. власти от этого процесса огромный.

«Правда Востока» убеждает своих читателей «не проводить полной аналогии» между «Шахтинским делом и процессом работников водхоза». Да, разумеется, не надо, ибо в природе вообще нет полной аналогии. Главное отличие ташкентского процесса от шахтинского в том, что в водном хозяйстве Туркестана никогда не были замешаны ни иностранцы, ни частники. Но... тем хуже для большевиков, ибо и без всякого участия частников и их «пособников, иностранных капиталистов», государственный обвинитель Кондурушкин в деле водников устанавливает все законные признаки «бандитизма», «вредительства», «саботажа». Больше того, говоря о деятельности руководителей Водной Секции Госплана СССР г. г. Новацци, Кенига, Цейдлера и Ризенкампфа, деятельности, развивавшейся в полном плановом и техническом сотрудничестве с на-

---

[1] Статья приводится в том виде, как она была напечатана в «Последних Новостях». Из многочисленных пропусков, сделанных редакцией «П. Н.» (против чего автор, разумеется, иметь ничего не может), я счел нужным привести здесь, в виде примечания в соответствующем месте, несколько строк касательно положения рабочих-туркмен на строительстве Керкинского канала.

В самом конце помещена та часть статьи — «Господа Ташкентцы», которая не была передана в редакцию «П. Н.».

Материалами для настоящей статьи послужил обширный судебный отчет по «Процессу Ср.-Аз. Водников», печатавшийся в ташк. газ. «Правда Востока» (февраль-март 1928 г.).

чальниками Среднеазиатского, Узбекского и Туркменского Водных Управлений, «отборными коммунистами» Рыкуновым, Прохоровым и Мором, Кондурушкин произносит страшные слова:

— «В совокупности мы имели организованное сопротивление, комплот из техников».

О Рыкунове, Прохорове и Море «Правда Востока» говорит следующее:

— «Партия отбирала на руководящую работу в органы водхозов не случайных людей, а людей, испытанных в революционной борьбе, прошедших определенную школу классовой выучки. Рыкунов, Прохоров и Мор были неплохими работниками...».

И вот у этих «отборных» работников, по свидетельству той же «Правды Востока», «вместо плановой работы, занимались рвачеством, не налаживали дело водного хозяйства, а подчас только расстраивали».

Государственный обвинитель выделяет из числа «отборных» работников н-ка Узбекского Водхоза Прохорова, ибо он «чище других». И этого наиболее чистого из отборных прокурор сравнивает с... игуменьей Митрофанией. Но только у Прохорова «иконой» служит пресловутая советская земреформа. Государственный обвинитель вскрыл то, что до сих пор скрывало Ср.— Аз. Бюро ЦК ВКП об этой земреформе, а именно — невероятные злоупотребления.

«Земреформой, говорит обвинитель, нельзя прикрывать конкретные злоупотребления и безобразия... Ею нельзя прикрывать обсчеты и обмер рабочих, по преимуществу неграмотных дехкан (туземные крестьяне), прикладывавших к ведомости пальцы. Нельзя ею прикрывать фиктивные счета, подлоги и просто воровство...».

Ниже, со слов свидетеля инженера Крутикова, мы узнаем, что на эту земреформу, служащую «иконой» не только для одного Прохорова, но и для всей советской власти в Туркестане, было истрачено два миллиона рублей (при «недоделке на миллион»).

«Обсчеты, обмер неграмотных декхан, фиктивные счета, подлоги и просто воровство» — вот что представляет собою «земреформная икона» Ср.-Аз. Бюро ЦК ВКП в Туркестане!

Я понимаю теперь, почему до сих пор не опубликован подробный отчет об этой реформе. Дело, вероятно, задерживается из-за трудности замены «приложенных к ведомости пальцев» настоящими именными подписями...

Когда 3 марта 1927 года после тщательного изучения материалов по делу водников коллегия НК РКИ Советского Союза вынесла резолюцию о «вопиющих безобразиях в Водном Хозяйстве Средней Азии», г. г. красные ташкентцы возмутились несказанно. Рыкунов назвал резолюцию союзной РКИ «гнусной клеветой, демагогией и гнусной комедией». А его коллега по Туркменскому Водхозу Шаров на предложение РКИ сократить штаты на 50 % ответил настоящим саботажем:

— Ввиду сокращения штата на 50 %, Туркменводхоз сокращает обеспечение водою земельных площадей под хлопок также на 50 %.

После одиннадцатимесячной кропотливой работы дело водников было поставлено на судебное разбирательство. Следственный материал составил около 50 томов, а одно только обвинительное заключение — 162 страницы мелкой убористой печати. Дело разбиралось в Ташкенте выездной сессией Верховного Суда Советского Союза и продолжалось ровно пять недель. На скамью подсудимых посадили, кроме названных выше начальников Ср.-Аз., Узбекского и Туркменского Водхозов — Рыкунова, Прохорова и Мора, также их заместителей — Рыскина, Шугавского и Шарова и еще 17 человек (всего 23 чел.), занимавших ответственные посты по Водному Хозяйству Средней Азии.

В этом деле все смахивает на скверный анекдот, выдуманный лютейшими врагами советской власти. Здесь все сводилось к «рвачеству». Выдумывали невероятные командировки, вроде посылки спеца в Москву за покупкой... хомутов. Кучера, отвозившие своих обязательных седоков далее, чем на 20 верст от места постоянной службы, числились в командировке и получали суточные и прогонные. Из Ашхабада давали какие-нибудь поручения постоянно проживающим в Ташкенте и их «полагали в служебной командировке». Но рекорд побил один из подсудимых — начальник работ по р. Чу — Мандрыгин, который, уезжая в Ташкент, чтобы сесть на скамью подсудимых, отдал распоряжение такого содержания:

— Полагать меня в служебной командировке!

Проекты, составлявшиеся в ведомствах «отборных коммунистов» Рыкунова, Прохорова и Мора, порою кажутся бредом сумасшедшего.

Здесь я приведу некоторые из этих проектов.

Вот председатель Узб. совнаркома Файзулла-Ходжа, человек абсолютно невежественный во всех вопросах, кроме разве вопросов «мировой социальной революции», ре-

шает войти в историю «развития производительных сил»[1] страны и поручает Прохорову «проработать проект орошения засолоненной Каршинской степи» (в пределах б. Бухарского ханства). Инженер Прохоров, зная, что это вещь невыполнимая, все же берется «проработать» проект, который, оказывается, для своего осуществления потребовал бы 200 миллионов рублей.

За засолоненной степью следует просто бредовый проект... опреснения Гасан-Кулийского залива Каспийского моря. Цель этого проекта — **«чтобы туда могла прийти рыба метать икру»!** Стоимость «опреснения залива» предполагалась в полтора миллиарда рублей.

Затем идет проект... **опускания уровня Аральского моря, чтобы на осушенном морском дне начать ирригационные работы...**

Покончив с морями, советские инженеры решили оросить знаменитые Кара-Кумские пески. **«Транс-Кара-Кумский канал» предполагался длиною в 1500 верст при стоимости в 3 миллиарда 600 миллионов руб.** Ежегодное содержание канала, после его проведения, имело в виду расход в 200 миллионов рублей. Уже было приступлено к изыскательным работам, которые успели проглотить 1.200.000 рублей.

Автор этого фантастического проекта инж. Шаров, давая объяснения суду о выполнимости его, говорит текстуально следующее:

— Я имею внутреннюю уверенность в целесообразности этого канала. Доказательств, конечно, у меня нет, и в техническом совете необходимость в канале доказать не могу. Но я уверен...

Да, сов. инженер Шаров до такой степени был «внутренне уверен», что, по выражению государственного обвинителя, «уже видел корабли из Англии и Франции, плавающие в Кара-Кумах»[2].

В этой уверенности своего главы в Ашхабаде «приступили к приданию управлению Туркменводхоза международного вида». Купили дорогую мебель. Приступили к оборудованию внутри здания управления воздушной пневматической почты для автоматической передачи бумаг по

---

[1] Фома Фомич Опискин у Достоевского («Село Степанчиково») тоже ведь занимался вопросами о «производительных силах» России.

[2] Путь из Англии и Франции в Кара-Кумские пески имелся в виду следующий: Азовское море — Дон-Маныческий канал (тоже будущий!) — Волга — Каспийское море — система каналов в Туркменстане — Кара-Кумы.

отделам и столам. Больше того: служащие Туркменводхоза стали... изучать английский язык!

Увы, все это не анекдот, а взято мною из обширных судебных материалов по делу водников.

До сих пор речь шла о неосуществленных проектах советского строительства. И мы видели, что одна только Кара-Кумская экспедиция, основанная на «внутренней уверенности» инж. Шарова, обошлась сов. казне кругленькую сумму в 1 млн. 200 тысяч рублей.

От этих миллионов будет просто рябить в глазах, когда мы, в следующей статье, от «внутренней уверенности» сов. строителей подойдем к осуществленным ими на деле ирригационным сооружениям в Туркестане.

II

Раньше, чем приступить к описанию проведенных большевиками ирригационных сооружений в Туркестане, скажу несколько слов об их проектах, прохождении через инстанции, а также о штатах.

Весною 1925 года составляется 5-летний план ирригационных работ. Плановая комиссия определила стоимость всех работ в 725 млн. руб. Даже самому Ср.-Аз. Водхозу это показалось «слишком», и сумма была уменьшена на половину и доведена до 328 млн. руб Составление этого замечательного плана стоило 186 тыс. руб., распределенных между теми самыми лицами, которые, по своей службе, должны были только и заниматься составлением планов.

В том же году составили годичный план работы по Узбекистану на 25-26 год. Смета работы исходила из 23 млн. руб. Это показалось очень мало, и ее увеличили до 40 млн. руб., чтобы остановиться на 47 млн. руб.

Для поддержания проектов перед Водной Секцией Госплана СССР в Москву пачками выезжают г. г. туркестанские водники, с самим начальником Ср.-Аз. Водхоза Рыкуновым во главе. В Москве, в Европейской гостинице, в честь товарищей из Водсекции устраиваются попойки, от которых «дрожали стены». Затем, «для уточнения планов на месте», из Москвы выезжают в Туркестан 15-членная комиссия СТО. «Уточнение» продолжается около 3 месяцев и сопровождается попойками, «еще более обильными, чем в Москве».

Какие отсюда получились результаты, об этом свидетельствует лучше всего история с проектом т. н. Меручан-

ского водохранилища в Туркменистане. Проект предусматривал смету в сумме 25 млн. руб. За составление его заплатили 19.555 руб. Конечно, повезли в Москву. При рассмотрении его в особом совещании Госплана казенным экспертам было выдано: Ризенкампфу — 500 руб., Павловскому — 450 руб., Москвитинову — 300 руб., и Баумгартену — 250 руб. После этого «проект был единогласно признан правильным». Потом, много позже, выяснилось, что будь сооружено это Меручанское водохранилище, «оно не наполнилось бы водою и в 30 лет».

Колоссальную сумму проглатывали штаты. Так, например, содержание аппарата Узбекводхоза, без центральных контор изыскательных партий, в 1926 году обошлось в полтора миллиона рублей. В Туркменистане же, где туркмены острят, что у них «на каждое ведро воды по специалисту, а на каждый колодец по технику», с сентября 1924 года по октябрь 1927 г. штаты съели 3. 300.000 руб.

Выступавший на суде свидетель из финансового контроля Мадунцев показал, что штаты Ср.-Аз. Водхоза за время, исследуемое судом (около 3 лет), проглотили 12 млн. руб.

Другой свидетель, инж. Благов, в следующих выражениях говорит об обращении г. г. «чистых» Прохоровых с народными деньгами:

— Когда я приехал в Чарждуй, там сидел вор на воре. По всему Туркменистану и Узбекистану — то же самое. Особенно сильно воровали на изысканиях. Я заявляю, что 25 % всех отпущенных на изыскания денег разворовано. Воровали, списывали на некупленное, но «страченное» имущество. Воровали под нападение несуществующих басмачей...

Из полученных от государства 70 млн. руб. Ср.-Аз. Водхоз «бесхозяйственно израсходовал в течение трех лет, по данным финансового контроля, одиннадцать с половиной млн. руб., не считая перерасходов по штатам (12 млн. руб., см. выше).

Нижеследующий диалог между государственным обвинителем и свидетелем инж. Крутиковым рисует изумительную картину ловкости рук советских строителей.

Гос. обвинитель. — с 23-24 по 26-27 г. г. Узбекводхоз получил из госбюджета 20 млн. руб. Какие капитальные работы из внесенных в 5-летку закончены в 28 году?

Крутиков. — Кроме работ по земреформе, назвать ничего не могу.

Гос. Обв. — Но ведь на земреформу истрачено только 2 млн. руб.

Крутиков. — Да.

— Гос. обв. — А на остальные 18 млн. руб.?

Крутиков. — Я уже ответил, что сказать ничего не могу...

Тот же Узбекводхоз, начальником которого состоял «чистый» Прохоров (коммунист), получил на строительные работы по Ак-Дарье — 223 тыс. руб., Шир-Абаду — 408 тыс. руб., Уч-Кургану — 826 тыс. руб. и по Тюя-Тарткану — 872 тыс. руб.

На вопрос суда: что построено там на эти деньги? — свидетель Воронович отвечает:

— Т. е., как построено, когда там не только ничего не строилось, но и к работам никто не собирался приступать!..

Так они распоряжались деньгами. А вот как работали.

Начну с Туркменистана.

1. Керкинский канал. Строился он (названный именем тов. Мора) без утверждения кем бы то ни было плана. Стоил государству 2 млн. руб. Открыли при самой торжественной обстановке. Телеграмма в Москву, в Ташкент... Действовал канал Мора ровно 21 день, а на 22-й день водою смыло головные сооружения. И канал пришлось закрыть[1].

2. Тедженская плотина должна была служить регулятором паводковых вод. Обошлась она в 861.835 руб. При открытии поздравляли Москву с «завершением громадной важности государственной работы на важнейшей командной высоте водного хозяйства Союза».

— И вот третий год стоит плотина на сухом месте. Кругом — вместо воды сухой песок... Ни одной десятины прироста орошенной земли эта «командная высота водного хозяйства Союза» не дала...

3. Казганчайская система начала строиться до утверждения проекта. Только после того, как «300 тыс. рублей ушли между пальцами», пришло сообщение: «проект не утвержден!..».

[1] А как жилось рабочим туркменам на строительстве этого канала? У них не было ни жилья, ни дров, ни керосина. Получали по 30 коп. в день, да и то обсчитывали. Бывали случаи, что их и избивали. Об этом было известно сов. правительству, которое ограничивалось посылкой комиссий; в течение одного только 1926 года там побывала 31 комиссия. Никаких сообщений или докладов от этих комиссий правительство не получало да и не требовало. Ясно почему. Потому что дело шло ведь о рабочих туркменах.

4. Мургабское водохранилище. Это еще не постройка, а только проект. Истратили на его составление 450 тыс. руб. И... никакого проекта не представили...

Надо ли после этого удивляться, если итог ирригационной деятельности Туркменводхоза выразился в следующих красноречивых цифрах:

Получено (т. е. истрачено) 8 млн. рублей!

Орошено 20 (двадцать) гектаров земли!

* * *

Узбекистан, разумеется, не отстает от Туркменистана. Вот пример:

1. Чирчик-Ангренская система. Первоначальная смета исходила из 8 млн. руб., потом потребовали 97 млн. руб. и остановились на 136 млн. руб. Обещали оросить 122 тыс. га земли. Приступили к изыскательным работам. Истратили 1.118 тыс. руб. и в результате... 0 (нуль!) дес. орошенной земли!

2. Южно-Хорезмская система имела в виду смету в 6 млн. руб. только. К работам приступили в 1924 году. Израсходовали 2.519.900 руб., когда заметили, что головные сооружения не на том месте и что их необходимо перенести на 20 верст в сторону. Работу приостановили и взялись за новый проект, который не был еще готов в сентябре 1927 года, когда г. г. строители попали под следствие. Но ориентировочно новый проект предполагал смету в 61 млн. руб. Трагедия Южного Хорезма на этом не кончается. В дни суда над строителями ожидалось прибытие из Сормова заказанных там на сумму в 1.200.000 руб. землесосов, для успешной работы которых Ср.-Аз. Водхоз должен был бы завести свою собственную речную флотилию.

— А в Южном Хорезме не вырыто ни одной канавы,— замечает судебный отчет.

Выше говорилось о Шир-Абаде и Уч-Кургане, где на ирригационные работы было отпущено 408 тыс. и 826 тыс. рублей, но ничего сделано не было. На суде выяснилась вся подоплека этого дела. Три года подряд вносился в годичный план работ Узбекводхоза проект орошения Шир-Абада и Уч-Кургана, по исследованиям местных специалистов, являющихся самыми верными и рентабельными объектами во всем Туркестане. Но каждый раз их исключали из статей очередных работ. Оказывается, пресловутый проф. Ризенкампф, любимец Госплана, Рыкунов,

Прохоров и Мор замышляли эти плодоноснейшие районы, вместе с Голодностепским районом, передать на концессию какой-то немецкой фирме. Концессионный проект уж был разработан. Ризенкампф за него получил 146 тыс. руб. Представитель немецких предпринимателей, некий Шольц, телеграфирует Ризенкампфу об их «заинтересованности в вопросах орошения Голодной Степи и готовности завязать переговоры». Ризенкампф сам собирался выехать в Берлин. Он намечался в технические директоры этой компании, которой проект предоставлял «права строительства на территории концессии фабрично-заводских предприятий, организации торговых заведений и даже право создания специального банка концессионеров для кредитования среднеаз. дехкан (земледельцев) с правами бесспорного взыскания ссуд с должников».

— Закабаление дехканства, внедрение на территории концессии типичных империалистических тенденций в колониальных странах! — восклицает по этому поводу ташкентская «Правда Востока».

И этот проект с «империалистическими тенденциями в колониальных странах», имевший в виду закабаление узбекских крестьян, исходил от «отборных», «прошедших определенную школу классовой борьбы» большевиков Рыкунова, Прохорова и Мора, поставленных советской властью во главе Водных Управлений в Туркестане!

* * *

На Шахтинском процессе большевики искали и выискивали «иностранные руки», а здесь, в Туркестане, сами «отборные» большевики совали в руки иностранцев лучшие участки земли. И на каких условиях!

Каковы же, наконец, результаты советского строительства в области ирригации в Туркестане?

На этот вопрос ответим цифрами. На суде обвиняемые указывали на прирост «свыше одного миллиона десятин орошенной земли». Однако свидетельскими показаниями это утверждение сведено было к жалким единицам. Один из свидетелей показал, что, во-первых, «прирост надо считать по сравнению с годами гражданской войны», когда из почти 3 млн. десятин орошенной земли оставалось менее одной четверти, а, во-вторых, «на долю капитального строительства в этом приросте приходится всего-навсего 8,7 %». Вся же остальная площадь прироста падает на эксплуатационные работы, на натурповинность. На суде

председатель Госплана Узбекистана Бурнашев привел следующие данные о росте натурповинности по ирригации по одному только Узбекистану: в 1925-26 году — 4.300.000 руб., в 26-27 г.— 6.300.000 руб. и в 27-28 г.— 400.000 руб., другими словами, с ростом ассигновок на капитальные строительства росла и сумма натурповинности. Эту неувязку г. г. советские экономисты и не замечали...[1].

Приговор суда. Рыкунов и Мор приговорены к лишению свободы на 6 лет без поражения в правах. «Чистый» Прохоров на 3 года. Строже всех наказан инж. Сыромятников, фигура второстепенная, за которым оказался грех «колчаковщины»: он осужден на 6 лет с поражением в правах. Суд вынес постановление о привлечении к ответственности Ризенкампфа и др. из Водной Секции Госплана[2]. Из 23 обвиняемых оправдано трое, в числе которых находится Мандрыгин, тот самый, который, уезжая в Ташкент, чтобы сесть на скамью подсудимых, отдал распоряжение по своему управлению: «полагать его в служебной командировке».

ДОБАВЛЕНИЕ. Приговор суда, как видите, не тяжелый. По всей вероятности, многие из осужденных снова займут важные посты по своей специальности. И это несмотря на то, что в деле были обнаружены все признаки, прямые и косвенные, подлинной «экономической контрреволюции». И прокурор, и судьи, выносившие приговор и, наконец, само Ср.— Аз. Бюро ЦК ВКП на столбцах своей газеты («Правда Востока») все единогласно утверждают, что деятельность руководителей Водного Хозяйства, наряду с огромным материальным вредом советскому государству, отразилась самым пагубным образом на отношении ср.— аз. дехканства (крестьянства) к советской власти. Прибавьте к этому еще принятый при ближайшем участии «отборных и чистых» Рыкунова, Прохорова и Мора проект сдачи лучших участков земли на концессию немцам на таких же приблизительно условиях, на которых существуют европейские концессии в полуколониальном Китае. И все-таки «экономической контрреволюции» в деле не усмотрели. Объясняется это тем, что главнейшие обвиняемые — суть свои люди, партийные. От них нить

---

[1] По данным последнего всесоюзного Хлопкового Совещания, поливная площадь в Ср. Азии в этом (1928) г. достигла $^4/_5$ до военного уровня («Пр. Востока» 31-7-928).

[2] На самом же деле, никто к ответственности привлечен не был.

«экономической контрреволюции» вела прямехонько в самый Госплан СССР.

Не последнюю роль в нежелании открывать «экономической контрреволюции» сыграло, вероятно, еще то обстоятельство, что дело ведь шло о Туркестане, об интересах, главнейшим образом, туркестанского коренного населения...

* * *

Мне вспоминается одно дело об «экономической контрреволюции». Оно возникло во второй половине 1926 года. Заключалась же эта «экономическая контрреволюция» в том, что агент по распространению ташкентской газеты «Кзыл Узбекстан», казанский татарин Яхья Ибрагимов не мог своевременно представить оправдательных документов на израсходованные им 5.269 руб. 69 коп. Верховный суд Узбекистана признал Яхью Ибрагимова виновным в «экономической контрреволюции» и приговорил его к расстрелу. Приговор был приведен тотчас же в исполнение («Кзыл Узбекстан», № 162, за 1926 г.).

Обратите внимание на эту, если можно так выразиться, градацию отношений (большевики сказали бы — «дифференцированное отношение») к интересам туркестаского населения и к интересам ташкентского партийного листка: **лишение свободы за многомиллионные обкрадывания, за обсчитывание и избиение рабочих-туркестанцев и расстрел за непредоставление (пусть это даже растрата!) оправдательных документов на 5.269 руб. 69 коп.**

Какой яркий, режущий глаза и тревожащий совесть контраст!

Не успел закончиться суд в Ташкенте, как грянул Верховный суд Казахстана в Кзыл-Орде тоже по водному делу. Дело идет о так называемой Чар-Дарьинской ирригационной системе (район Кзыл-Кумов). Проект системы был разработан советским инженером Гастунским и представлен на одобрение технического совета все того же пресловутого Ср.-Аз. Водхоза. Этот последний вынес — 10 авг. 1926 г.— такое «классическое» постановение по поводу проекта Гастунского, что над ним ломают головы до сих пор. Свидетель из финансового отдела Мадунцев (имя которого мы встречали на процессе среднеаз. водников) говорит о постановлении технического совета следующее:

— Когда надо было отпускать деньги на строительство,

проект считался утвержденным. Когда же надо было руководить работами, проект считался неутвержденным.

Водное Управление Казахстана вышло из положения самым простым образом: создало строительное управление «Чар-Дарья» и ассигновало один миллион рублей. Деньги эти уже подходили к концу, когда вдруг заметили, что в проекте, по которому шла стройка, не хватает «маленького пустяка» — нет проекта головных сооружений!

Другими словами, питание канала Сыр-Дарьей ничем не было обеспечено.

В результате вот этого «маленького пустяка» пришлось работы приостановить. Больше того, чтобы предохранить начатые уже работы от занесения песком, приходится тратить ежегодно около 200 тыс. рублей.

Суд приговорил Гастунского к одному году лишения свободы и одновременно вынес постановление о привлечении к ответственности руководителей технического совета Среднеаз. Водхоза и всю администрацию Водхоза Казахстана — первых за двусмысленное постановление 10 авг. 1926 г., а последних за приступ к работе без проекта головных сооружений Чар-Дарьинской ирригационной системы.

Как видите, тот же ташкентский процесс в несколько уменьшенном размере.

КОНЕЦ.

"ЯШ ТУРКЕСТАН"

(Молодой Туркестан)
Основатель Мустафа Чокай-Бей в 1929 г.

Выпуская настоящий сборник ко дню 60-летия со дня рождения и к 8-ми летию со дня смерти Главы Кокандской Автономии и основателя "Яш Туркестана" Мустафы Чокай, я хочу поделиться с его соотечественниками тем, при каких обстоятельствах ушел от нас этот замечательный человек и политический деятель.

В этом же сборнике впервые будет напечатана его статья о Туркестане, помеченная 1941 годом и найденная мною в его архиве.

Мария ЧОКАЙ.

ПАРИЖ, 1949 — 1950.

НАШ ВОЖДЬ

День 27-го декабря 1941 года 18 часов 30 минут, когда при никому неизвестных и для нас необъяснимых обстоятельствах умер в Берлине глава нашего государства — МУСТАФА ЧОКАЙ-БЕЙ, отныне будет днем траура для всех народов Туркестана.

Вероятно немногим соотечественникам моим известно его происхождение. Поэтому мне хотелось бы в кратких словах описать его жизнь.

Родился он в городе Ак мечеть (теперешний Кзыл Орда в Казахстане) 7-го января 1890 года. Начальное образование на родном языке получил у себя дома. Среднее — в ташкентской гимназии на русском языке. Будучи от природы одаренным и трудолюбивым, он уже в гимназии обратил на себя внимание преподавателей и окончил ее с наградой первой степени. По окончании гимназии, поборов большие препятствия, он отправился в Петербург, где поступает в университет на юридический факультет.

Вращаясь в среде студенческой молодежи и петербургского общества того времени, будучи сам сын Чокай-Бея и внук Тургай Датхаха, принадлежащих к известной в Туркестане семье, он скоро стал душой общества Петербурга. Мало того, будучи со стороны матери в родстве со двором хоразимского ханства и владея в совершенстве русским языком, он скоро был принят в придворных кругах. Когда приезжали в столицу "Хан-Ордасы" хоразимского и хивинского ханства, Мустафа Чокай-Бей всегда являлся их посредником.

Он очень интересовался не только научными вопросами, но его также очень занимали вопросы национального характера; так например, когда в 1912 году вспыхнула турецко-балканская война, он принял очень деятельное участие в движении на стороне братьев по крови.

В период его пребывания в Петербурге он был в тесной связи со следующими своими соотечественниками, которые в то время тоже жили в Петербурге. То были: Сиралы Лапин, Алихан Букейхан (член Гос. Думы), Махмуд-Ходжо Вехбуди, Мунебер Кары и Ахмед Байтурсун. Все они вместе часто обсуждали вопросы о будущем устройстве нашей родины.

Наступил 1917 год, год начала русской революции. Казалось, мечте Мустафы Чокай-Бея приближался момент осуществления. Но, увы, временное правительство оказалось

еще более непреклонным в вопросе самоопределения народностей, составляющих российскую империю.

Так, например, как пишет в своих воспоминаниях Мустафа Чокай-Бей, перед самым его отъездом в Туркестан, он зашел к председателю Петербургского совета солдатских и рабочих депутатов, лидеру социал-демократической фракции IV Государственной Думы Н. С. Чхеидзе, с которым был знаком задолго до революции. Само собой разумеется, у них был поднят вопрос о Туркестане. Когда Чхеидзе спросил Чокай-Бея о его предстоящей работе в Туркестане, то Чокай-Бей ответил ему, что он будет добиваться автономного режима и следовательно его работа будет носить подготовительный к этому характер.

Чхеидзе как-то даже испугался ответа Чокай-Бея и сказал: "Ради Бога, товарищ Чокаев, не говорите вашим соотечественникам об автономии, ибо во-первых, сейчас еще рано говорить об этом, а во-вторых, автономия такой стране, как ваш Туркестан, где население совершенно другой культуры, крови, языка и религии, это будет верным шагом к сепаратизму, а сепаратизм вне революционной и демократической России будет не в пользу вашему народу".

Вернувшись к себе на родину, Мустафа Чокай-Бей, несмотря на его молодые годы, но принимая во внимание его образование, опыт и происхождение, был избран главой правительства КОКАНДСКОЙ АВТОНОМИИ.

К сожалению, ему недолго пришлось оставаться у власти. Безвольность тогдашней российской демократической партии послужила причиной захвата власти большевиками, как в России, так и во всех образовавшихся НОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ.

В настоящее время мы можем утешать себя лишь тем, что семена национальной идеи, посеянные нашим ВОЖДЕМ, упали не на бесплодную почву.

ДЖУМАБАЕВ.

КАК ЭТО БЫЛО

Вспоминаю день начала германо-русской войны, 22 июня 1941-го года. Накануне мы решили, что с утра едем в Париж. Утром мы вышли в 10 часов. Информаций по радио не слы-

хали, т. е. ваше радио в этот день не работало, и мы о германо-русской войне не знали. Недалеко от нашего дома нам повстречался сосед француз, который нас огорошил неожиданным вопросом: "Ну, кто кого победит — русские или немцы?"

Этой новостью мы были поражены. Муж мой был просто потрясен. "Германия напала, все-таки решилась", — повторял он несколько раз.

От волнения мы не знали, что нам теперь предпринять. Ехать ли в Париж или оставаться? Решили ехать, скорей узнать последние новости из экстренного выпуска газет. Пока мы добрались до Парижа было 12 ч. дня. Долго мы искали газету, но все-таки нашли. Взволнованные разговорами и предположениями мы блуждали по улицам. Жара была в тот день нестерпимая, люди раздражительны и злы. Истомленные жарой, наконец, мы кое-как добрались домой. Я только что успела раздеться, как услышала топот тяжелых шагов у нас на лестнице. Шаги остановились у нашей двери. Звонок долгий и нетерпеливый. Открываю щель, чтобы посмотреть, кто там, и разом в щель двери просунулась нога солдата в немецкой форме, который, говоря без акцента по-французски, спросил, здесь ли живет Мустафа Чокаев и где он сейчас? Я сказала, что он дома. Вошли два вооруженных солдата: один все время ходил следом за мной, другой стоял у двери. Конечно, вид у меня был взволнованный, я стала спрашивать, зачем им понадобился мой муж? Мужу они приказали немедленно одеться и ехать с ними. Мустафа-бей меня успокаивал, говоря, "не волнуйся, это понятная военная предосторожность с их стороны, проверят бумаги и отпустят, я уверен, что вернусь к вечеру". Он оделся наспех. Ничего из вещей брать не хотел, как я его ни упрашивала. В самый последний момент, уже в дверях, я всунула ему в карман тысячу франков. Он, улыбаясь, посмотрел на меня. Ушел... Его увезли... Было три часа пополудни.

Прождав его всю ночь, я на утро поехала в Париж узнавать, где он. Я посетила все мне известные арестные участки. Тщетно, следа его нигде не было. Жуткие моменты я переживала, когда входила в тюрьмы... Наконец, до меня дошли слухи, что почти вся русская эмиграция арестована немцами и направлена в Компьен. Я поехала туда. От вокзала до лагеря Компьен довольно далеко, дорога была ужасно пыльная, народ по ней шел, как в муравейнике.

Две недели была я без вестей от мужа. Никто меня не навещал, и я сама ни к кому не ходила. Боялась сделать лож-

ный шаг... Неожиданно вечером часов в 6-ть звонок, открываю... Мустафа... Он вернулся исхудалый и загорелый. Я кинулась к нему с расспросами. "Ну, как, что... Что с тобой было?" Он ласково отвечал: "Подожди, дай придти в себя". Мне казалось, что Мустафа был не тот, какой-то странный, сосредоточенный. На ходу мне сказал, что он ненадолго, что послезавтра он едет в Берлин. "Час тому назад мне было предложено выступить по радио, я, конечно, отказался, заявив, что пока я не увижусь с моими соотечественниками, из пленных, я агитировать не буду. Мне дали для устройства моих дел один день". Просил меня не мешать ему с расспросами, оставить его одного. Ушел в свою комнату и писал до поздней ночи. Естественно, мне все хотелось с ним говорить, так мало времени ему дали: один день и тот он должен был почти провести вне дома. Я стала его спрашивать, об его пребывании в Компьен, кто там был? Он сказал, что познакомился с очень интересными людьми как русскими, так и иностранцами. "Ты знаешь, я чувствовал себя там душой помолодевшим, вспомнил студенческие годы, лекции, студенческие сходки в Петербурге. У нас в Компьене, на открытом воздухе устраивались замечательные лекции, политические диспуты. Я тоже прочел доклад о Туркестане. Слушатели были многочисленные, остались докладом довольны, просили еще прочесть, я было назначил день. Вдруг вызывают в комендатуру и объявляют, что я свободен. Страшно волнуюсь в душе о предстоящей встрече с пленными туркестанцами. Будет ли у нас общий язык?"

Я ему заметила, что он какой-то странный, не тот, что был до ареста. Он ответил: "Безумно утомлен, у меня завтра очень тяжелый день, голова полна всякими мыслями".

На другой день Мустафа рано утром уехал в Париж и вернулся только вечером очень утомленный. Отдохнув, он начал приготовляться к отъезду. Почти всю ночь не спал, все писал и писал. В 6 часов утра за ним приехали два немца. Мустафа, простившись со мной, вышел с ними. На повороте улицы еще раз махнул мне рукой и скрылся за углом. Это был его последний живой взгляд и привет.

Мария ЧОКАЙ.

ТУРКЕСТАН

...Туркестан — это значит страна турок. Так была прозвана еще в VI в. христианской эры иранцами времен сассанидской династии (III-VII вв.) обширная территория, образовавшаяся после завоевания государства эфтамидов (между 563-567 гг.) турками самой обширной из существовавших до тех пор кочевой империи домонгольского периода. Территория этой кочевой турецкой империи простиралась от границ Китая до границ Персии и Византии, к северу от служившей тогда границей между нею и сассанидской монархией реки Аму-Дарьи до пределов Китая, доходя на востоке до Инда. На западе же граница турецкого заселения заходила за реку Урал, который еще Птоломею был известен под своим турецким названием Даикс (т. е. Джаик или Яик).[1]

Будучи обозначением чисто политико-этнографическим, границы Туркестана менялись соответственно с изменениями политических условий, т. е. с расширением территории турецкого заселения и властвования передвигались и политические границы Туркестана, достигнув нынешних своих очертаний более тысячи лет назад, приблизительно, к началу X века.

В древности Туркестан был ареной величайших исторических событий. С ним связаны воспоминания о древних государствах, как Бактриана, Трансоксания, Согдиана, Парфия... Через Туркестан совершались великие переселения народов... Отсюда прошли гунны, турецкое происхождение которых ныне считается уже установленным. В различные эпохи в нем разыгрывалась деятельность таких величайших героев истории как Кир, Ксекрс, Александр Великий, Чингисхан, Тамерлан, Надир-Шах...

На протяжении своей истории Туркестан знал завоевание и господство над собой китайцев, арабов, монголов, пока после многовековой своей собственно турецкой истории, в которой, увы, признаемся, время национальной распри и упадка длилось значительно дольше времени национального еди-

---

Река Джаик (Яик) стала называться Уралом только с 1775г., когда правительство имп. Екатерины 2-ой, желая наказать яицких казаков за их участие в пугачевском бунте, переименовало их в казаков Уральских с повелением одновременно и реке называться впредь Уралом.

нения и преуспевания, не стал во второй половине прошлого столетия достоянием России.

Родина и колыбель турок суннитско-мусульманский Туркестан, впитавший весьма значительное влияние суннитского Ирана, дал общемусульманской культуре и науке ряд блестящих имен. Назовем среди них наиболее крупных и имевших влияние на развитие научной мысли в Европе.

АЛЬ-ХОРЕЗМИ Мухаммед — автор древнейшей теории по математике (арифметике и алгебре). Русские и европейские ученые специалисты сходятся в оценке его роли в развитии математических наук вообще. Русский ученый, член-корреспон-дент Академии Наук СССР Бертельс приписывает ему "начало разработки учения о логарифмах". Само слово логарифм, — пишет Бергельс, — не что иное, как искаженное прозвание "аль-Хорезми", допущенное средневековыми западно-европейскими переводчиками".[2]

ФАРАБИ Абу-Наср. Философ. В высказываниях Фараби о происхождении человеческого общества — те же самые мысли, что много столетий позже изложены Ж. Ж. Руссо в его "Контра Совиаль". В "Сите Модель", пишет барон Карро де Во[3], — имеются, странным образом приближающиеся к некоторым совсем недавним концепциям Ницше — мысли о роли насилия и силы в обществе". Но отношение к силе и насилию и оценка их роли в обществе у Фараби совсем иные, противоположные, чем у немецкого философа. Если для Ницше добро то, что позволяет высшей касте господствовать над низшей, "сверхчеловеку" над обыденными людьми, то для Фараби насилие и сила есть ни что иное, как болезнь жестокости в человеческой философии, и суждение свое об этом автор "Идеального Града" помещает в особой главе о "градах несовершенных".

ИБН-СИНА Абу-Али, философ, математик, астроном, но больше всего прославившийся в области медицины.

Недаром Данте в "Божественной комедии" почтил его местом в "Аду" в ближайшем соседстве с Эвклидом и Птоломеем (труды которых Ибн-Сина комментировал). Когда в XV в. было изобретено Гутенбергом книгопечатание, то одним из первых умноженных этим способом произведений человеческого гения был главнейший труд по медицине Ибн-Сина — "Канон".

БИРУНИ Абу-Райхан — "великий Бируни", имя которого встречается в стольких главах истории наук", отзывается о нем

Бергельс:: "Литература народов Средней Азии ". См. московский журнал "Новый мир", кн. 6-ая, 1939 года.

Карро де Во "Мыслители Ислама", т. 2-ой, стр. 110.

автор не раз уже упоминавшихся здесь "Мыслителей Ислама" — барон Карро де Во. Бируни составил ценнейшие труды по археологии, истории, замечательные описания Индии и труды по календарю древних народов. Имя Бируни вытеснено в зале Географического Общества в Париже.

УЛУГ-БЕК — великий астроном, предшественник Коперника и Галилея, трудами которого по астрономии Европа пользовалась в течение очень долгого периода времени.

К этим избранным именам, оказавшим великие услуги не только общемусульманской, но также и общечеловеческой культуре и науке, присоединим еще имена двух туркестанцев — крупнейших авторитетов в области собственно мусульманского права и юриспруденции.

БУРХАН-эд-ДИН МАРГИНАНИ — автор главнейшего руководства по мусульманскому праву ("Хидая"), послужившего в конце 18 в. источником англо-индийского управления. К этому же источнику вынуждено было обратиться при всем своем пренебрежительном, чтобы не сказать, — презрительном отношении к мусульманскому праву и игнорировании его, русское правительство в конце 19-го и в начале 20-го века, как к средству улучшения установленного русским законодательством суда в отношении коренного населения Туркестана.

Еще более неожиданно "современным" оказался другой крупнейший мусульманский юрист — автор и комментатор известного под именем "Сахих-уль-Бухари" сборника "хадисов" (т. е. изречений и деяний Магомета).

МУХАММЕД-ибн-ИСМАИЛ БУХАРИ. Как это ни кажется невероятным, имя этого ортодоксального среди мусульманских юристов автора засияло, быть может, как никогда раньше, даже при мусульманских халифах, совсем недавно в 1925-м году, когда советское правительство при проведении своей земельной реформы сочло необходимым подкрепить и освятить для большей убедительности и приемлемости для крестьянства Туркестана учения Маркса и Ленина ссылками на сборник "хадисов" Мухаммеда-ибн-Исмаила.

В ряду самых громких, служащих украшением турецкого имени, невозможно не назвать имени:

СУЛТАНА БАБЕРА — основателя империи Великих Моголов в Индии, образованнейшего и культурнейшего принца своего времени, историка-мемуариста и автора замечательнейших записок — "Бабер-Намэ"

Таковы те беглые и, по необходимости, весьма суммарные сведения, которые мы сочли нужным привести здесь, чтобы отметить место, занимаемое Туркестаном в миру мусульманства вообще и в мусульманской Азии в частности, а также

дать некоторое, хотя бы приблизительное представление о сыгранной Туркестаном роли в культурной жизни народов.

Туркестан пережил продолжительный период глубочайшего кризиса и упадка. Часть турок уходит в Малую Азию и на развалинах Византии создает Оттоманскую империю, объединившую под своим знаменем большую часть мусульманского мира. Оставшаяся у себя, в Туркестане часть турок в после-тимуровскую эпоху распадается на несколько ханств, отдельное самостоятельное существование которых имело единственным основанием лишь личные амбиции.

Выше, в самом начале изложения говорилось, что границы Туркестана менялись в соответствии с расширением территории турецкого заселения и властвования и достигли нынешних своих очертаний приблизительно к началу X-го века. Следует и необходимо отметить, что границы этнографического Туркестана ныне далеко не совпадают с его политическими границами. Этнографический Туркестан делится на три неравные по величине части и входит в состав 3-х государств:

а) Восточный (Китайский) Туркестан, переименованный китайцами в Синьцзян;

б) Западный (русский, ныне советский) Туркестан;

в) и к югу от нас — Афганский Туркестан, под названием "Чахар вилайет" (что означает 4 провинции), распадающийся на провинции Баданшан, Большой и Малый Маймене и Анахой.

Здесь речь идет только о Западном (Советском) Туркестане.

Территорию этого Советского Туркестана составляют по прежней до советской русской административной номенклатуре: бывшие вассальные ханства Хива и Бухара; бывш. Туркестанский край с его 5-ю областями Сыр-Дарьинская, Семиреченская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская); б. Киргизский край (области Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская); и, наконец, некоторые населенные казаками части б. Астраханской губернии (Букеевская Орда и некоторые приморские районы).

Таким образом, границами Туркестана являются со стороны собственно Советской России: области Сталинградская, Саратовская, Оренбургская, Челябинская, Омская, Западно-Сибирский край и на востоке Ойротская автономная область. На юго-западе Туркестан через Каспийское море соединяется с Кавказом.

Вне Советской России Туркестан граничит с Восточным (Китайским) Туркестаном, Афганистаном и Ираном. Узкая полоса афганской территории в 10-15 км шириной отделяет Туркестан от Британской Индии.

Уже одно перечисление составляющих Туркестан территорий и стран, с которыми он граничит, дает достаточное представление о его размерах: он занимает площадь в 4.105.000 кв. км. Весьма значительная часть этой огромной площади (0,4 всей Азии занята большими пустынными степями, песками Кызыл-Кум, Кара-Кум и др.) и системами величайших горных хребтов, как Тарбагатай, Тянь-Шань, Памиро-Алтайская и Копендаг-Хиндукушская системы.

Коренное население Туркестана состоит из двух численно не равных элементов — турок и таджиков. Первых в Европе знают по их кличкам, как "казак", "кара-калпак", "киргиз", "туркмен" и "узбек". Все они говорят на одном и том же общем для всех турок "от Ледовитого океана до Адриатического моря" турецком языке. Что же до таджиков, составляющих приблизительно 1/15 в отношении турок, то этот народ по языку и крови иранского происхождения. Но все они считают себя и на самом деле являются одним народом, — этого никто из знающих сколько-нибудь историю Туркестана и турок никогда не решался отрицать. В этом отношении интересен взгляд известного русского автора Аристова.[4]

Но в результате более чем тысячелетнего мирного сожительства бок-о-бок, таджики и турки Туркестана так слиты культурно и экономически между собой, что

Вот что пишет дословно Аристов: "Обитающие на огромном пространстве от Охотского и Ледовитого океана до Адриатического моря, турки говорят на одном языке, делящемся только на наречия, так что среднеазиатский турок может понимать и якута и турка османа" См. его работу — "Заметки об этническом составе тюркских племен " в журн. "Живая старина". Изд.Императорского Русского Географического Общества". Вып. 1. СПБ 1896г.

В примечании Аристов приводит свидетельства известного ученого Эрманта, утверждающего, что "якут, рожденный на берегах Лены и Алдана без затруднений объяснится с жителем Константинополя и Миддендорфа, который "ознакомившись с якутским языком в сев.-вост. Сибири в 1844-45 гг. через 30 с лишним лет мог объясниться с турками Ср. Азии в Фергане при помощи скудных остатков забытых якутских слов "

Аристов приводит и свидетельство Вамбери, который "Заверяет по личному опыту, что турок Анатолий при некоторой внимательности понимает турка Восточного Туркестана".

Об этом же единстве языка турок Восточного и Зап. Туркестана и константинопольских турок Аристов писал двадцатью годами раньше. См. "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 2, СПБ. 1893 г., стр.258.

рассматривают себя как одно политическое тело, как одну нацию, нигде не противополагая один другому. Надо отметить и подчеркнуть особо, что отношения между этими двvмя ветвями коренного населения Туркестана никогда не были омрачены взаимной борьбой: турки и таджики Туркестана не знали так называемой национальной вражды.

Национально-единому Туркестану нужно было дождаться прихода к власти в России глашатаев и революционных защитников права каждой нации на самоопределние и отделение от России, чтобы увидеть себя разбитыми, как в худшие времена своего декаданса, на ряд племенных, называемых советским правительством "самостоятельными национальными", сов. соц. республик и лишиться права именоваться своим историческим, более чем тридцативековым именем. Начиная с 1924 года — "исторической даты" так называемого "межнационального размежевания" в Туркестане, историческое имя страны находится под строжайшим запретом. Вместо Туркестана советский административный жаргон употребляет "Сов. Казахстан" и "Сов. Средняя Азия". В свою очередь, эта последняя разделена на четыре, конечно, тоже "самостоятельные национальные республики", как Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. В составе Узбекистана выделена еще "автономная республика" Кара-Калпакстан и в Таджикистане имеется особая автономная область Горного Бадахшана.

Таким образом, из 11 составляющих Советский Союз, так называемых "союзных республик" на территории Туркестана находится целых пять, т. е. ровно половина всех не русских, "национальных" членов Союза.

Такое искусственное и насильственное раздробление Туркестана на ряд самостоятельных государственных единиц нужно было Советскому правительству, во-первых, для борьбы против стремления туркестанских турок к консолидации своего национально-политического единства, хотя бы под советским флагом и, во-вторых, для более успешного проведения в жизнь той формы большевистской "национальной политики", которая, по определению Сталина, должна быть национальной лишь по названию и интернациональной и социалистической по внутреннему содержанию". На деле же и большевики в своей национальной политике в Туркестане преследовали ту же цель, что и политика старого русского колонизаторского господства, для чего, по свидетельству совершенно свободного от всяких упреков в туркофильстве и во вражде к политике России в Туркестане академика Бартольда, — "считалось полезным исчезновение старых ис-

торических имен".[5] К этой верховной цели старое русское правительство шло медленно, но упорно. Для достижения царское правительство пробовало не допускать совместного пребывания в одном школьном пансионате детей узбеков, казаков, туркмен и переименовывало некоторые старые туркестанские города (Акмечеть в "Перовск", Чимкент в "Черняев" и т. д.), не говоря уже о других, более резко бивших в глаза приемах политики, как, например, отбирание земель у туркестанцев в пользу русских переселенцев и т. д.

Игрой детской кажется все это по сравнению с тем, чего добилось в этой заветной для старой России области "упрочения господства русских в Туркестане" правительство советское. Не отвлекая внимания читателя в сторону от того, о чем будет речь дальше, здесь необходимо отметить одну характернейшую "социалистическую, интернациональную" особенность большевистской политики "упрочения русского господства" в "национальных республиках" Туркестана. А именно: в то время, как туркестанские турки вне своей "национальной республики", например, казахи в Киргизстане и других; узбеки в Туркменистане и др.; туркмен в Узбекистане и др., считаются "национальными меньшинствами" и, соответственно с этим, внутри каждой из туркестанских республик выделены особые "национальные" казахские, узбекские и т. д. районы, русские пришельцы в Туркестане, действительно являющиеся меньшинством и живущие повсеместно изолированно отдельными селами или в городах, составляющие самостоятельные части за национальное меньшинство не считаются. Ибо, по мнению московских большевиков, наименование русских национальным меньшинством роняет "русский авторитет" в глазах "туземцев" и лишило бы русских, принадлежащей им по праву завоевателя и первенства в Советском Союзе, роли верховенства и водительства над покоренными.

Мустафа ЧОКАЙ оглы.

1941 г.

См. Бартольд — "История культурной жизни Туркестана", стр. 120, Ленинград, 1927 г.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОКОЙНОГО МУСТАФЫ ЧОКАЯ

Во всем мире нет такого человеческого общества, в исторической жизни которого не наблюдалось бы волнообразное чередование упадка и подъема. Кривая этих волн соответствует всегда длине, ширине и глубине данной истории. Естественно, что это волнообразное колебание, замечаемое в истории народов и стран, имеет довольно разнообразные и несколько сложные причины. Все объективные и субъективные факторы, которые постоянно меняют картину исторической судьбы, крепко связаны между собой и только что выдвинувшийся способен вызвать оставшегося позади. Когда это явление развивается в соответствии со счастьем страны или общества, это общество, со всех точек зрения, поднимается. В обратном случае кривая начинает падать. Мы наблюдаем, что это явление подъема и упадка в исторической судьбе обществ, народов, секторов и стран происходит так регулярно, как будто бы подчиняясь какому-то закону.

В истории Туркестана, считающегося одним из самых древних районов заселения и одним из очагов цивилизации мира, нужно считать естественным, что с точки зрения видоизменений, мы стоим перед довольно богатой картиной. Благодаря мощности объективных и субъективных факторных элементов, которые он несет в своей собственной структуре, пережитые им перемены, следовавшие одна за другой, были огромны; он пережил их в таком изобилии, в таком разнообразии, какие редко какой части мира выпали на долю и — сумел удержаться на ногах и выжить. Каждое из пережитых им событий так огромно, что их можно назвать мировыми. В настоящее время эта страна переживает один из самых тяжелых и драматических моментов своей длинной истории.

В то время, когда Туркестан поднялся на самую высокую вершину последнего блестящего периода своей истории и кривая его жизненной волны начала опускаться, уже маячила угроза двух страшных сил, одна с востока, другая с запада и с севера. В то время, как факторы, ускоряющие его ослабление, развиваясь с быстротой, грозили все более и более ощутимым образом, военная сила противника надеялась и была уже на пути к захвату. К тому же положение в самой стране, раздробленной и запутанной, разжигало аппетиты захватчиков и облегчало их действие. С одной стороны, захватное движение, с другой стороны, внутренние смуты, облегчавшие этот захват, развивались со все более и более уве-

личивающимися темпами и, наконец, в восьмидесятых годах прошлого столетия русское оккупационное наступление, продолжавшееся около двух веков, закончилось.

Когда иностранное ярмо начало ощущаться повсюду и в одинаковой степени, восстания, которые до тех пор были обречены оставаться локальными и безрезультатными, изменили свой характер. Начиная с этого момента, стали доискиваться подлинных факторов катастрофы. Заслуживает внимания то, что в период, продолжившийся с момента начала русских оккупационных действий вплоть до первой мировой войны, невозможно установить и десятка лет протекших в этой стране спокойно для оккупационных сил. К сожалению, эти волнения не шли дальше местных восстаний. Феодалы, парализованные внутренней борьбой, имея в виду пользоваться этими событиями как орудием для своих собственных мелких интриг, только и делали, что служили интересам захватчиков. Когда вся страна была оккупирована и горечь катастрофы начала ощущаться одинаково повсюду, характер резистантских движений тоже изменился. Во всех движениях, которые мы наблюдаем с начала этого века, бросается в глаза этот характер всеобщности. Эта тенденция, ощущаемая в событиях определенностью в восстании 1916 года. Начинания изучения причин катастрофы, разразившейся над страной, шли довольно успешно и дали в результате взгляд и линию действия, представленные Джедидизмом. Новаторы пришли к убеждению, что успешное сопротивление может быть возможным только при наличии средств и духовной силы, равной силе противника. И они принялись, с одной стороны, подготовлять кадры, снабженные современной наукой и техникой, и с другой стороны создавать крепкую организацию, которая позаботится о единстве сопротивления и борьбы.

Революция 1905 года зародила для всех народов и национальных групп, подпавших под господство Царской Росии, возможность политической деятельности и развития. Но эта возможность долго не продержалась и натолкнулась на препятствие в виде Столыпинской реакции. Это реакционное движение принесло, особенно для Туркестана, тяжелые последствия. Потому что она умудрилась дойти до абсолютного лишения для этой страны всех возможностей политического развития. Одно из важнейших решений, принятых Столыпинской реакцией, было лишение Туркестана права быть представленным в Государственной Думе. Впечатление, произведенное на туркестанцев этим событием, было очень глубоким. И без того уже Туркестанский народ , который ни-

как не мог свыкнуться с иностранным ярмом, ждал удобного и благоприятного момента. И вот этот удобный момент появился в 1916 году и вылился в форму восстания, распространившегося на всю страну.

Вместе с этим кадры, подготовкой которых занялось Новаторское течение, росли с каждым годом и работали над тем, чтобы дать актам национальной борьбы рассчитанную, методическую и организованную форму. Хотя первое появление и возникло в виде представительства в Государственную Думу, созданную революцией 1905 года, но, вскоре, когда Туркестан оказался лишенным этого права, явилась необходимость вступить на другой путь. На этот раз Туркестанцы поместились в политическом представительственном бюро находившемся при Мусульманской фракции, образованной в самой Государственной Думе депутатами других тюркских краев, для того, чтобы иметь возможность проявить на официальной трибуне, хотя бы косвенным образом, свою политическую активность. В 1914 году в этом бюро Туркестан представлялся юношей, имевшем только 24 года; тем самым, восьмилетие смерти которого мы вспоминаем сегодня — Мустафа Чокай.

Туркестанская интеллигенция различала два принципа, на которых основывалась их политическая деятельность: первый — усиление, духовно и материально, национальной борьбы Туркестана, второй же — способы ослабления и развала русского империализма, являющегося основным врагом. Только развернув в методической форме эту двухфронтовую деятельность, Туркестан и другие подневольные нации смогут добиться своей независимости. Это значит, что Туркестанцы, с одной стороны, работая над созданием прочной основы борьбы, создавая свое собственное национальное объединение, с другой стороны будут стараться изо всех сил, для обеспечения гармоничной работы всех тех сил, которые работают против русского империализма и режима. Было положено масса усилий для того, чтобы дать облик двухфронтовой работе, определив все основные элементы и ее направление. Энергия, потраченная туркестанской интеллигенцией на это дело, подтверждалась также и безжалостной политикой террора России.

Притеснения царской России дошли до своего апогея в ее политике на уничтожение, приложенной в ответ на восстание 1916 года. Молодой Мустафа Чокай сыграл очень большую и успешную роль в вопросе по изысканию способов и принятию мер для охранения туркестанского народа от подобного применения тирании. Следственной комиссии, посланной Го-

сударственной Думой для расследования насилий, произведенных во время усмирения восстания, молодой представитель сумел дать полную картину, показав места, где происходили насилия, развалины разрушенных и сожженных городов, местечек и деревень; оцененный своим народом он был поставлен во главе Национального Совета, образовавшегося благодаря перевороту, который разразился несколько месяцев спустя после этого события. Мустафа Чокай возглавлял также и Комиссию Представителей, которые должны были защищать права Туркестана в Учредительном Собрании, которое должно было определить будущую судьбу России, перешедшей в управление революционеров-демократов, силами которых был свергнут царский режим, — а также судьбу стран, находившихся под ее управлением. Когда Туркестанцы увидели, что положение в России со дня на день все больше и больше запутывалось, решили создать свое собственное автономное Правительство, и мы видим Мустафу Чокая во главе этого правительства. Вспомним и то, что путь, на который встали Туркестанцы и сделанный им смелый шаг, не понравился не только русским, но даже и представителям многих других нерусских народов и стран. Туркестанцы же, делая этот первый шаг на пути к тому, чтобы стать хозяевами своей собственной судьбы, сочли неуместным, какое бы то ни было колебание и не допустили возможности вмешательства. В то же время большевизированные русские военные силы, находившиеся в Турестане, опираясь на поддержку Русского Большевистского Правительства, захватившего тогда власть в центральной России, выступили против Национального Правительства Туркестан и борьба началась. Русские большевистские организации, в руках которых оказались сильные гарнизонные формации царской эпохи, легко одержали верх над военными силами Национального Туркестана, которые только организовывались. Таким образом, Тюркская Национальная борьба Туркестана, начавшаяся против царской России, вылилась в движение против Большевистской России.

Туркестанские националисты, рассмотревшие детально эту последнюю форму положения, почувствовали необходимость переправить главу их правительства за границу, превратиться в такую организацию борьбы, голос которой смог бы быть услышанным и заграницей, и которая сумеет встать на его защиту в свободном мире. И вот таким образом, пробравшийся в Европу через Кавказ и Истамбул, и поселившийся в Париже Мустафа Чокай первым долгом обратился

к Версальской Конференции. Начавшаяся таким образом деятельность вне родной страны, продолжалась 20 с лишним лет. Мустафа Чокай в течение своей заграничной деятельности работал, с одной стороны, чтобы различными путями и средствами дать знать цивилизованному миру о национальном деле своей страны и о притеснениях, производящихся там русскими большевиками, и с другой стороны — чтобы осветить свою программу, начертив путь действий национальной борьбы. Вместе с тем определился также Мустафа Чокай, как человек идеи и действия, который уже с первых дней переворота формулировал блестящим образом идею единства и прилагал ее на практике. Его первые успешные шаги в этом направлении обеспечили для национального движения борьбы, в коротое время, способность сопротивляемости в большом масштабе. Степень этой приобретенной способности подтверждается в особенности тем фактором, что несмотря на жестокий террор большевистской России, до сих пор продолжают существовать очаги сопротивления. Эти твердость и жесткий натиск Мустафы Чокая в сфере мысли и дела привели к тому, что в очень короткое время, и несмотря на то, что он был сравнительно молод, он возвысился до положения компетентного лидера огромной страны. Это его положение признается не только слоями его соотечественников, но в то же время всеми, будь то друг или враг движения. Тот факт, что большевистская Россия разъясняет и освещает все трудности, встречаемые ею в Туркестане, связывая их с именем Мустафы Чокая, является самым ярким доказательством вышесказанному. Впрочем, самый важный фронт Мустафы Чокая — это свойство большой гуманности, которое внушает его врагам уважение, а иногда даже симпатию. Он умел прекрасно проповедывать и разъяснить, на основе такой логичности и компетентности, которые заставят даже его врагов согласиться с ним. В течение 20-ти с лишним лет деятельности и публицистики на чужбине, он ни одного раза не очутился в положении, которое могло бы быть выигрышным для его врагов. Наоборот, он неоднократно ставил русских большевиков, прекрасно умеющих все отрицать и все доводить до успешного конца, перед необходимостью публичного признания. Мустафа Чокай не считал симптомом слабости или какой бы то ни было опасности, как для себя самого, так и для руководимого им движения в признании за противником его значения. Это его отношение было источником, обеспечивающим огромную мощь ему самому и делу, которым он руководил. Поистине, Мустафа Чокай сделал установку

Национального дела для Туркестана так компетентно и в такой форме, что решительно все, даже противники этого дела, принуждены будут принять и признать это.

Вот, что Мустафа Чокай настойчиво рекомендовал главным образом своим соотечественникам и попутчикам движения: остерегаться действий, которые по той или иной причине, смогут ослабить или пошатнуть национальное единство, и не свертывать на ложный путь из-за какого бы то ни было ценного соображения. Сейчас мы находимся в положении, позволяющем еще лучше понять, насколько он был прав в этой своей настойчивости. Когда однажды спросили одного европейца, друга Туркестана, почему он так любил Мустафу Чокая, он ответил: "Потому что Мустафа Чокай является такой личностью, которая, в единственном числе может представить эту огромную страну. Идея и любовь Туркестана нашли себе в его лице свое выражение, в полном смысле этого слова" — и этим ответом он нарисовал самый верный портрет.

В то время как Мустафа Чокай с успехом руководил обоими фронтами национального освободительного движения, которое было для него делом наивысшей святости, вспыхивает вторая мировая война. Первые два года войны, с точки зрения движения, представляемого Мустафой Чокаем, прошли не дав никакого благоприятного положения, но на третий год вдруг принял обнадеживающий оборот. Два тоталитарных режима, связанные дружественным соглашением, начали драться. Советская Россия стянула на фронт, целыми массами, туркестанцев. Выяснилось, что большое число их было взято в плен нац.-соц. Германией. Мустафа Чокай, считавший, что оказать помощь этим своим соотечественникам, взятым в плен в войне, куда их потянула насильно власть, являющаяся противником национальных интересов, — и войти с ними в контакт, является национальным долгом, — бросился туда, где они находились, и стал жертвой этого патриотического чувства.

Мустафа Чокай, спасшийся от пуль русского царского и большевистского режимов, от смертного приговора и виселицы, погиб от маленьких паразитов, расплодившихся так быстро, опять таки, благодаря этой злополучной большевистской России, погиб там, куда он поехал с намерением послужить национальной цели и помочь своим соотечественникам. 27.12.1941 года является для тюрков Туркестана днем самого глубокого траура. Потому что в этот день это общество дало свою самую большую жертву. Туркестанские тюрки являются одним из обществ, понесших самые сильные

уроны во второй мировой войне. Потому что потеряли они сотни тысяч своих детей по обе стороны сражавшегося фронта и в этом числе их единственного вождя, их единственного главнокомандующего, стоящего нескольких армий.

Мустафа Чокай, вождь национальной борьбы Туркестана, отлично знал, что предпринятая борьба не будет легкой и не может без труда дойти до конечного результата. Он считается человеком мысли и дела, который первый понял и выдвинул вопрос о необходимости, для того чтобы быть уверенным в этом результате, прежде всего, чтобы все национальные силы, стоящие на пути освобождения от русского рабства, работали единым фронтом, и чтобы народы, национальное бытие которых находится под угрозой из-за наличности призрака русского империализма, укрепляли этот фронт. Начиная с первых месяцев революции 1917 года он отдался работе на осуществление этой цели. В своих первых контактах с украинскими, польскими и кавказскими друзьями, он взял в руки это дело. Его первые статьи на чужбине говорят о свободном Союзе Конфедерации. Заслуживает внимания и то, что его последняя статья, написанная во время путешествия, окончившегося его смертью, носит опять таки характер привлечения интереса к этому единству фронта. Значит, Мустафа Чокай, подготовляя Туркестанское национальное освободительное движение с точки зрения внутренней организации, никоим образом не упускал из виду фронт объединенной борьбы против Российского империализма. В сущности, он считал эти движения как дополняющие одно других. Вследствие этого смерть Мустафы Чокая будет чувствоваться на этом обоюдном фронте как пустота, которая долгое время не может быть заполненной.

Одной из оригинальных сторон Мустафы Чокая является присущая только ему форма проводить тюрксизм. Заведя речь о тюрксизме, он всегда говорил: — "Туркестан — это тюрки. Тюрксизм Туркестана так же естественен, как его тюркская сущность. Заявлять об этом криками совсем не к чему, потому что Туркестан не может отделиться от своей сущности. И не может принять подлости вроде отрицания своего происхождения и своих соплеменников". — Тюрксизм Мустафы Чокая и его работы на этом поприще не ограничились Туркестаном. Всякий раз и повсюду, когда ему приходилось защищать национальные тюркские интересы, он делал это самым блестящим образом, не обращая внимания на то, находились ли эти интересы, нуждающиеся в защите, в Туркестане или вне Туркестана.

Вот поэтому-то белые русские дали ему кличку "Кемалиста". Мустафа Чокай отвечал всегда смехом на подобные приписываемые ему вещи, потому что между его тюрксизмом и такими неуместными обвинениями не было никакой связи. К тому же он никоим образом не смешивал вопроса борьбы за независимость Туркестана с вопросом о его тюрксизме. По его мнению тюрксизм это вопрос происхождения и культуры, борьба же за независимость является вопросом политики дня. Он не смешивал эти два вопроса и не имел склонности принимать в расчет один и отрицать другой. В его тюрксизме нет ничего, что бы давало повод к нанесению ущерба существующей реальности ради погони за химерами или вело бы к мыслям в угоду политике дня, или же к неправильным действиям. Он человек идеи и действия, который проработал с успехом в рамке этой точки зрения и в течение деятельности, заполнившей его жизнь. В то время, когда вопрос тюрксизма, избавившись от болезни неясности, от которой он страдает сегодня, найдет свое правильное русло, станет надлежащим образом ясно, какую огромную личность мы потеряли в лице Мустафы Чокая, с точи зрения тюрксизма. Потому что он знал лучше, чем кто бы то ни было ход тюрксизма, в том трудном положении и сложных условиях, в которых он находится сегодня, без того, чтобы нанести ущерб реальным жизненным условиям, и в то же время не изнашивать идеализма, — хорошо знал и хорошо провел это.

Тюркское национальное самосознание Туркестана чувствует всей глубиной своей сущности, даже сегодня, как и в первые дни, горе, порожденное смертью Мустафы Чокая. Потому что оно ощущает и видит эту пустоту непосредственно в своей собственной жизненной структуре. Но, несмотря на всю беспредельность ощущаемого горя, оно находит и утешение в том, что идет по пути, начертанном Мустафой Чокаем, и также в бою, который продолжается, несмотря на бесчеловечный террор, которому оно подвергнуто.

Доктор Тахир ЧАГАТАЙ.

МОЯ ВСТРЕЧА С МУСТАФА-БЕЙ

Это было в августе 1941 года. В числе трехтысячной колонны, после продолжительных пеших хождений, я попал в лагерь в городе Сувалки, где нас разместили под открытым небом, группами, отделенными одна от другой колючей проволокой.

Группа, где находился я, состояла из 6 тысяч офицеров, которые содержались под самым строгим полицейским надзором. Чины надзора в большинстве своем состояли из людей с уголовным прошлым и обращались с нами бесцеремонным образом — были случаи избиений палками.

В конце августа я как инженер был переведен в отделение специалистов, где было отношение немного лучше и где не господствовала полицейская палка.

В одно прекрасное утро в сентябре в наш лагерь пришла группа немецких офицеров и каких-то штатских. Было сказано, чтобы вышли все азиаты. Таковых оказалось два, какой-то грузин и я. Ко мне подошел господин среднего роста с очень мягким выражением лица, что показывало необыкновенную доброту его души. Говорил он не громко, но голос его был очень приятного тембра. Это был Мустафа Бей. Он пожал мне руку и сказал на нашем языке: "Мой сын, мне больно видеть вас в таком ужасном виде, но не падайте духом, мужайтесь и Аллах поможет нам выйти из этого положения". После этого он взял меня с собой и поместил в лагерь, где находились несколько тысяч туркестанцев.

В течение 12 последующих дней он каждый день посещал наш лагерь и с утра до вечера оставался с нами. С каждым беседовал, вникал во все тяготы нашей жизни, всем интересовался, особенно жизнью в Туркестане, давал каждому отцовские советы, всех ободрял и успокаивал.

Перед отъездом в нашем лагере был устроен митинг, на котором Мустафа-Бей сказал:

"Мои дорогие соотечественники!

Сердце мое обливается кровью, глядя на вас. Неужели вы заслужили, чтобы вас держали за колючей проволокой? Нет! Да видит Аллах, свободолюбивым сынам Туркестана место в беспредельных степях нашей родины. И я верю, что Он поможет нам освободиться из немецкого плена и зажить мирным и честным трудом у себя дома. Я считаю, что среди вас нет ни одного идейного коммуниста, ни одного комсомольца, вы все сыны единого туркестанского народа, который имеет свое отечество. А для этого нам необходимо сплотиться в одну тесную семью и быть друг другу братьями, в полном смысле этого слова.

Самой насущной заботой моей будет устроить вас на разные специальные работы, чтобы каждому из вас приобрести специальность, нужную для строительства нашей будущей родины — Туркестана!"

Таковы были последние слова, обращенные к нам нашего любимого Вождя Мустафы-Ага. Сохраним же в наших сердцах эти слова и приложим все силы и всю нашу энергию к тому, чтобы осуществить его заветную мечту — СОЗДАТЬ СВОБОДНЫЙ, НЕЗАВИСИМЫЙ ТУРКЕСТАН.

КАРИС-БЕЙ.

МУСТАФА-БЕЙ ЧОКАЙ-ОГЛУ, КАК ЧЕЛОВЕК

Мустафа Бей был большим государственным деятелем, выдающимся писателем и журналистом, но он был, прежде всего, человеком, интересной, оригинальной личностью. Мустафу Бея без Туркестана невозможно мыслить, настолько в каждом его слове и жесте чувствовался Туркестан. Да и сердцем своим он не мог ни на минуту забыть свою родину, ее прошлое и нерадостное настоящее. Но, оставаясь верным своим традициям, он имел в себе все то ценное, человеческое, что может и должно связывать между собой людей самых разных и, казалось бы, непонятных друг другу народов. Высокая гуманность, доброта сердца, верность дружбе, верность раз данному слову — вот черты, которыми характеризовали Мустафу Бея. Но кроме этой чисто моральной его сущности в нем было еще редкое уменье проникнуть в самые основы общечеловеческой культуры. Туркестанец до мозга костей, он великолепно понимал русскую жизнь, среди которой получил свое образование. Он отлично разбирался в Европейских отношениях и поражал не меня одного меткостью своих суждений. Этот Туркестанец — был одновременно высоко образованным Европейцем. — Трудно в нескольких строках дать образ Мустафы. Трудно особенно мне, который так близко знал покойного и на себе самом так глубоко почувствовал всю прелесть и трогательность этого человека и его верность дружбе.

Проф. А. ШУЛЬГИН
Бывший министр иностранных дел Украины.

ПАМЯТИ МОЕГО ДРУГА МУСТАФЫ ЧОКАЕВА

Я знал Мустафу немного, со слов нашего Карла (Н. С. Чхеидзе), выступающего в Государственной Думе по внутренней политике. Мустафа был еще совсем молодой студент, но повсему было видно, что без него, секретаря, мусульманская фракция Гос. Думы едва ли пошла далеко.

Прошли годы. С.-Петербург стал Петроградом, — Петроград — Ленинградом, и мы оказались вне пределов России. Еще до этого Мустафа очутился в Тбилиси (Тифлис), но мы там почти не встречались, ибо я был занят конференциями, то в Трапезунде, то в Батуме, во главе делегации сначала был занят прессой и отмечал в своей газете, между прочим, как наши республики, одна за другой садились на мель.

В Париже начинается мое сближение со "степным азиаури", как я его иногда называл в шутку.

Деятельность Мустафы в Париже, Лондоне, Женеве и других центрах Запада была настолько разнообразна и плодотворна, что не поддается учету.

В основанном обществе "дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины", он естественно занимал, подобающее его обширной стране, место. В этот период имя Мустафы стало известно широкой публике, не только в Туркестане, но во всем Советском Союзе, о чем свидетельствовали получаемые оттуда, разными способами, газеты и брошюры. Не раз приходилось слышать от изредка попадавших сюда туркестанцев изумление, что поднятый вокруг Туркестана шум исходил почти от одного только человека.

Совершенно особенного внимания заслуживает деятельность Мустафы в качестве "корреспондента". Ставлю это слово в кавычках, ибо в больших газетах помещались не столько его корреспонденции, сколько данные им своим коллегам сведения (я не касаюсь "Яш Туркестан"). Дело заключалось в том, что он лично знал всех видных корреспондентов и ловко пользовался своей карточкой — правом присутствовать на всех официальных и частных собеседованиях с выдающимися политическими деятелями всего мира. При передаче сведений, Мустафа всегда был добросовестен, ничего не преувеличивал, скорее преуменьшал, чувствуя на себе большую ответственность.

Смотрю на нашу фотографию, снятую им у Трокадеро, и мне не верится, что его уже нет...

Он превзошел все мои ожидания, из степного азиазури стал настоящим народно-национальным Вождем.

Он был очень спокоен и ровен, но сердце у него было горячее, всегда шло навстречу и на помощь своим близким, не задумываясь о своей личной безопасности. Во время советско-германской войны в одном из лагерей военнопленных он своей храбростью спас от расстрела несколько десятков молодых грузин, принятых немцами за евреев и осужденных на расстрел. Он, рискуя своей жизнью, задержал исполнение приговора, объяснив ужасную ошибку.

Вот в какое варварское время жил и боролся Мустафа.

Тебя нет, дорогой друг, но и мы живем не в лучшей эпохе, а имя и идеи твои всегда останутся среди нас символом дружбы наших народов.

А. ЧХЕНВЕДИ
Бывший член Государственной Думы и Министр Иностранных Дел Грузии.

АНУАР АЛИМЖАНОВ

ДОРОГИ ЛЮДЕЙ — ДОРОГА ЧЕЛОВЕКА

(Вспоминая Мустафу Шокай-улы)

На переломе 1990-1991 годов все туркестанцы (до 30-х годов двадцатого века так называли в России мусульман Средней Азии и Казахстана), оказавшиеся, в годы нескончаемых репрессий, в годы гражданской войны, в годы искусственно организованного голода 1920-1923-х и 1929-1933 годов, за пределами своей исторической родины: Турции, Китае, Иране, Афганистане, Монголии, в странах Арабского Востока, Европы и Америки, отметили 100-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти Мустафы Шокай-улы, назвав его своим вождем, рыцарем-одиночкой, глашатаем Правды, бесстрашным поборником Свободы и Равенства народов Средней Азии и Казахстана, мечтавшим о возрождении независимой государственности для всех наций Туркестана, о самоопределении его народов...

Короче говоря, еще в 1917 году, он выдвигал те идеи, за которые мы боремся сейчас, в дни Перестройки. За это его назвали "пантюркистом", "панисламистом", "националистом", "агентом мировой буржуазии", за это преследовали агенты НКВД. Был наложен строжайший запрет не только на его труды, но даже на имя и если, кто-либо ненароком, случайно произносил его, то мог исчезнуть и исчезал навсегда.

Но кто же Он, этот человек, которого так боялись опричники нового строя?

Пророк, провидец, который, быть может знал, что в стране нашей в конце концов разразится политический и экономический хаос и мы будем присутствовать на похоронах великой Мечты, священной Веры "в лучезарный социализм"?

Нет, он был мыслителем, ученым-аналитиком, рыцарем чести, неистовым борцом-одиночкой, непревзойденным полемистом (о чем свидетельствует его знаменитая дикуссия с

деятелями Французской компартии). Он неукоснительно следовал одной из великих заповедей обычного степного права: "Правда превыше всего".

Прекрасно сознавая, что любая революция имеет два начала — Свободы и Насилия, Он отвергал последнее. Отвергал имперскую политику большевизма, отвергал негласный апартеид и унижение народов бывших колоний России. Он с самого начала бросил вызов зарождающейся диктатуре силы, небывалому по своей жестокости тоталитарному режиму, его унифицированной идеологии, сводящей на нет историю, традиции, обычаи, культуру, язык и вековой уклад жизни народов.

Но где же лежат истоки, давшие ему силу для столь неистовой одиночной атаки на стальные стены сталинского режима? Ведь его подвиг нельзя считать донкихотством. Он вел осознанную борьбу, он открывал глаза "просвещенной Европы" на правду жизни народов Средней Азии и Казахстана 20-х, 30-х, 40-х годов двадцатого века, опираясь не на слова, а только на факты — факты взятые из самой партийной печати: "Правда" и местных партийных газет, из журнала "За партию", в которых нет-нет да и прорывались строки жестокой действительности, несмотря на строжайшую цензуру.

Но чтобы по-настоящему познать истоки, питавшие его и рассказать о его жизни и понять смысл его деяний, нужно сделать глубинный экскурс в историю народа, тем более, что эта история тоже мало известна нашему поколению и поколению наших детей и внуков...

Это нужно и потому, что Дороги истории — это дороги людей, а испытания, выпавшие на долю людей, на долю народа, как в капле, отражаются на судьбах его лучших сыновей...

Итак, история.

Плутарх в своих "Моралиях" утверждает, что Парисатида, мать двух великих царей Ирана, Кира Младшего и Артаксеркса Мнемона, правивших в четырехсотых годах до нашей эры, сказала как-то, что если кто захочет вольно говорить с царем, то тому надобны шелковые слова.

Спустя две тысячи лет Касымхан Праведный, возродивший в 1456 году казахское государство (В книге "Западная Азия" русские историки прошлого века сообщали, что "киргиз-кайсаки самый многочисленный народ Азиатской России и вместе с тем, самый наиважнейший среди всех тюркоязычных. Они занимают пространство между Волгой, Тяньшанем и Обью. О них упоминают китайцы с V века, но

в X в. они утратили свое политическое могущество"), и укрепивши это государство как мощную державу, утверждая своей волей "Бес Жырга" — "Пять Истин", Пять основ Обычного степного права Казахии (спустя еще два столетия славный Таукехан дополнит эти "Основы" и назовет "Жеты Жырга" — "Семь Истин", "Семь основ") повелел первую строчку "Жырги" начать со слов, ставших с тех пор в степи крылатыми: "Можно отсечь голову, но нельзя отрезать язык!" Так подчеркивалась не просто сила Слова, сила Правдивого слова.

Правду невозмо убить: до сих пор, вот уже более четырехсот лет, из уст в уста в степи передают народную поэму "Жармак" (Ермак) о подвиге народного мстителя, молодого охотника-батыра Сатбека, победив охрану, ворвавшегося в палатку Ермака Тимофеевича и, в единоборстве, сбросившего с крутого берега ненавистного казачьего атамана-карателя потопившего в крови сотни аулов Прииртышья, в воды великой реки.

Истина и то, что на казахской земле воздвигнут монумент в честь этого конкистадора в городе названном его именем — Ермак. А на имя Сатбека и поэму "Жармак" наложен запрет еще в прошлом веке и действует он по сей день. Таковы парадоксы Истории.

Правда не наказуема, она превыше всего и потому о ней без лести, без шелковитости можно говорить и с царем, и с палачем.

Особенно, если ты идешь по пути чести и достоинства и отстаиваешь Правду во имя свободы и справедливости для своего народа.

С тех далеких дней, когда глашатаи Касымхана разнесли по степи крылатые слова "Жырги" тоже прошло немало времени. "Неподкупность, справедливость судьи должна быть подобна лезвию, рассекающему на равные доли в длину даже конский волос", говорилось в "Жырге". Оно так и было в степи.

Смелость в отстаивании правды, достоинства и чести всегда почиталась в Казахии. "Жырга" каждой своей строкой утверждала, что перед Правдой все равны. И поэты-воины от Казтугана (XV век) до могучего Бухаржырау (XVII-XVIII века), а после до Суюнбая (XIX век), великие бии Айтеке, Толе, Казыбек (XVII-XVIII века) утверждали Правду жизни, правду Истории. Не ханы и султаны, а они, эти праведники, пользовались любовью и доверием народа. Так было, пока Казахия сохраняла свою независимость, пока бездарные ханы, пришедшие после Таукехана, не затеяли междуусобную

грызню, прибегая к помощи со стороны и в конце концов, превратили степь в арену бесконечных нашествий чужеземцев.

После долгих, мучительных раздумий, вновь и вновь возвращаясь к мысли о воссоединении с одним из двух великих соседов, настойчиво навязывавших свою дружбу с юго-востока и северо-запада, наши предки подписали паритетный Договор с Россией в надежде на равноправное, совместное движение по дорогам времени. Тем более, что предки нынешних казахов и кипчаки, и половцы не раз на протяжении многовековой истории приходили на помощь русским князьям, Руси, содействуя ее укреплению, росту ее могущества... Но как это часто бывало в истории, Российская империя, не имевшая колонии вне своей метрополии, с небывалым цинизмом и изощренностью, с помощью генералов-карателей и казачества, начала подминать под себя великую Казахию. Не раз поднималась степь против колонизаторов. О, сколько батыров вставало на пути карателей: Сырым, Кенесары, Наурызбай, Садык, Исатай, Махамбет, Сыбанкул, Есет, Бекет, Бекболат... В XVIII веке Аблайхан, умело лавируя между Китаем и Россией, пытался вернуть Казахии былую независимость, былую гордость... Но русское оружие оказалось сильнее и к семидесятым годам XIX века последние залпы пушек карательной армии генерала Черняева, вдребезги разнесшие мирные стены городов Туркестана, Чимкента, Аулиеаты, возвестили о том, что к 80-ым годам XIX века Казахия стала самой большой и самой бесправной колонией России на Востоке. Чимкент был переименован в Черняев, как Акмечеть в Перовск, Кереку в Павлодар, Кзылжар в Петропавловск, Алматы в Верный... Для властителей империи предстояло осуществить самые грандиозные планы по изгнанию и уничтожению казахов и по обустройству переселенцев из России, которые должны были заново обжить эти земли. Ведь колония находилась ни где-то, а почти внутри самой России. Значит она действительно должна стать частью Руси. Должна быть полностью руссифицирована.

Так начался ползучий, порой обретавший самые изощренные, жесточайшие формы геноцид по отношению к казахскому народу.

Открытость, гордость, доверительность и детская непосредственность в характере, радушие и гостеприимство моего народа умело использовались колонизаторами. "Жеты Жырга" была растоптана, уничтожена...

XX век начался с еще более усиленного истребления народа (1904-1905) и изгнания его с исторической родины. Казахский язык был вытеснен из всех сфер делового общения. Семиверстные, а затем семидесятиверстные полосы по берегам рек, озер, лучшие сенокосные угодья и пастбища колонизаторы "законно закрепили" за переселенцами и казачеством, а коренных жителей изгнали в пустыни, пески, тайгу. Поощряли предателей, льстецов, натравливали один род на другой. За смелое правдивое слово казнили, бросали в шахты, в свинцовые рудники, как и непокорных сынов самой России, которых привозили этапом в Казахстан. Пули и сабельные удары были уделом любого праведника. Отняли не только право говорить правду, но даже собственное имя народа. Слово **казах** должно было исчезнуть со страниц истории... Такой изощренности не знала история колонизации ни старого, ни нового света. Называя нас кочевниками, хотя казахи наряду со скотоводством занимались и земледелием на протяжении многих веков. Например, к 1880 году у казахов было более одного миллиона десятин пашен. Впрочем, термин кочевники используется, когда делаются попытки как-то обосновать имперские притязания на Казахию. Такую тактику использовал и А. Солженицин, оправдывая свою мысль о создании могучей славянской державы. Выступая в роли Евро-азиатского жандарма, Имперская Россия затормозила развитие не только казахов, всех народов Средней Азии, всего Туркестанского края, но и свое собственное развитие по пути прогресса. Быть может этому способствовало и то, что россияне никогда не уделяли особого внимания облагораживанию, уходу за своими богатыми, щедрыми на дары лесами и полями. Их всегда привлекали чужие земли, чужие края, чужие богатства, они стремились быть первопроходцами, первооткрывателями и если по этим признакам судить о кочевничестве, то россияне могут считаться самыми великими кочевниками всех времен и народов. А казахи, никогда не стремившиеся покидать ареал своего обитания (только насилие вынуждало их оставлять родину), в этом смысле не идут ни в какое сравнение со своими братьями россиянами.

С начала XX века усилилось разбойничье растаскивание природных богатств, богатств недр Казахстана: золота, серебра, каменного угля, железной руды, вольфрама, меди, цинка, нефти... Начались еще более жестокие гонения на коренных жителей. Были уничтожены почти все общественные институты. Фактически, народы Центральной Азии

обрели неписанный статус рабов России, богатства их земель стали достоянием властителей Империи.

В среде туркестанцев революция 1905 года зародила первую надежду на возможность политической деятельности. Но жестокость и репрессивность Столыпинской реакции свела на нет все надежды. Столыпинские реформы, столь ностальгически подаваемые читателям сейчас, в годы Перестройки, сторонниками сохранения "империи" (даже забыв о "столыпинских галстуках"), и в том числе А. Солженициным, как мудрые и дальновидные, — эти реформы были направлены на защиту русского помещика от гнева безземельных крестьян, от агрессивности голытьбы. Реформы Столыпина должны были направить и направили эту темную силу в первую очередь на Казахию: " Идите, берите у них землю и скот. Они ваши враги. Мы поможем вам изгнать их, они должны стать вашими батраками, рабами". В этих реформах царская Россия видела спасение от надвигающейся революции. При Столыпине туркестанцев начисто лишили даже проблесков политического развития. Им было категорически отказано иметь своего представителя в Государственной думе. Это было крайним унижением достоинства и чести народов Средней Азии и Казахстана. Ярмо колониализма стальным обручем стянуло их шею. Но народы не могли свыкнуться с имперским диктатом, как и с произволом своих продажных деспотов, и в 1916 году гнев народа выплеснулся наружу. Восстание охватило весь Туркестан. Но оно не имело централизованного руководства, было стихийным, раздробленным и вновь захлебнулось в крови, тысячи кишлаков и аулов были сожжены, сотни тысяч мирных жителей изрублены, расстреляны, миллионы покинули обжитые места. Но сама предтеча восстания все же дала свои плоды в том смысле, что проявились и обозначились новые ростки национальной интеллигенции. В тяжелейших условиях рабства, под неусыпным надзором царской охранки новая поросль интеллектуалов Туркестана (на протяжении минувших тысячелетий давшего миру многих величайших ученых и заложивших основы многих цивилизаций еще до рождества Христова) пытались объединить свои усилия во имя будущего своих народов. И первым шагом на этом пути стало внедрение представителя Туркестана в Политическое бюро, организованное в Мусульманской фракции (из мусульман Европейской части России: татар, башкир, азербайджанцев...) в самой Государственной Думе, чтобы получить возможность использовать ее трибуну для оглашения Правды о произволе колонизаторов в Туркестане. И первым человеком

представлявшим в этом бюро интересы народов Средней Азии и Казахстана стал Мустафа Шокай-улы. И первую же речь — речь, ставшую сенсационной для Думы, 24-летний Мустафа посвятил разоблачению колониальной политики царизма в русской Центральной Азии...[1]

Мустафа был уроженцем Ак-мечети (Кзыл-Орда), его предки по отцовской линии принадлежали к известному аристократическому клану торайгыров из кипчакского рода. Он был внуком знаменитого Торгай-датхана и сыном смелого Шокай-бека, по материнской линии он был выходцем из династии казахских ханов Хивы. И естественно, что все эти данные подчеркивают, что он мог получить подобающее воспитание в семье, и не рождает никаких сомнений в его познании "Жеты Жырги". Начальное образование Мустафа получил в ауле. Вероятно от родителей. Затем, вместе с Александром Керенским на отлично окончил русскую гимназию в Ташкенте и с отличием завершил юридический факультет Петербургского университета. Став главой Временного правительства Керенский предложил Мустафе Шокай-улы портфель министра в своем кабинете, но Мустафа не принял предложения.

Блестяще зная историю Туркестана — страны тюрков, он мог прекрасно излагать свои взгляды на развитие культуры, политики и юриспруденции не только на тюркском языке, но и на таджикском, русском, английском, французском, немецком. И то, что он стал первым и на какое-то время единственным представителем народов Туркестана в Политическом бюро Мусульманской фракции Государственной Думы было естественным и закономерным, ибо исторические обстоятельства, события тех времен привели молодого Мустафу к этой стезе, предопределив его дальнейшую судьбу, как легендарной личности, наделенной высочайшим чувством ответственности и самопожертвования в трудной и архисложной идеологической и политической борьбе с небывалой тоталитарной системой, во имя равенства и свободы народов Туркестана. За их избавление от физических унижений и духовного рабства. Он не свернул со своего пути до самой гибели. Остался верен древней заповеди, заключенной в строках "Жырги". Такими были и его друзья-соплеменники выдающиеся лидеры казахской национальной интеллигенции Алихан Букейханов, ставший членом Думы и Ахмед Байтурсунов, а также национальные лидеры других народов

1 "Яш Туркестан" ("Молодой Туркестан"), Париж, 1949-50 гг.

Туркестана, с которыми он близко познакомился и сдружился в Петербурге. Эта немногочисленная группа сплотилась и выступала против карательной политики царизма на Востоке.

Мустафа Шокай сыграл решающую роль в том, что Дума приняла меры к прекращению насилия и террора, что была создана следственная комиссия для расследования зверств казачества и карателей по отношению к восставшим в 1916 году. Мустафа Шокай передал следствию документы и факты о насилии над мирным населением, факты мародерства, насилования и убийств женщин, указал число и название разрушенных, сожженных, разграбленных аулов, кишлаков и городов. Сам Мустафа Шокай возглавлял комиссию представителей по защите прав народов Туркестана в Учредительном собрании. Одновременно группа Мустафы Шокая готовилась к созданию в Туркестане национальных автономий в составе единой Туркестанской федерации. К этой мысли его подводила революционная ситуация в России; свержение монархии, Февральская революция 1917 года, создание временного правительства. Но именно Временное правительство однозначно высказалось против самоопределения народов Туркестана, за продолжение имперской политики. Мустафа Шокай в этой связи вспоминает, как перед отъездом из Петербурга в Туркестан, он зашел к председателю Петербургского совета солдатских и рабочих депутатов, лидеру социал-демократической фракции IV Государственной Думы Н. С. Чхеидзе, с которым он был знаком задолго до революции. Когда Чхеидзе спросил о предстоящих планах, Мустафа ответил, что будет добиваться автономии для Туркестана и займется подготовительной работой. Чхеидзе испугался ответа Мустафы: "Ради бога, товарищ Чокаев, не говорите вашим соотечественникам об автономии, ибо, во-первых, сейчас еще рано говорить об этом, а во-вторых, автономия в такой стране, как ваш Туркестан, где население совершенно другой культуры, крови, языка, религии, это будет верным шагом к сепаратизму, а сепаратизм вне революционной и демократической России будет не на пользу вашему народу".[2] Так что никто не собирался допускать создание суверенной автономии, а тем более конфедерации в "Русской" Центральной Азии. Имперская пол-

---

"Яш Туркестан". Памяти Мустафа Чокай-Бея. Париж, 1949-50 гг. с. 6.

итика продолжалась. Все должно было происходить только с разрешения и повеления центральной власти, теперь уже большевистской. В Ташкенте и Верном, в Пишпеке, Бухаре, Самарканде и Ашхабаде по прежнему шло упрочение русского господства, теперь уже под лозунгом "новой революционной национальной политики". Большевики и левые социал-демократы революционеры после Февральской революции осуществили в Ташкенте массовый террор, воспользовавшись неожиданной поддержкой местной русской общины, состоящей из офицеров, солдат, купцов, чиновников царской администрации, которые враждебно относясь к большевикам, все же объединились с ними, ибо основная угроза для империи, в их понимании, исходит от туземцев. Массовый террор прокатился по всем городам Средней Азии и Казахстана. Антирусские настроения вновь усилились. В целях противодействия новой волне насилия, были созданы мусульманские политические организации: Ассоциация ученых ("Улема Джаминати") и Исламский совет (Шура-и-Ислами"), а также казахская национальная партия "Алаш-Орда". Объединив усилия, в марте 1917 года они созвали в Ташкенте Конгресс мусульман Туркестана, на котором избрали Центральный Комитет и создали Мусульманский центр.

В Центре были представлены все регионы Туркестана, в его состав вошли известные лидеры национальных движений, такие, как Махмуд Бехбуди (Бухара), Убайдулла Ходжаев, Асадулла Ходжаев (Ташкент), Насирхан Торе (Фергана), Мухамеджан Тынышпаев (Жетысу), Ораз Сардар (Туркмения) и другие. Возглавлял Центр Мустафа Шокайулы.

В апреле 1917 года в Петербурге большевики на своей конференции (тогда они выступали как фракция социал-демократической партии) заявили: — "Угнетенным народам, входящим в состав России, должно быть представлено право самим решать — хотят ли они оставаться в составе российского государства или выделиться в самостоятельное государство... (не напоминает ли это заявление вопросы вынесенные на Всесоюзный референдум 17 марта 1991 года? Не подтверждение ли это мысли о том, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй — как фарс? Но подождем делать выводы о

---

3 "Революция и национальный вопрос". Из-во Комакадемии. Москва, 1930, т. 3, с. 8.

референдуме, они скажутся не очень скоро, а посмотрим чем завершились апрельские заявления 1917 года).

В резолюции, принятой на той Конференции было записано:

"За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захвата или анексcии".[4] Точнее, яснее и гуманнее по отношению к народам, чьи права попирались царизмом, не скажешь!

Чуть позже большевики обратились с Возванием к трудящимся мусульманам России и Востока:

"Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не давайте им больше на разграбление ваших пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить жизнь свою по образу своему и подобию!..."[5] Это ли не поддержка мечты туркестанцев об автономии!? Это ли не свобода?!

Мусульманский центр в своих, только что основанных газетах "Улуг Туркестан" ("Великий Туркестан") и "Бирлик туы" ("Знамя единства"), опираясь на призыв большевиков начал подготовку к созданию автономии. Если "Улуг Туркестан" выходил под эгидой членов Центра во главе с Мустафой Шокай-улы, то "Бирлик туы" стала органом казахской национальной партии "Алаш-Орда" и редактировалась одним их лидеров этой партии Мирякубом Дулатовым. Перед усиливающимся противостоянием русской, бывшей царской, администрации и ее окружения на местах, объединялись все национальные политические партии Туркестана.

Октябрьскую социалистическую революцию туркестанцы встретили с ликованием в надежде на осуществление своей мечты о равенстве. Но Совет народных комиссаров Туркестана, образованный в Ташкенте 16 ноября 1917 года опрокинул все надежды. Среди 17 членов совнаркома не оказалось ни одного туркестанца. За день до открытия первого заседания совнаркома, его председатель, большевик Колесов заявил, что **"нельзя включать мусульман в Верховный орган не только потому, что у них нет ни одной пролетарской**

"Революция и национальный вопрос". Из-во Комакадемии. Москва, 1930, т. 3, с. 26.
Там же, с. 26.

организации, но и потому, что отношение местного населения к ним неоднозначно".[6]

3-ий Туркестанский съезд советов в своей резолюции от 19 ноября 1917 года решительно заявил:

"Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым".

Вновь унижения. Вновь нанесена пощечина по чести и достоинству народов Средней Азии и Казахстана. Прошло еще немного времени и из большевистского Центра донесся окрик Сталина, поставивший все точки над "и":

"Требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контр-революционно!"[7] Национальные лидеры Туркестана и в том числе Мустафа Шокай были объявлены сепаратистами. Все былые лозунги и призывы "Θ устроить жизнь свою по образу своему и подобию"Θ оказались пустым звуком, а точнее их можно считать подстрекательством на выявление особо активных борцов за равенство и автономию наций, чтобы затем, наклеив ярлыки, убрать с дороги. Но Мустафа Шокай и его сподвижники не стали отказываться от своих идей. 22 ноября 1917 года в Коканде состоялся Всетуркестанский конгресс всех политических движений и партий, где было объявлено о создании Кокандской автономии. Его первым президентом был избран Мустафа Шокай. В принятых документах говорилось о политической, национальной, культурной и правовой самостоятельности. Экономические связи с Россией должны были строиться на основе равенства и учета взаимных интересов. В декабре 1917 года в Оренбурге было образовано казахское правительство во главе с лидером "Алаш-Орды" Алиханом Букейхановым. Так туркестанцы пытались сделать первый шаг по пути возрождения своей государственности, чтобы вновь стать хозяевами своей собственной судьбы. НоΘ в январе 1918 года Совнарком Ташкента принял решение ликвидировать "параллельное мусульманское правительство". Были мобилизованы (быстро и тайно) части красногвардейцев Ташкентского гарнизона, милиции, отряды вооруженных рабочих, казаки-кавалеристы, все имеющиеся артиллерийские и пушечные расчеты. В ночь с 5 на 6 января Коканд был плот-

6 Тагеев Б.Р. "В долине роз и крови". Москва, Госиздат. 1927, с. 68.
7 Журнал "Народное хозяйство", № 9, декабрь, 1920, Баку.

но окружен. Утром начался штурм. Немногочисленные, плохо вооруженные защитники города были разбиты, уничтожены. Коканд был отдан на растерзание победителям, разграблен дотла. Началась поголовная охота за людьми, насилие над женщинами, мародерство, расстреливали без суда и следствия сотнями, не оставляя свидетелей. Тысячами уничтожали во рву за городской стеной, сжигали и разрушали все, что можно было сжечь и разрушить. Из двухсот тысяч жителей города в живых удалось остаться лишь одной четверти населения. Таков был акт устрашения, чтобы больше нигде и никто в Туркестане не смел организовывать автономии без согласия центра. После такая же участь постигла и правительство Казахской автономии под эгидой "Алаш-Орды". Члены правительства Коканда были казнены, чудом оставшихся в живых арестовали. Благодаря смелости и мужеству группы джигитов из числа защитников города, Мустафе Шокаю удалось вырваться из огненного кольца. Он попал к партизанам (позже их назовут басмачами), а затем в одиночку, нелегально добрался до независимой в те годы Грузии и сразу же активно включился в демократическое движение кавказских народов. Выступал он на собраниях и митингах, со страниц газет рассказывал о положении в Туркестане. В Тифлисе он встречается с делегацией Социалистического интернационала и в беседе с главой делегации Пьером Реноделем создает полную картину политической обстановки в Средней Азии и Казахстане. "Он говорил об этом со знанием дела, — вспоминает после Ренодель, — и полным пониманием обстановки. Так как он принадлежит к самым культурным людям своей страны. Чокаев говорил с нами не как социалист, но как демократ, который несомненно, приветствовал бы большевистский переворот в Русской революции, если бы этот переворот в Русской революции дал его стране демократию и свободу",[8] — подчеркивает Пьер Ренодель.

Гуманист, демократ, человек энциклопедических знаний, исторических основ культурной связи народов Средней Азии и Кавказа, человек огромной работоспособности, интернационалист по духу своему, Мустафа Шокай-улы за короткое время пребывания в Грузии сумел обрести немало друзей и сторонников трудной борьбы народов Туркестана за свое равенство, также, как сторонников борьбы народов Кавказа в Туркестане.

Мустафа Чокай-оглы "Туркестан под властью Советов". Англия, Оксфорд, 1986, с. 31.

В 1920 году, когда Красная армия вошла в Грузию, Мустафа Шокай перешел границу Турции, оттуда переехал в Берлин, затем во Францию и, наконец, обосновался в пригороде Парижа и, в первую очередь, обратился к Версальской конференции, чтобы привлечь ее внимание к трагической судьбе народов Центральной Азии. Так мир узнал о Правде жизни туркестанцев до и после начала революции.

С тех пор, на протяжении более двух десятилетий, Мустафа Шокай, как истинный и неистовый праведник, вел неутомимую работу по защите интересов коренных жителей Центральной Азии: узбеков, таджиков, казахов, киргизов, туркмен, кара-калпаков...

Рассказывая о их древней истории, о богатейшем культурном и научном наследии Абу Наср аль Фараби, Фирдоуси и Рудаки, Бируни, аль-Хорезми, Авиценны, Улугбека и Навои, Абая и Махтумкули... о гуннах и кушанской империи, государствах усуней, канглы-кыпчаков, о тюркском каганате, о Парфянах, Согдиане и бактрицах, о временах Чингисхана и Батыя, Тамерлана и Бабура, о Касымхане Праведном и великом Хак-Назаре..., он не раз вспоминал и о заповедях "Жырги", которым он следовал, как сын древней Казахии. Мустафа Шокай, как просветитель-демократ завоевал огромную популярность среди интеллигенции Запада, особенно среди тех, кого интересовала история Востока и судьба народов Центральной Азии.

По свидетельству очевидцев он одинаково блистательно выражал свои мысли на английском и французском, немецком и турецком, там же в Европе выучил арабский. Энциклопедист и полиглот, непревзойденный полемист, популярный публицист, он был желанным гостем и в кругу дипломатов и политиков, ученых и интеллектуалов...

Мустафа Шокай организует и участвует в издании журналов и газет, освещающих жизнь народов Туркестана. В Стамбуле и Париже, Берлине и Лондоне, в Варшаве печатает свои статьи, теоретические исследования, исторические и политические обзоры о Советской России и Центральной Азии, основанные на конкретных примерах и фактах, взятых из большевистских газет и журналов, печатающихся в Москве, Ташкенте, Алма-Ате, Оренбурге. Но главное внимание он уделяет своим детищам, журналам "Жана Туркестан" ("Новый Туркестан"), издававшемуся в Стамбуле и "Жас Туркестан" ("Молодой Туркестан") выходившему в свет в Берлине и активно содействует публикации вестников Русского Императорского общества "Азиатское ревю",

продолжавших выходить на английском в Лондоне, на французском в Париже и на польском в Варшаве. Он становится признанным вожаком мусульманской эмиграции не только в западных странах, но и в Турции, Китае, Америке...

Четкость и ясность его позиции "... в сфере мысли и дела привели к тому, что в очень короткое время, и несмотря на то, что он был сравнительно молод, он возвысился до положения лидера огромной страны, — пишет выдающийся ученый и общественный деятель Турции, доктор Тахир Чагатай. — Это его положение признается не только всеми слоями его соотечественников, но в то же время всеми, будь то друг или враг движения. Тот факт, что большевистская Россия разъясняет и освещает все трудности, встречаемые ею в Туркестане, связывая их с именем Мустафы Чокая, является самым ярким доказательством вышесказанному. Впрочем, самый важный фронт Мустафы Чокая — это свойство большой гуманности, которое внушает его врагам уважение, а иногда даже симпатию".[9]

Он пристально следил за всем, что происходило в России, на его родине — в Туркестане, он принимал близко к сердцу факты диктата, насилия и глумления над коренными жителями Средней Азии и Казахстана, о которых, хотя и редко, но с возмущением говорили даже сами большевики. Например, один из очередных председателей совета народных комиссаров Туркестана К. Сорокин (репрессирован в 30-х годах) констатировал: "... От мусульман отбирают все, и не только отбирают, но и убивают их. Наши солдаты вместо защиты несут грабежи и убийства... население терроризировано и бежит... Но может быть, возразит кто-нибудь, что это-де не партия, а Красная армия чинит насилия. Но партия стоит во главе... партийные товарищи... не принимают никаких мер для улучшения положения... процветают пьянство и безобразия, и, конечно, партия несет на себе вину за это. Мусульманский пролетариат просит помощи у русских, но те отвечают, что не доверяют им. Мусульман травят, убивают... Мусульманская беднота терпит от наших отрядов, уничтожающих без разбора их имущество, жен и детей... вполне понятно, каким образом

"Яш Туркестан". "Памяти Мустафы Чокай-бея". Париж, 1949-50 г. с. 23.

они могут относиться к нам дружески, когда видят только оскорбления? Мы сами делаем их националистами...[10]

Разве мог Мустафа Шокай спокойно отнестись к имперским заявлениям такого заслуженного большевика, одного из руководителей компартии Туркестана, делегата VIII съезда партии Ивана Тоболина: **"казахи, как экономически слабые с точки зрения марксистов, все равно должны будут вымереть..."**[11] И их умерщвляли. Умерщвляли планомерно тысячами, миллионами, продолжая политику геноцида, начатую еще при царизме. Конечно, голод, гражданская война уносили миллионы жизней и русских, и украинцев, всех народов России и ее окраин. Но такого категоричного, осознанного, преднамеренного "теоретически обоснованного" с "точки зрения марксистов" — "должны... вымереть", — такого страшного антиисторического, античеловеческого приговора целому народу не выносил никто. В истории цивилизации навряд ли найдется такой пример.

По свидетельству газеты "Правда" № 111 от 20 мая 1922 года"... в 1917, 1918, 1919 гг. киргизов (казахов) сжигали живьем, чтобы захватить их землю!!. "... на них охотились. Они были обречены на вымирание"... "Многие их участки захватывались для того, чтобы помешать прогону скота. На кочевых дорогах строились засеки, чтобы облагать контрибуцией всех прогонявших скот".

Можно только предполагать — с каким чувством боли, горечи и гнева Мустафа Шокай узнавал со страниц советской прессы о том, что только за 1919 год было умерщвлено "один миллион сто четырнадцать тысяч казахов".[12]

И мог ли он, этот великий праведник, гуманист и демократ, объявленный "врагом народа", "пантюркистом", "агентом мировой буржуазии", "турецким шпионом", преследуемый по пятам агентами НКВД — мог ли он примириться с тем, что постоянно удлинялся список казненных и репресированных и без того немногочисленных ученых, писателей, общественных деятелей — лучших сынов и дочерей таджиков и узбеков, туркмен и киргизов, и в том числе его соплеменников, выдающихся лидеров казахской нации Ахмета Байтурсунова, Алихана Букейханова, Мирякуба Дулатова, Халила и Жанши Досмухамбетовых, Жусупбека

Рыскулов Турар "Революция и коренное население Туркестана". Госиздат, Ташкент, 1925, с. 101.

Рыскулов Турар "Революция и коренное население Туркестана". Предисловие. С. XII.

Там же, с. 77.

Аймаутова, Магжана Жумабаева, Мухамеджана Тынышпаева, Исмаила Садвакасова, Турара Рыскулова, Кошке Кемен-гер-улы, Сакена Сейфуллина, Ильяса Жансугурова, Беимбета МайлинаӨ списку нет конца. Отсекали не только голову, но и язык народа — его культуру, литературу, измывались над его древними традициями, заменяли алфавит, на котором народ создавал свои древние книги, сделали все, чтобы навсегда лишить его исторической памяти.

Мустафа еще не знал, что впереди страшная война, в которой сыны казахов проявят бесстрашие и героизм, защищая Украину, Белоруссию, Россию — свое большое Отечество; он не мог знать, что после войны продолжатся репрессии и даже после смерти Сталина в 1953 году будут обвинены в "национализме" и осуждены многие студенты казахских вузов, ученые, писатели, что преследованиям подвергнется сам президент Национальной академии Каныш Сатпаев, писатели-ученые Мухтар Ауэзов, Хажим Жумалиев, Есмагамбет Исмаилов, историки Е. Бекмаханов, Б. Сулейменов...

Мустафа Шокай выступал как просветитель, как глашатай древней и богатейшей культуры и истории народов Средней Азии и Казахстана, пропагандистом трудов гениальных ученых-энциклопедистов Центральной Азии. Он неустанно просвещал и напоминал западному миру о Туркестане.

"Деятельность Мустафы в Париже, Лондоне, Женеве и других центрах запада была настолько разнообразна и плодотворна, что не поддается учету", — пишет бывший член Государственной Думы и министр иностранных дел Грузии А. Чхенвели и сообщает: "В основанном нами обществе "дружба народов Кавказа, Туркестана и Украины" он естественно занимал подобающее его обширной стране местоӨ имя Мустафы стало известно широкой публике не только в Туркестане, но и во всем Советском Союзе, о чем свидетельствовали получаемые оттуда, разными способами газеты и брошюры. Не раз приходилось слышать от изредка попадавших сюда туркестанцев изумление, что поднятый вокруг Туркестана шум исходил только от одного человекаӨ

При передаче сведений Мустафа всегда был добросовестен, ничего не преувеличивал, скорее преуменьшал, чувствуя на себе большую ответственность".[13]

Только труд, только полная жертвенная отдача всего себя во имя огласки Правды о нескончаемой трагедии своего народа с восьмидесятых годов прошлого века и до сороковых

"Яш Туркестан". Париж. "Памяти Мустафа Чокай-Бея". с. 28.

годов двадцатого века стали стимулом к действию и целью жизни Мустафы Шокая. Он был и остался до конца человеком идеи и действия.

"Когда спросили одного европейца, друга Туркестана, почему он так любит Мустафу Чокая, он ответил: "Потому что Мустафа Чокай является такой личностью, которая в единственном числе может представлять эту огромную страну. Идея и любовь Туркестана нашли в его лице свое выражение в полном смысле этого слова", — вспоминает доктор Тахир Чагатай.

"Высокая гуманность, доброта сердца, верность дружбе, верность раз данному слову — вот черты, которыми характеризовали Мустафу Бея, — пишет бывший министр иностранных дел Украины, профессор А. Шульгин. — Но, помимо этой чисто моральной его сущности, в нем было еще редкое умение проникнуть в самые основы общечеловеческой культуры. Туркестанец до мозга костей, он великолепно понимал русскую жизнь..."[14]

Знаток русской литературы, поклонник Пушкина и Достоевского, внимательный читатель трудов русских востоковедов Тураева, Бартольда, Левшина, Миллера, Потанина, глубокий почитатель гуманизма и демократичности передовой интеллигенции России, Мустафа Шокай никогда не отождествлял царских карателей и послеоктябрьских палачей с русским народом. Он умел отделять зерна от плевел. Он ясно сознавал, что террор и дискриминация по отношению к коренному населению Туркестана — это старая имперская доктрина, взятая на вооружение новым центром. Факты, многочисленные, неоспоримые факты убеждали его в этом. Десятками тысяч сгоняли теперь казахов на места новых строек. Их использовали как рабов, почти без оплаты труда, за ночлег и похлебку, за копейки, без медицинского обслуживания, на самых тяжелых участках работы. Начинался новый, еще более жестокий этап выкачивания богатства недр Казахстана. Национальных специалистов не готовили, а если кое-кому и удавалось получить техническое образование, то их участь была такой же, что и у остальных. Им, как и прежде, не доверяли. Более сорока тысяч чернорабочих погибли от недоедания и болезней на строительстве Балхаша, сотни тысяч на строительстве шахт Караганды, в рудниках, на шахтах, на строительстве Турксиба, на местах добычи нефти...

---

14 "Яш Туркестан". Париж. "Памяти Мустафа Чокай-Бея". с. 28.

"Чтобы понять трагизм казахской бедноты и весь цинизм советского Правительства, — писал Мустафа Шокай, — надо знать, что при царском режиме у казахского народа было отобрано около 40 млн. десятин лучшей земли в пользу русских переселенцев, что советское правительство обещало, именем национально-освободительной революции, "именем мирового революционного пролетариата", что земельная несправедливость павшего режима будет исправлена, что казахам будет возвращена отобранная земля, что на казахские земли переселенцы допущены не будут".[15]

После голода 20-23 годов, унесшего еще не менее миллиона жизней, в 1927-1928 годах в Казахстане был разработан знаменитый план "Малого Октября". Для проведения в жизнь этой кампании нужно было отнять весь хлеб, весь скот и имущество, и, не считаясь с установившимся укладом жизни, каждую осень сгонять казахов в "города из юрт и оставлять их там без пищи, без скота, без топлива, без транспорта. За зиму и весну люди погибали, а остальные умирали, скитаясь по дорогам. Голодные бунты потоплялись в крови. Таким методом с 1929 по 1933 годы уничтожено еще две трети оставшегося казахского населения. Степь освобождалась для будущих покорителей целины, для узников Карлага, Степлага, Алжира (Акмолинского лагеря жен изменников Родины), для репрессированных народов: корейцев, немцев, греков, чеченцев и ингушей, крымских татар...

Начинался же "Малый Октябрь" с погромов, организованных руководителями одного из участков строительства Турксиба в Сергиуполе, коммунистами Ильей Галковым, Василием Соловьевым, Николаем Рыбиным. 31 декабря 1928 года (об этом писала газета "Советская степь" от 30 января 1929 года)...

Таким образом, самая тяжелая, самая жестокая участь среди республик Центральной Азии, на первые двадцать лет Советской власти выпала на долю Казахстана и потому, естественно, Мустафа Шокай с беспокойством, в глубокой тревоге ждал итоги переписи населения в 1937 году. Но так и не дождался. Ее данные были объявлены дефектными и засекречены. Организаторы переписи были репрессированы, и непосредственные и косвенные участники переписи в Казахстане и на Украине были расстреляны, в силу того, что число граждан этих республик за одиннадцать лет, прошедших со

Мустафа Чокай-бей "Туркестан под властью Советов". Оксфорд, 1985, с. 88.

времен переписи в 1926 году, резко уменьшилось. "Что же до остальных республик и областей, то они отличаются большим естественным приростом населения: Узбекская ССР (+28,8%), Таджикская ССР (+34,6%), Туркмения (+18,8%), Киргизия (+37,2%), Азербайджан (+32,8%), Армения (+38,6%), Грузия (+27,3%), Дагестан (+28,3%) и т. д."

По РСФСР с 93.107.796 чел. в 1926 году до 103.967. 925 чел. в 1937 году.

Численность населения Украины с 28.925.976 человек в 1926 году упала до 28.387.609 человек в 1937 году и это несмотря на то, что дети рождались и там.

Но давайте последим за "... Динамикой населения Казахстана за период 1930-1936 годы (на 1 июня каждого года) по данным УНХУ Казахстана в тысячах человек: **1930 — 5873,0; 1931 — 5014,0; 1932 — 3227,0; 1933 — 2493,0; 1934 — 2681,8; 1935 — 2926,0; 1936 — 3287,9".**

Все эти данные опубликованы лишь в 1990 году в журнале "СоцИС" ("Социальные исследования") № 6. Там же приведен и такой факт "Украина дала в 1933 году 1.309 тыс. смертей или почти на 641 тысячу больше 1932 г., рождении 358,9 тыс. (против 782 тыс. в 1932 г.)". Подобных данных о Казахстане нет. Они, видимо, настолько ужасны, что были изъяты из строго засекреченного документа. Или их страшно публиковать и сейчас.

По свидетельству английского историка Конквиста в 1929-1933 годах именно Казахстан и Украина подверглись самому жестокому геноциду, но особенно Казахстан. Вот цифры: в 1926 году численность населения республики еще "составляла **6 млн. 687 тыс. 570 человек"** (к 1913 году только казахов в Казахстане было почти семь миллионов), а к 1933 году это число сократилось "**до 2 млн. 493 тыс. 500 человек**". И если добавить к этому, что за семь лет, прошедших с 1926 по 1933 годы в Казахстан переселились сами и были переселены по решению центра более миллиона русских, что казачество продолжало захватывать лучшие земли казахов; если учесть, что женщины все-же продолжали рожать, то получится, что за те же годы ушло в небытие и "должны были вымереть" не два и не три, а более четырех миллионов казахов. Из них в живых остались лишь те, которые сумели избежать казачьих пуль и нагаек во время голодного бунта или во время "ночных походов" карателей.

Но сколько их, оставшихся в живых и избежавших пуль палачей?

В документах той же засекреченной переписи говорится: "Число ушедших из Казахстана за пределы СССР за 1930-1932 годы составило 1,3 млн. человек... уход за пределы Ка-

захстана имел место и в 1933 году и общее число... около двух миллионов ушедших за этот период за пределы СССР".

Таковы факты. Такова история геноцида, начавшегося еще в конце прошлого века. Мустафа Шокай знал о гибели миллионов казахов, знал из рассказов тех, кто чудом добирался до Турции, попадал на Запад, знал, что те годы в республике были урожайными, что у казахов отбирали последнего ягненка, последнюю горсть зерна. Он даже пытался организовать продовольственную помощь соплеменникам. Но советские газеты писали в те годы о "счастливой жизни Советов". И Мустафа Шокай, собирая по крупице факты, сверяя, сопоставляя их, стремился разорвать пелену пропагандистской лжи и донести правду для читателей Запада и это ему не всегда удавалось, если учесть, что сам Сталин громогласно отрицал голод 1932-1933 годов, заявляя, что все это измышления врагов. Именно в то время Советский Союз посетил премьер-министр Франции Эдуард Эрис. Его возили в Киев, в Харьков, в украинские села и всюду он видел изобилие, магазины забитые продуктами. И он, естественно, верил Сталину и не знал, что в те же дни гибли от голода миллионы украинцев...

Исследовательская, просветительная, публицистическая деятельность Мустафы Шокая прервалась неожиданно. Он был схвачен эссесовцами 22 июня 1941 года, в день, когда Гитлер напал на Советский Союз. Вместе со всеми русскими эмигрантами, находившимися тогда во Франции, Мустафа Шокай был водворен в концлагерь Компьен под Парижем. По словам супруги Мустафы — Марии Чокай "он был потрясен" известием о нападении фашистов на СССР.

Две недели продержали Мустафу в Компьене и освободили также внезапно как и арестовывали.

"Вдруг вызывают меня в комендатуру и объявляют, что я свободен"[16], рассказывает он жене. Но дома он пробыл недолго, снова явились немцы и увезли в Германию. Там Мустафа Шокай встречался с пленными туркестанцами. Гитлеровцы пытались перетянуть его на свою сторону, использовать его авторитет в своих пропагандистских целях. Но Мустафа Шокай прекрасно понимал, что фашизм несет рабство и кабалу — кабалу всем народам России и Туркестана, а не только Европы... Он не мог сотрудничать с ними. Всю свою жизнь он посвятил борьбе за Правду, за достоинство и честь народов Туркестана, за его равенство и ни-

"Яш Туркестан", Париж, 1949-1950 гг., с. 8.

какая сила не могла свернуть его с избранного пути. Он остался верен своей большой Отчизне и встречаясь с военнопленными в концлагерях стремился поддержать их дух, вселить в них уверенность в будущую победу. А это не входило в планы немецкого командования.

В те дни "... Он был очень спокоен и ровен, но сердце у него было горячее, и всегда шло навстречу и на помощь своим близким не задумываясь о своей личной безопасности, — вспоминает А. Чхенвели, — ... в одном из лагерей военнопленных он своей храбростью спас от расстрела несколько десятков молодых грузин, принятых немцами за евреев и осужденных на расстрел. Он, рискуя жизнью, задержал исполнение приговора, объяснив ужасную ошибку..."

В его тяжелой напряженной жизни бывали часы и минуты, нежные, трогательные воспоминания о которых он пронес с собой до самой смерти. Мгновения эти были связаны со встречами с великим казахским певцом Амре Кашаубаевым. С помощью друзей первая такая встреча была организована на квартире у Мустафы глубокой ночью. Мустафа был заворожен голосом Амре, он не слушал, а скорее всего с жадностью впитывал в себя не только звуки песен, но и каждое слово Амре. Ностальгия по родине давала знать о себе. Слушая Амре, он физически, до боли ощущал родную степь, ощущал ее запахи, видел ее просторы... Для Мустафы красота и сила голоса Амре остались непревзойденными. Выступление Амре на Всемирной выставке декоративного искусства в Париже в 1925 году стала неожиданной сенсацией для музыкального мира Европы. Газеты с изумлением и восторгом писали о нем. Знатоки музыки, подобно Ромену Роллану, с восхищением отзывались о самобытности его голоса, об его исполнении...

Счастье улыбнулось Мустафе Шокаю и в 1927 году во Франкфурте-на-Майне, когда Амре выступал на Всемирной музыкальной выставке. Мустафа выехал туда заранее, снял номер в отеле, где состоялась их новая встреча... Мустафа Шокай хранил тайну этих встреч до конца, оберегая Амре от неприятностей...

Сопоставления и анализ фактов, относящихся к его гибели, подводят к одной мысли: он был убит нацистами за отказ сотрудничать с ними. Он был и остался патриотом своей великой Отчизны, он не оказался в стане врага, как это было приписано ему нашими "разоблачителями" "буржуазной идеологии". И сколько бы не твердили эти "разоблачители", он не имел никакого отношения, не был организатором, ни членом полумифического "Туркестанского легиона", ибо Муста-

фа Шокая не стало 27 декабря 1941 года еще за год до появления в печати упоминаний о "легионе".

По странному стечению обстоятельств ровно через четверть века, 17 декабря 1986 года в Алма-Ате, поверив в Перестройку, в ее демократизм, на площадь вышла молодежь. Она протестовала против прихода нового наместника из центра и несла лозунги "Каждому народу своего вождя", "Казахстан — казахстанцам". И жестоко поплатилась за свой выход. По команде срочно вызванного в Алма-Ату боевого генерала из Афганистана И. Карпова: "Ребятки, а ну покажем им!" студенты были избиты железными прутьями, саперными лопатами, облиты в декабрьский мороз холодной водой, затравлены собаками... Площадь окропилась кровью...

По приказу другого генерала, бывшего заместителя начальника управления Уголовного розыска МВД СССР В. Комиссарова, заявившего, что надо пропустить через КПЗ хоть тысячи человек, чтобы найти "гнездо националистов", людей хватали на улицах, в аудиториях, общежитиях, автобусах... хватали и избивали и ответственность за все эти беззакония брал на себя Комиссаров: "Я отвечаю!"

Так начались репрессии... В роли судьи из центра выступил один из самых амморальных членов Политбюро ЦК КПСС Соломенцев. Вместе с наместником Колбиным они подготовили документ. И если раньше, во времена Мустафы Шокая в 20-х, 30-х, 40-х, а затем и в 50-х годах речь шла об "отдельных" или "группе казахских националистов", то теперь по предложению Соломенецева и Колбина само Политбюро приняло и донесло через газеты, радио и телевидение до всего мира свое Постановление "О казахском национализме".

Итак, впервые в истории цивилизации, один народ целиком, по воле правящей верхушки КПСС был заклеймен как "народ-националист". Нужны были факты, нужны были подтверждения и центральные газеты и журналы не скупились на "доказательства" и "факты" ни кем и ни чем не подтвержденные. Например, не оправдались, а оказались ложными такие выступления "Известий" как "Паутина", "Опальные, но свои...", прозвучавшие как издевательство над национальной интеллигенцией...

Тот, кто хочет знать всю правду о Мустафе Шокае и знать, о чем он писал, что защищал, что осуждал и о чем мечтал, может воспользоваться книгой выдающегося турецкого историка-публициста Хасана Оралтая (Стамбул, 1973 г.). Исследования, посвященные жизни Мустафы Шокая многократно

печатались в издательствах Оксфорда (последний раз в 1986 г.), в Беркли (1960 г. Калифорния, США), в Кембридже (1957, 1964 гг.), многократно в Берлине, Париже, Мюнхене (1950, 1960 гг.), в Кельне (1962 г.), в Нью-Йорке (1957 г.)...

В нашей стране, по понятным причинам, его труды не издавались, но "опровергателей" было множество. Пасквилей и "разоблачений" не счесть, потому что идеология тоталитаризма, имперская психология жестоко карали даже малейшее поползновение к инакомыслию. У нас долго господствовала ложь, возведенная в государственную степень, оплодотворявшаяся и опекавшаяся правителями правящей партии. И в такой ситуации, как писал великий Жорес:

— **"Мужество требует искать Правды и ее говорить".**

Мустафа Шокай доходил до Истины, до Правды как бы глубоко ее не прятали, в каких бы цепях ее не держали и выводил ее на свет, на свободу и потому, мне кажется, справедливы слова другого выдающегося француза, друга Мустафы Пьера Реноделя:

— **"Не лучше ли извлекать уроки из опыта, чем убаюкивать себя ложью, которая в конце концов перестанет кого-либо обманывать? Мустафа Чокаев оказывает поэтому нам услугу, сообщая совокупность своих сведений и документов, подлинных и неопровержимых.**

Во имя Истины Он заслуживает благодарность".

Пусть навсегда вернется на родину Его доброе и честное Имя, а его сердце и душа всегда были с родным народом.

Март, 1991 г. Алма-Ата.

СОДЕРЖАНИЕ

Мустафа ЧОКАЙ-ОГЛЫ

ТУРКЕСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ СОВЕТОВ

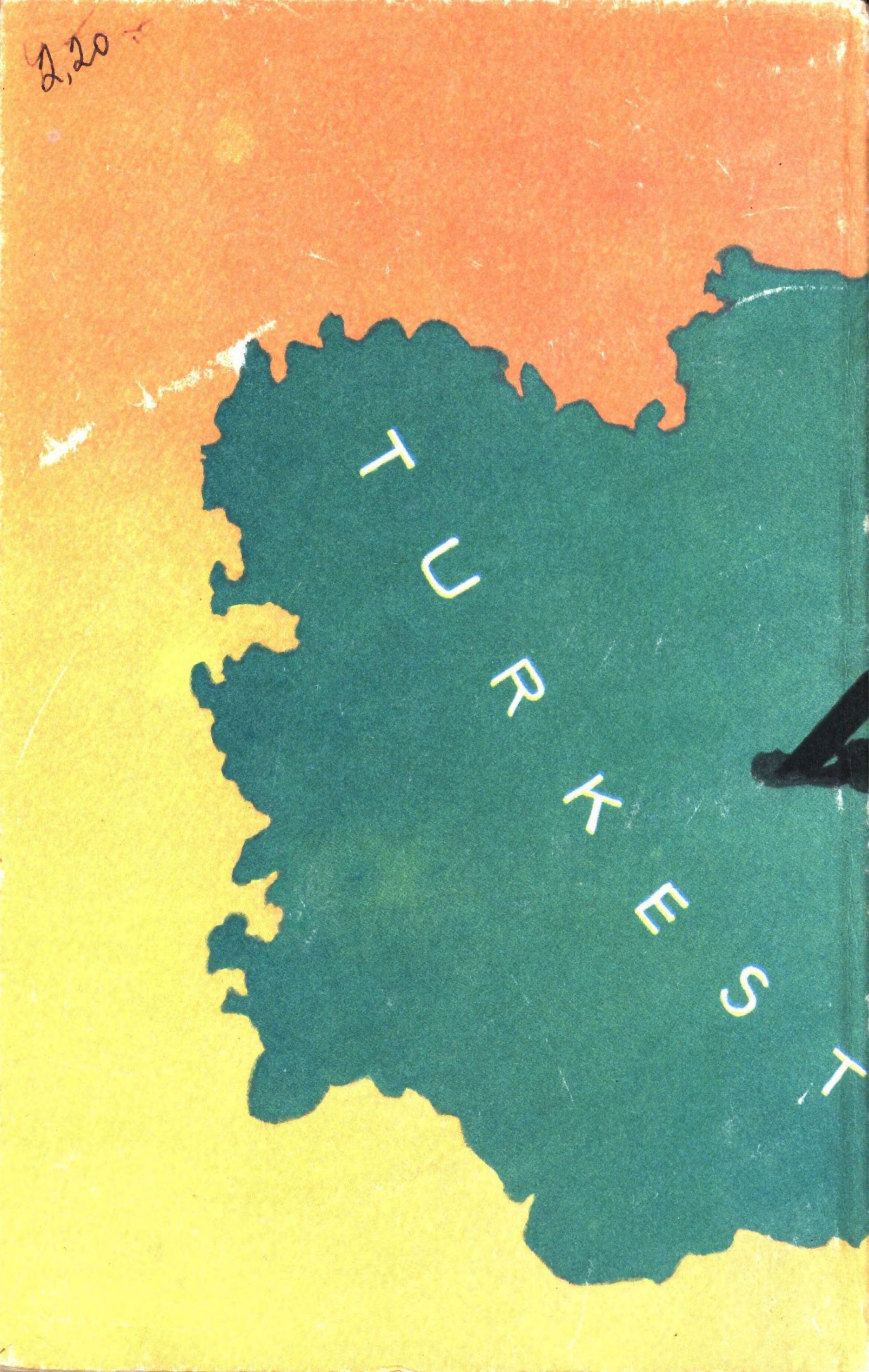
Ответ. за выпуск Ю. В. Тарасов
Художник А. Койшегулова
Техн. редактор Ф. Шабанова

ИБ № 5

Сдано в набор 29.10.92. Подписано к печати 26.11.92
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура тип "Таймс".
Печать офсетная. Усл. п. л. 8,4. Уч. изд. л. 88. Тираж 10000 экз.
Заказ 1633 Цена договорная.

Министерство печати и массовой инормации Республики Казахстан.
Издательство "Айкап".

Полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480002, г. Алматы, ул Макатаева, 41

2,20
TURKEST

